

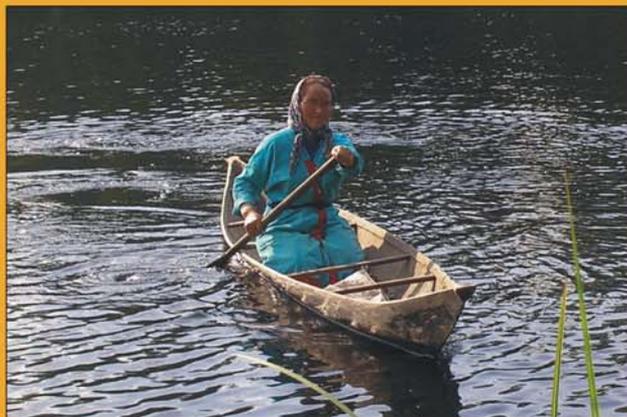

1 (20)

2013

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 1 (20)
2013**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
А.Н. Багашев

Редакционный совет:
акад. В.И. Молодин (председатель),
чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, С.В. Васильев, В.Н. Логвин, Н.А. Миненко,
О.М. Рындина, Н.А. Томилов, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина,
Ю.К. Чистов, Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), В.А. Зах, В.П. Ключева,
Н.А. Лискевич (ответственный секретарь), А.В. Матвеев,
Д.В. Московченко, Н.Е. Рябогина, А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМИ
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2013

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Епимахов А.В., Молчанов И.В. Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения Каменный Амбар: каменные плавильные чаши	4
Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И. Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер	10
Панкратова Л.В. «Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»	24
Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники Таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения.....	34
Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII)	47

Антропология

Слепченко С.М., Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1)	58
--	----

Этнология

Адаев В.Н. Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: хозяйственное освоение и заселение новой территории	67
Филин П.А. Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски: культурный сдвиг и его влияние на этничность	76
Мягков Д.А. Кедровый промысел тобольских татар в конце XX — начале XXI в.: экологические и адаптационные аспекты	89
Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских переселенцев в Прибайкалье	96
Щербич С.Н. Воскресенская вотчина Тобольского Софийского дома в конце XVII — XVIII в.	104
Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай	112
Поплавский Р.О. Тюменские протестантские общины в контексте «религиозного возрождения» 1990–2000-х гг.	118
Лобанова О.Ю., Семенов А.В. Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа	124

Палеоэкология

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов Притоболья в раннем средневековье (по результатам спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы могильника Устюг-1)	133
Гасилин В.В., Гимранов Д.О., Косинцев П.А. Промысел куниц (род <i>Martes</i>) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене	139

Рецензии

Бауло А.В. Зеркало в руках Мастера. Рецензия. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев	149
Вниманию авторов	153
Список сокращений	156

На передней стороне обложки: фото В.Н. Адаева из серии «Юганские ханты на Демьянке. 2007 г.»; хозяйственный лабаз, ст. Ярсино, 2007 г. (фото В.Н. Адаева); бронзовые шило и бляшка, обломок глиняной литейной формы с поселения Курья 1 (Тюменский р-н Тюменской обл.).

Contents

Archaeology

Yepimakhov A.V., Molchanov I.V. Evidences of metal production in Bronze Age regarding a fortified settlement of Kamenny Ambar: stone melting pots	4
Zakh V.A., Ryabogina N.Ye., Ilyushina V.V., Ivanov S.N., Murzina Ye.I. The Fyodorovo Kurja 1 settlement in a system of the Andreyevo lakes.....	10
Pankratova L.V. «Protecting from troubles and bringing wealth...»	24
Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P. Karym sites of the taiga Low Ob basin: history of study, chronology and territory of coverage.....	34
Gordienko A.V. The Low Tobol basin in the first half of I millennium A.D. (after excavation materials of the Ajga VIII settlement)	47

Anthropology

Slepchenko S.M., Poshekhonova O.Ye., Skochina S.N. On medical knowledge of early medieval population in the Low Tobol basin (after materials of Ustyug-1 burial ground)	58
--	----

Ethnology

Adayev V.N. Adaptation stages of Ugansk Khanty at the Demyanka river: economic development and settlement of a new territory	67
Filin P.A. Russian borrowings in traditional culture of Alaska native people: a cultural shift and its influence upon ethnicity.....	76
Myagkov D.A. Gathering cedar nuts with Tobolsk Tartars in the late XX — early XXI century: ecological and adaptation aspects	89
Fyodorov R.Yu., Bogordayeva A.A. Historical and ethnographic aspects of life with Byelorussian migrants in the Low Baikal basin	96
Tcherbich S.N. Voskresensk votchina of Tobolsk St. Sophia House at the end of XVII — XVIII c.	104
Yabyshtayev T.S. Tribal festivals of Altai people in the ethnocultural discourse of the Republic of Altai.....	112
Poplavsky R.O. Tyumen Protestant communities in the context of «religious Renaissance» in 1990s — 2000s.....	118
Lobanova O.Yu., Semyonov A.V. A repertoire of protest actions: an experience of sociocultural analysis.....	124

Paleoecology

Ryabogina N.Ye., Ivanov S.N. Reconstruction of landscapes' look in the Low Tobol basin in the early Middle Ages (by results of spore-and-pollen analysis of buried soil from Ustyug-1 burial ground).....	133
Gasilin V.V., Gimranov D.O., Kosintsev P.A. Weasel hunting (gen. <i>Martes</i>) by population from the Low Volga basin and South Urals in Holocene.....	139

Review

Baulo A.V. A mirror in the hands of the Master. A review. Khanty-Mansi National Region in the mirror of the past: Collection of articles / Ed. by Ya.A. Yakovlev	149
---	-----

Memo to the Authors	153
Abbreviations	156

АРХЕОЛОГИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА БРОНЗОВОГО ВЕКА УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР: КАМЕННЫЕ ПЛАВИЛЬНЫЕ ЧАШИ¹

А.В. Епимахов*, И.В. Молчанов**

Статья посвящена анализу редкой категории находок бронзового века — каменных плавильных чаш. Представлены предварительные результаты морфологического и трасологического исследования. На основании контекстуального анализа артефакты отнесены к синташтинскому периоду существования поселения Каменный Амбар.

Бронзовый век, металлопроизводство, Урал, синташтинский тип, плавильная чаша.

Длительная история исследования не стала причиной падения интереса к разным аспектам становления и функционирования древней металлургии. Детализация картины позволяет выявлять все новые грани этого феномена, который, по мнению ряда авторов, определил специфику эпохи палеометалла, включая южно-уральские древности конца III — начала II тыс. до н.э. Более того, предполагается, что эта отрасль оказала прямое влияние на культурные стереотипы синташтинского и петровского населения в целом [Виноградов, 2011, с. 147].

В данной работе мы представим предварительные результаты изучения весьма редкой группы артефактов, непосредственно связанных с процессом получения и обработки металла, — каменных плавильных чаш. Среди разнообразия сюжетов сосредоточимся только на некоторых: технология изготовления, морфология изделий и контекст находок. Все они сделаны в ходе раскопок одного поселения — Каменный Амбар. Основные сведения о результатах исследований приведены в нескольких публикациях [Krause et al., 2010; Корякова и др., 2011], которые позволяют нам ограничиться кратким перечнем фактов. Укрепленное поселение расположено в Южном Зауралье. Дешифрирование аэрофотосъемки [Зданович, Батанина, 2007], геофизические исследования и раскопки позволили установить его основные параметры.

Наиболее ранний этап застройки связан с возведением линии укреплений, очертивших площадку подпрямоугольной формы, разделенную на практически равные части промежуточной линией фортификации. Внутреннее пространство в северной половине было занято четырьмя параллельными рядами сблокированных построек с двумя продольными «улицами», заканчивающимися выходами. Южная половина очень сильно пострадала от последующих перестроек и современного антропогенного воздействия. Тем не менее некоторые факты говорят в пользу предположения о структурном сходстве двух частей поселения. Раскопки показали, что картина функционирования поселения сложнее, чем представлялось по результатам дистанционных обследований: имеются следы перепланировок, в пределах каждого из помещений выявлено большое число колодцев, явно сооружавшихся последовательно, и т.д. В керамическом комплексе раннего этапа надежно опознаются синташтинские и петровские традиции, однако четкое хронологическое членение материалов этой части оказалось невозможным. Все постройки (1, 2, 4, 7 и др.) этого периода слабо заглублены в погребенную почву.

В последующие периоды бронзового века площадка памятника многократно использовалась населением для сооружения отдельных построек. Котлованы значительной глубины нередко прорезали предшествующий культурный слой, разрушая его, что сильно осложнило анализ фактических материалов, значительная часть которых оказалась переотложена. Так, в границах обширной постройки 3 полностью уничтожен ранний культурный слой построек 1 и 2 (за исключением нижнего заполнения колодцев). Поздняя постройка 6 повредила заполнение стратегически предшествующей постройки 4.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 12-06-91330-ННИО-а).

Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения...

В керамическом комплексе позднего этапа функционирования памятника выделяются срубно-алакульская и финально-бронзовая (валиковая) группы (последняя представлена единично). Все изученные раскопками поздние котлованы, упоминаемые в тексте, связаны со срубно-алакульским временем. В свете изложенного не приходится удивляться тому, что, несмотря на тщательность раскопок и индивидуальную фиксацию находок, контекст многих из них остался под вопросом. Это в полной мере касается и интересующей нас серии свидетельств металлопроизводства.

Всего к настоящему времени раскопками было изучено четыре участка в северной, а также на границе северной и южной частей поселения общей площадью более 1500 м². Стационарному исследованию подверглись система фортификации, полностью или частично 12 построек², три из которых относятся к срубно-алакульскому периоду, а также межжилищное пространство (две «улицы»).

Описание артефактов

Всего обнаружены части восьми артефактов. Это фрагменты чаш разных размеров с округлым, иногда слабо уплощенным дном (табл. 1). Материалом для изготовления во всех проанализированных примерах являются талькиты. Судя по изученным трасологически изделиям (табл. 2), поверхность камня обрабатывалась металлическим лезвием путем срезания лишних частей до придания необходимой формы. Об этом свидетельствуют срезы, которые видны невооруженным глазом. Под бинокляром³ на них фиксируются тонкие длинные глубокие параллельные друг другу царапинки. Отмечены следы остановки лезвия при резке, в виде небольших уступчиков на негативе срезов.

Таблица 1

Основные параметры каменных чаш

№ п/п	№ рис.	Макс. размеры (мм)	Толщина по венчику (мм)	Толщина тулова (мм)	Реконструируемый диаметр (мм)	Реконструируемая высота (мм)	Объект	Культурная принадлежность
1	1, 2	68 * 66	10	3			?	?
2	1, 5	51 * 35	4	10			Ров	Синт.-петр.* Сруб.-алак.
3	1, 4 2, 4	93 * 90	10	7	178	40	Ров	Синт.-петр.* Сруб.-алак.
4	2, 2	47 * 39		25			Межжилищ. простр.-во	Синт.- петр.?
5	1, 1 2, 1	63 * 80	21	10			Постр. 4	Синт.- петр.?
6	2, 3	42 * 43	15	11			Постр. 3	Сруб.-алак.
7	1, 6	124 * 101	14	5	190	58	Постр. 5	?
8	1, 3	63 * 56	11	4			«Зольник»	?

* Фрагменты одного изделия, залегавшие в разных контекстах.

Таблица 2

Следы изготовления и использования каменных чаш

№ п/п	№ рис.	Наличие слива	Остатки шлака	Направление резки	Подновление поверхности	Форма венчика
1	1, 2		+	От венчика к основанию		Уплющенный
2	1, 5		+	От венчика к основанию		Подтреугольный
3	1, 4 2, 4	+	+	От венчика к основанию		Срезанный горизонтально
4	2, 2				+	Подтреугольный
5	1, 1 2, 1	+		Параллельно краю венчика		Округлый
6	2, 3		+			Округлый
7	1, 6		+	Параллельно краю венчика		Срезанный горизонтально
8	1, 3		+			Подтреугольный

² Нумерация объектов производилась по мере их обнаружения.

³ Использовался микроскоп МБС 2 с увеличением 50х.

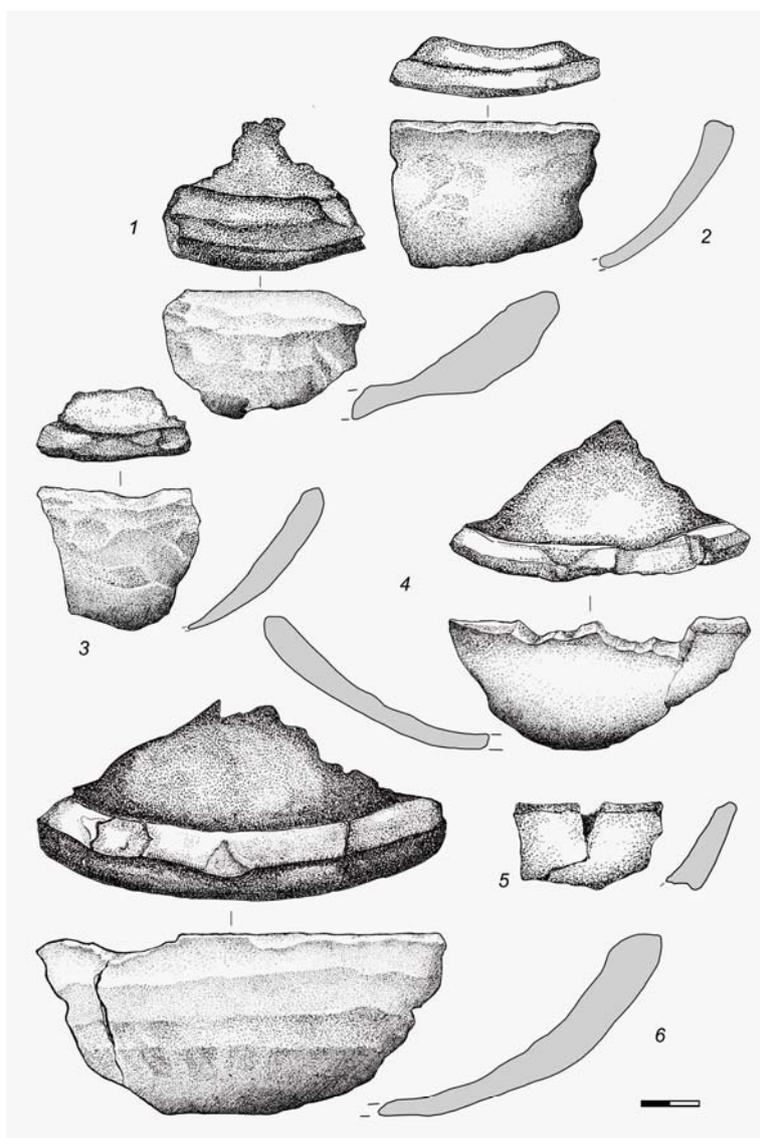

Рис. 1. Поселение Каменный Амбар. Рисунки фрагментов каменных плавильных чаш: 1 — 718/4; 2 — 715/709; 3 — O/1151; 4 — 716/800, 978; 5 — 717/314, 330; 6 — 718/3280

Диаметр удалось определить лишь для двух чаш: у первой он не превышает 190 мм при общей высоте 58 мм; второй — 178 мм при высоте 40 мм. Реконструируемые объемы составляют 799 и 380 см³ соответственно⁴. Стенки сосудов слегка округлые, слабо профилированные. Разница в показателях толщины предметов как по венчику (от 4 до 25 мм), так и по тулову (от 3 до 25 мм) позволяет говорить как минимум о трех чашах. Это заключение косвенно подтверждают и расхождения в технике конечной обработки поверхностей: в некоторых случаях следы изготовления на внешней поверхности фрагментов направлены от края венчика к дну (табл. 2, 1–3), в других — параллельно краю венчика (табл. 2, 5, 7)⁵. Различна и форма венчиков: уплощенная, подтреугольная, срезанная горизонтально и округлая.

Минимум на двух фрагментах хорошо прослеживается носик-слив. Изнутри в верхней части большинства фрагментов (за вычетом двух экземпляров) отмечены остатки шлака. Следы воздействия огня несут внешние поверхности всех обломков. Причины отсутствия ошлакованности некоторых артефактов и белый цвет внутренней поверхности одного из них, с нашей точки зре-

⁴ Этот показатель имеет оттенок условности, поскольку при расчетах мы рассматривали форму чаши как сегмент сферы, диаметр и высота также устанавливались с разной степенью уверенности.

⁵ В ряде случаев поверхность оказалась заглажена, вероятно, в ходе эксплуатации.

Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения...

ния, могут быть связаны с ее подновлением. Последнее отмечено у фрагмента, который к тому же выделяется своей массивностью, значительной толщиной стенки и очень небольшим линзовидным углублением⁶ (рис. 2, 2).

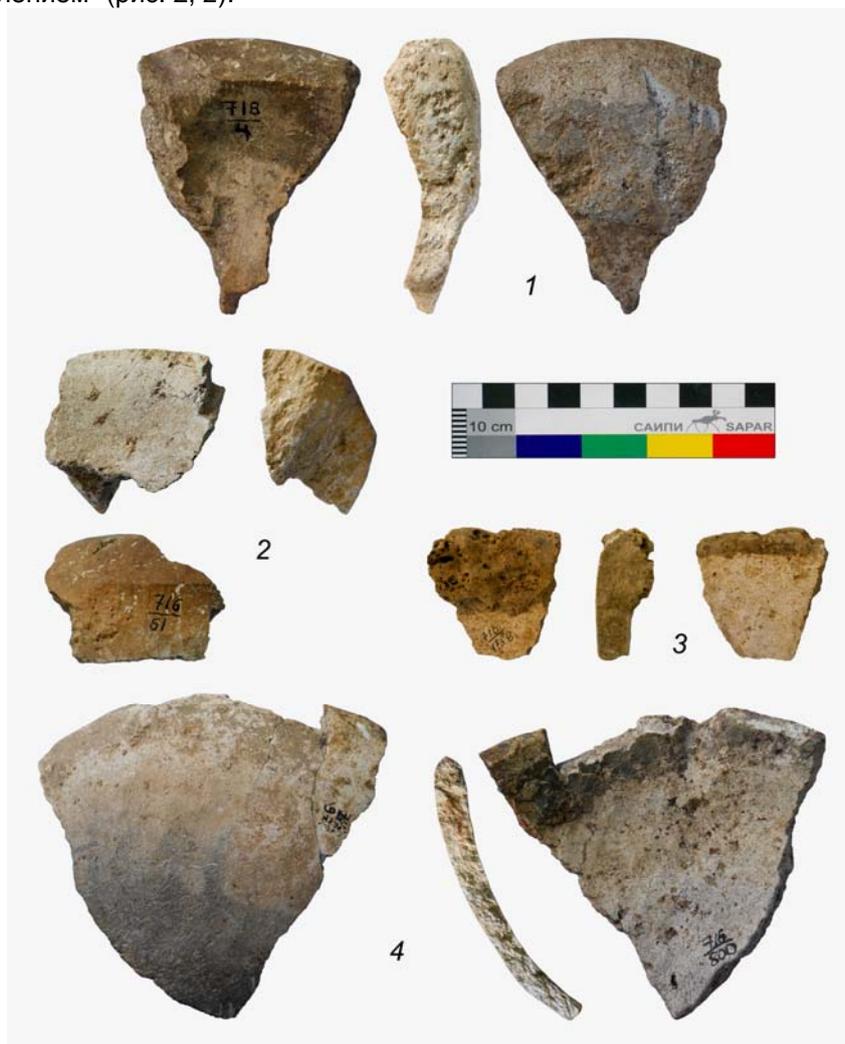

Рис. 2. Поселение Каменный Амбар. Фотографии фрагментов каменных плавильных чаш:
1 — 718/4; 2 — 716/61; 3 — 716/1758; 4 — 716/800, 978

Контекст находок и культурная атрибуция

Многослойность памятника, перемешанность слоев и малочисленность изученной серии явились осложняющими факторами для определения культурной принадлежности изделий. Тем не менее контекстуальный анализ позволил сделать некоторые выводы. В результате раскопок удалось не только выделить этапы застройки (синташтинско-петровский и срубно-алакульский), но и соотнести разновидности почвенных слоев с культурно-хронологической шкалой. Принадлежность конкретного слоя тому или иному этапу определялась по залеганию в нем культурно-диагностируемой керамики. Эти заключения были использованы и для атрибуции фрагментов чаш. Правда, не все слои на сегодняшний день столь четко атрибутированы, есть и примеры их смешения. В этой связи нами дополнительно изучался вопрос о том, керамика каких культурных типов выявлена в непосредственной близости от интересующих нас артефактов.

Безусловно, очевидны слабости такого рода построений в условиях многослойного памятника, на котором трудно вычленить строительные горизонты. Нельзя сбрасывать со счетов фактор

⁶ Мы допускаем, что за этими различиями стоит разность функций изделий.

смещения слоев и предметов, залежавших в них, во время вторичного заселения и/или перестроек на раннем и позднем этапах функционирования поселения. В свете изложенного заключения в этой части носят предварительный характер. В целом картина выглядит следующим образом.

Первая группа ассоциирована с синташтинскими и петровскими слоями. В нее вошли два фрагмента чаш, найденных в заполнении рва (табл. 1, 2, 3; рис. 1, 4, 5; 2, 2, 4). Возможно, этот список следует расширить за счет находки в межжилищном пространстве (табл. 1, 4; рис. 2, 2)⁷. В срубно-алакульских слоях (ров, постройка 3) выявлены три изделия. Однако из этого числа два фрагмента из заполнения рва оказались частями сосудов, ранее атрибутированных как синташтинско-петровские (табл. 1, 2, 3). Таким образом, лишь находка из постройки 3 «претендует» на позднюю хронологическую позицию (рис. 2, 3). В отношении оставшейся части коллекции (табл. 1, 1, 6, 7; рис. 1, 2, 3, 6) мы не располагаем надежными аргументами в пользу какой-либо версии культурно-хронологической атрибуции.

Второй подход к решению проблемы культурной интерпретации (по совместному залеганию с культурно-диагностируемой керамикой) оказался менее информативен, поскольку такая ситуация зафиксирована всего дважды. Речь идет об упомянутой находке в межжилищном пространстве, рядом с фрагментами синташтинской посуды (табл. 1, 4; рис. 2, 2), а также об артефакте из постройки 4 (табл. 1, 5; рис. 1, 1; 2, 1). Этот объект с синташтинской атрибуцией оказался серьезно поврежден котлованом поздней постройки 6.

Часть серии даже при сочетании двух вариантов контекстуального анализа осталась неатрибутированной и не соотнесена ни с одним из этапов застройки (табл. 1, 1, 7, 8): в одних случаях — из-за отсутствия индивидуальной фиксации в период раскопок 1990-х гг. (табл. 1, 8; рис. 1, 3), в других — ввиду сложной стратиграфической ситуации с большим количеством тонких прослоек. В целом можно констатировать устойчивую связь каменных чаш с синташтинским периодом. Единственным достоверным исключением (за вычетом неопределенных ситуаций) является находка из срубно-алакульской постройки 3. Этот котлован значительной глубины прорезал минимум две постройки предшествующего периода (1 и 2), что могло быть причиной попадания ранних материалов в его заполнение. Наглядной иллюстрацией реальности такой ситуации стали находки фрагментов одной и той же чаши в совершенно разных стратиграфических позициях заполнения рва.

Некоторые вопросы интерпретации

Примеры каменных технологических сосудов среди культур бронзового века Урала и прилегающих территорий, к сожалению, найти не удалось. Единственный каменный сосуд из алакульского поселения Камышное I [Потемкина, 1985, рис. 41] существенно отличается не только по форме, но и функционально. Согласно приведенному заключению Г.Ф. Коробковой, он «использовался для приготовления из руды порошкообразной смеси» [Потемкина, 1985, с. 115]. Наша серия явно не могла эксплуатироваться в таком качестве.

Плавильные чаши довольно широко представлены в материалах абашевской и срубной культур [Горбунов, 1989, рис. 13–14; Обыденнов, 1991, с. 196; Пряхин, 1996; Каргалы, 2004; и др.], в первую очередь на поселениях со следами металлургической специализации. Однако для их изготовления использована глина. Например, на Мосоловском поселении серия керамических плавильных чаш насчитывает 120 изделий, которые были разделены на два морфологических типа [Пряхин, Саврасов, 1993, с. 53; Пряхин, 1996, с. 60]. На селище Горном коллекция также впечатляющая — более 140 экз. [Каргалы, 2004, с. 70]. Фрагменты керамических чаш известны и на поселении Тюбяк [Обыденнов и др., 2001, рис. 10, 5, 6; 16; с. 35–37], где большая часть находок, видимо, связана с абашевским и срубным периодами застройки [Там же, с. 35–37 и др.]. Объем керамических чаш в среднем несколько больше в сравнении с каменными, но в целом цифры сопоставимы. Так, на Мосоловском поселении реконструируемый объем не превышает 1000 см³ [Пряхин, Саврасов, 1993, с. 53; Пряхин, 1996, с. 60]. Объем чаш с селища Горный колеблется от 680 до 1750 см³ [Каргалы, 2004, с. 73]. На наш взгляд, это является дополнительным аргументом в пользу функциональной близости рассмотренных серий.

В коллекции поселения Каменный Амбар также есть ошлакованные фрагменты керамики, что, видимо, указывает на их использование в процессе металлопроизводства⁸. Аналогичные

⁷ Сомнения вызывает в основном высокое относительно дневной поверхности залежание.

⁸ Дальнейшее изучение должно показать, функционировали каменные и керамические плавильные чаши параллельно или последовательно.

Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения...

находки сделаны и при раскопках поселения Устье 1, где выявлено два периода застройки: синташтинский и петровский [Виноградов, 2011, с. 86]. Более чем вероятно, что детальный анализ материалов других поселений синташтинского и петровского круга позволит расширить этот список, поскольку все они располагают свидетельствами производства и обработки металла.

В заключение следует подчеркнуть, что исследованная серия каменных чаш включала минимум три экземпляра. Таким образом, речь идет о местной культурной *традиции*, которая, правда, не получила широкого распространения. Причинами этого, скорее всего, были высокая трудоемкость изготовления, относительная редкость качественного каменного сырья и, возможно, хрупкость этого варианта технологической посуды. Несмотря на многочисленные оговорки, мы придерживаемся синташтинской (синташтинско-петровской) версии культурной атрибуции изделий. Отсутствие прямых и полных аналогов наряду с перечисленными выше причинами может быть объяснено и дефицитом полноценных публикаций результатов раскопок поселений. Поэтому мы видели одной из своих основных задач привлечение внимания специалистов к этой редкой категории артефактов. Перспективы ее изучения связаны не только с расширением источниковой базы, но с использованием естественно-научных анализов.

Благодарности

Авторы признательны С.В. Кузьминых (ИА РАН) и А.Д. Дегтяревой (ИПОС СО РАН) за консультации, А.М. Юминову (ИМин УрО РАН) — за петрографическое определение артефактов, а также С.В. Толкачевой — за подготовку иллюстраций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Горбунов В.С. Поселенческие комплексы бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев: КГПИ, 1989. 134 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: Горизонты исследований). Челябинск: Крокос: Южно-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Каргалы. Т. 3: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В. и др. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. 2011. № 4. С. 61–74.

Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. 208 с.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И. и др. Тюбяк: Поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во БашГУ, 2001. 159 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 176 с.

Пряхин А.Д., Саверсов А.С. Плавильные чаши Мосоловского поселения металлургов-литейщиков донской лесостепной срубной культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1993. С. 52–71.

Krause R., Korjakova L.N., Fornasier J. et al. Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintashta-Kultur im Trans-Ural, Westsibirien (Russische Föderation) // Eurasia Antiqua. Bd. 16. 2010. S. 97–129.

Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН

*eav74@rambler.ru

**kolis@mail.ru

The article is devoted to analysis of a rare category of Bronze Age findings — stone melting pots. Subject to presentation being preliminary results of a morphological and tracelological investigation. Basing on a contextual analysis, the artefacts have been referred to the Sintashta period of existence of Kamenny Ambar settlement.

Bronze Age, metal production, Urals, the Sintashta type, melting pot.

ФЕДОРОВСКИЙ ПОСЕЛОК КУРЬЯ 1 В СИСТЕМЕ АНДРЕЕВСКИХ ОЗЕР¹

В.А. Зах, Н.Е. Рябогина, В.В. Илюшина, С.Н. Иванов, Е.И. Мурзина

*Рассматриваются материалы комплекса федоровской культуры многослойного поселения Курья 1, расположенного у одноименного древнего старичного озера на севере Андреевской озерной системы. Находки федоровской культуры сделаны в слое темно-коричневой супеси и колодезных ямах, прорезающих ранние наслоения и материковый песок. Исследованы остатки, вероятно, трех слегка углубленных жилищ с колодцами, содержащих керамику, немногочисленный инвентарь и кости животных. Спорово-пыльцевой и гельминтологический анализы проб, отобранных из заполнения колодцев, показали, что федоровский поселок существовал в аридных условиях с остепненными ландшафтами. Вызывает интерес пыльца злаков, которую можно разделить на две размерные группы: мелкую пыльцу дикорастущих и крупную, диагностируемую как пыльца культурных злаков. По морфологическим признакам она близка пыльце пшеницы (*Triticum* sp.), встречающейся в виде скоплений, что является одним из основных диагностических признаков близко расположенного засеянного поля. В пробах из заполнения колодцев, которые после их оплывания использовались, скорее всего, для утилизации пищевых отходов, обнаружены яйца фасциолы.*

Андреевская озерная система, федоровская культура, керамика, спорово-пыльцевой анализ, дикорастущие и культурные злаки, яйца гельминтов.

В конце III — начале II тыс. до н.э., в суббореальный период голоцена, Северную Евразию охватывает новая волна аридизации климата (так называемый климатический оптимум). Вследствие этого в западно-сибирскую лесостепь начинается продвижение скотоводческого населения из юго-западных и южных областей. В разные периоды II тыс. до н.э. в лесостепи и южно-таежной части Западной Сибири от Енисея до Урала проживало население нескольких археологических культур, объединенных рядом общих признаков, одним из которых является самусьско-сейминская металлургия [Черных, Кузьминых, 1989]. Наиболее исследованы такие культуры, как окуневская, самусьская и кротовская, поселения и могильники которых расположены к востоку от Иртыша [Вадецкая и др., 1980; Молодин, Глушков, 1989; Матющенко, 1973; Молодин, 1977, 1985]. В лесостепном и южно-таежном Притоболье в начале II тыс. до н.э. до прихода петровско-алакульских коллективов проживало население, оставившее поселки ташковской культуры [Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000]. С проникновением мигрантов и взаимодействием их с аборигенным населением появляются синкретичные алакульско-ташковские комплексы, ставшие основой сложения коптяковских, из которых развиваются комплексы федоровской культуры в Притоболье [Зах, 2012].

Исследованных федоровских поселений в лесной части Нижнего Притоболья немного [Зах, 1995], два из них, Дуванское 17 [Стефанов, Корочкова, 1983, 2000] и Курья 1 [Волков и др., 2007], находятся на территории Андреевской озерной системы.

Остановимся на характеристике федоровского комплекса поселка Курья 1. Многослойное поселение расположено на невысоком древнем останце-террасе некогда обширного водоема — в настоящее время это оз. Чепкуль и еще ряд мелких озер, — на северо-западном берегу оз. Курья. Площадка поселения вытянута с севера на юг и с запада на восток примерно на 120 и 40 м соответственно. Поселок находился на нижнем краю террасы, ближе к межозерной низине, на достаточно низких отметках. Памятник занимает около 5000 м². К югу от него расположены открытые луговые пространства, к северу, на песчаных дюнах, — смешанный сосново-березовый лес (рис. 1, 1, 2).

В 2004 г. на нарушенной площади поселения в северо-западной части был разбит разведочный раскоп размерами 4x4 м. Выявлена незначительная часть котлована жилища эпохи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-31044 «Динамика гончарного производства у населения эпохи бронзы в лесостепной зоне Западной Сибири», гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

бронзы, слабо углубленного в материк. Вскрыты столбовые и хозяйственные ямы (рис. 1, 3). На разрезе фиксировались темно-коричневая супесь мощностью 0,45 м, прослойка черной супеси с углем, по образцу из которой получена дата (СОАН 5849 3390±40 л.н.) [Зах и др., 2011] (0,1 м) и серая супесь мощностью 0,15–0,25 м (рис. 1, 4). Обнаружена в основном керамика, украшенная геометрическими узорами, наклепными и формованными валиками, каннелюрами и орнаментами из прочерченных линий и гребенчатых оттисков. Найдены обломки каменных орудий и изделия из глины (рис. 1, 5–10).

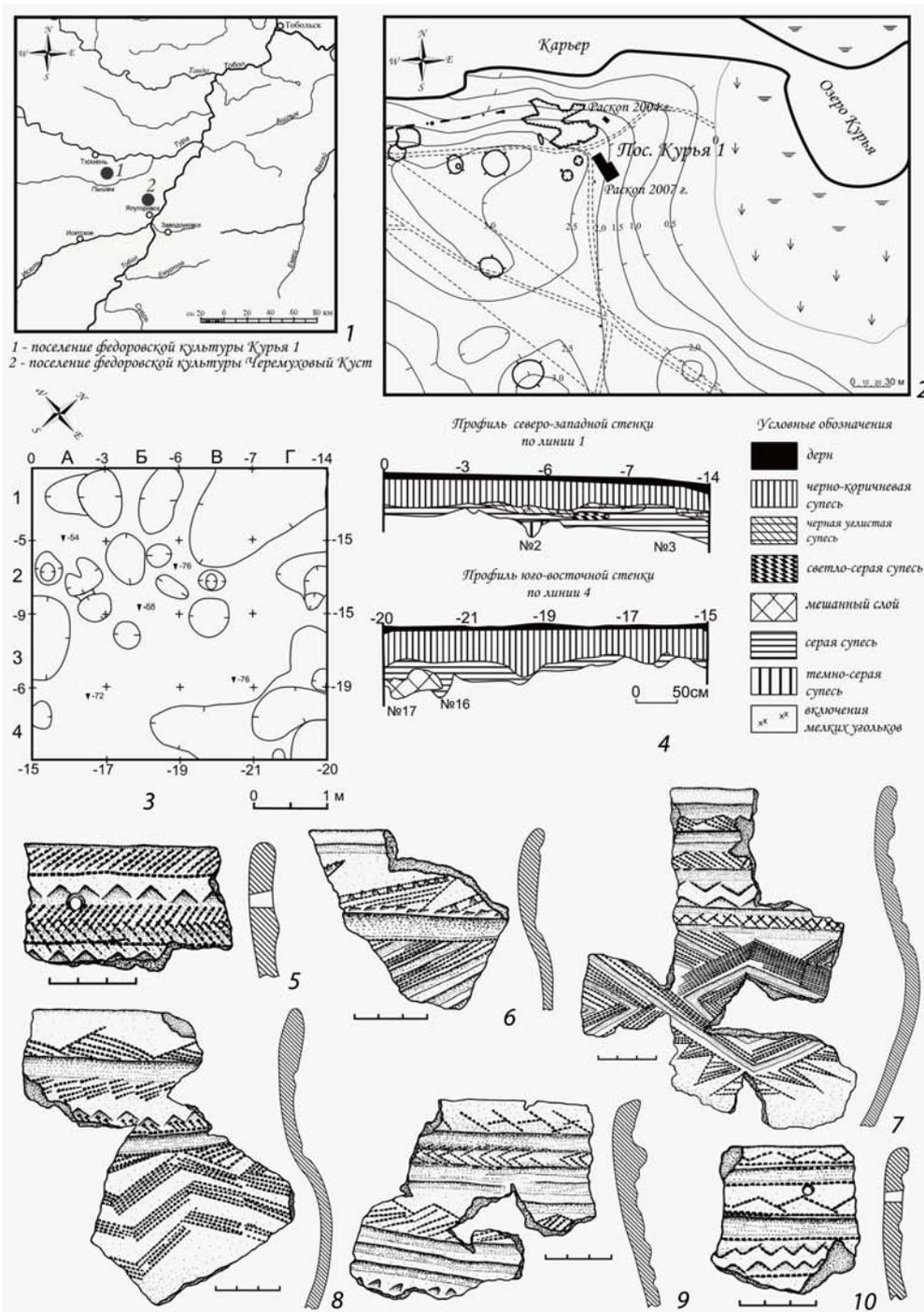

Рис. 1. Расположение поселения Курья 1 (1, 2) и материалы раскопа 1 (3–10)

В 60 м к югу от раскопа был заложен шурф 1, а в 2007 г. в 30–40 м раскопом площадью 315 м² вскрыты слои неолита, раннего металла [Волков, 2010] и эпохи бронзы. Сделано незначительное количество находок переходного от бронзы к раннему железу времени и средневековья. В силу многослойности памятника и малой глубины федоровских жилищ, находившихся в пачке культурных отложений, котлованы практически не прослеживались. Федоровские материалы обнаружены в основном в слое темно-коричневой супеси, залегающем между коричневой (пахотный слой) и серо-коричневой супесью, содержащей находки байрыкской культуры эпохи раннего металла. На поселении выявлено 7 колодезных ям, перерезавших ранние напластования и углублявшихся в подстилающий материковый песок. Колодцы выбраны не полностью, поскольку быстро заполнялись обильными грунтовыми водами. Частично материковые выбро-сы лежат на слое серо-коричневой супеси, что маркирует стратиграфическую позицию пола федоровских строений (рис. 2, 1, 2).

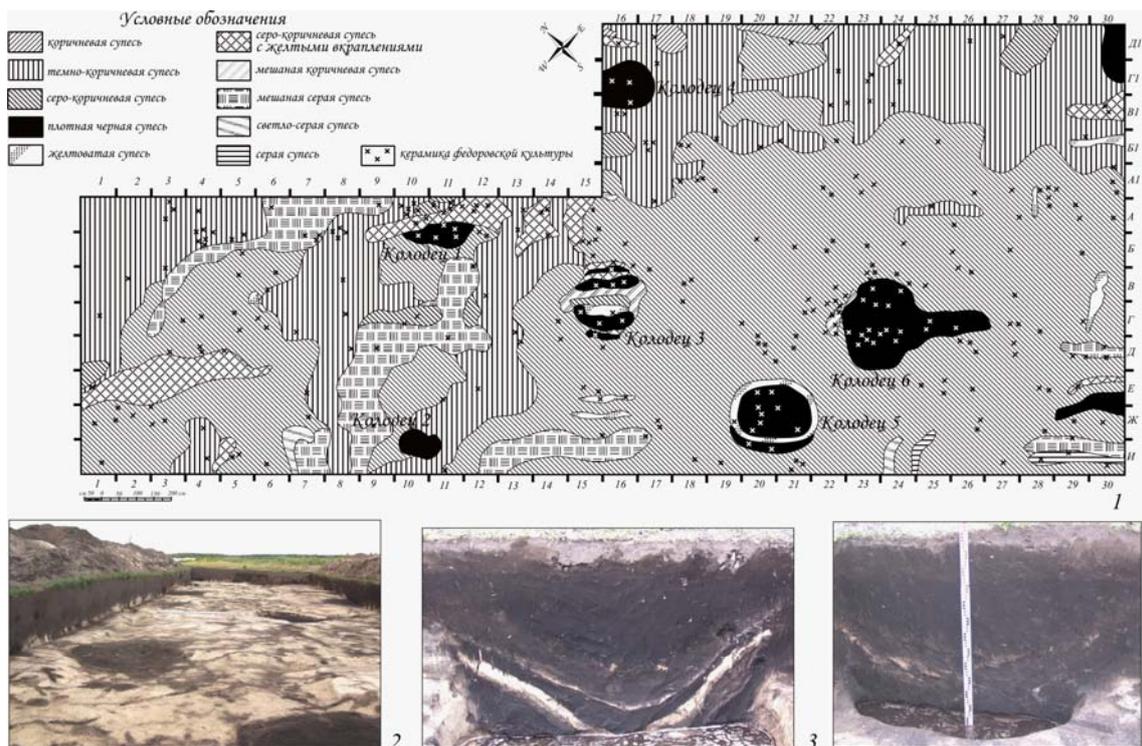

Рис. 2. План раскопа на уровне 4 горизонта (1), вид с ЮВ на колодцы на уровне материка (2), разрез колодцев 4 и 7 (3, 4)

Колодец 1. Яма на материке имела округлые очертания, размеры 1,85×1,60 м, исследована до глубины 0,71 м от уровня материка. В заполнении отмечались слои супесей плотной черной, серо-коричневой, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и горизонт желтоватой супеси. Материал представлен 5 фрагментами посуды федоровской культуры и мелкими дроблеными костями животных. В заполнении колодезной ямы встречены также четыре фрагмента байрыкской керамики эпохи раннего металла.

Колодец 2. Яма округлой формы, размерами 1,88×1,90 м, вскрыта до глубины 0,87 м от уровня материка, была заполнена плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и грязно-желтой супесью. Материал представлен 21 фрагментом федоровской посуды и остеологическими остатками. Здесь же найдены 4 фрагмента стенок байрыкских сосудов и 2 фрагмента посуды андреевской культуры эпохи раннего металла.

Колодец 3. Яма имела округлые очертания, размеры 1,25×1,30 м, исследована до глубины 0,72 м, в заполнении колодца отмечалась плотная черная, серо-коричневая с желтыми вкраплениями и рыжая супесь. Обнаружено 53 фрагмента федоровских сосудов, 9 фрагментов стенок байрыкской керамики и обломок «сигаровидного» грузила эпохи раннего металла, а также днище

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

боборыкинского сосуда эпохи неолита. Остеологические остатки фиксировались в виде плотных, крупных скоплений дробленной кости, залегавших в основном в придонном заполнении колодца.

Колодец 4. Яма исследована частично, имела округлую форму, размеры 1,70×2,10 м, глубину от уровня материка 0,55 м, заполнена плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и желтой супесью с различными примесями (рис. 2, 3). Материал из заполнения ямы представлен 5 фрагментами федоровской керамики и 4 костями животных.

Колодец 5. Яма имела округлую форму, размеры 2,12×2,04 м, вскрыта до глубины 0,65 м от уровня материка, заполнена слоями плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями супеси и желтоватого песка. Материал представлен 5 фрагментами керамики федоровской культуры, фрагментами стенки андреевского сосуда эпохи раннего металла и 4 костями животных.

Колодец 6. Яма имела подовальные очертания, размеры 1,97×2,28 м, исследована до глубины 0,58 м от уровня материка, заполнена плотной черной, рыжей и мешаной коричневой супесью. Материал представлен 28 фрагментами федоровской посуды, 5 фрагментами байрыкской керамики, 3 фрагментами стенок и 1 — венчика неолитических горшков и 24 костями животных.

Колодец 7. Колодезная яма исследована частично, имела округлые очертания, размеры 1,55×0,51 м, исследована до глубины 0,55 м от материка, заполнена плотной черной, серо-коричневой с желтыми вкраплениями и переотложенным горизонтом светло-серой супеси (рис. 2, 4). Материал представлен 3 фрагментами стенок федоровской посуды.

Для выявления границ жилых сооружений был проведен планиграфический анализ распространения фрагментов венчиков федоровской посуды относительно темно-коричневой супеси и колодезных ям. Судя по расположению керамики, раскопом вскрыты остатки, видимо, трех жилищ. С жилищем 1, вероятно, связаны колодцы 3, 5, 6, с жилищем 2 — колодезные ямы 1, 2, жилищем 3 — колодцы 4, 7 (рис. 2, 1). Котлованы курьинских федоровских жилищ, скорее всего, были неглубокими, с пологими стенками и колодцами внутри строений, они полностью аналогичны сооружениям федоровского поселения Черемуховый Куст [Зах, 1995].

Керамический комплекс Курья 1 представлен фрагментами 381 сосуда, из которых 139 были подвергнуты технико-технологическому анализу, проведенному в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и в соответствии с выделенной им структурой гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11].

Исследование показало, что гончарами поселения Курья 1 в качестве исходного пластичного сырья использовались «классические» и илестые глины.

Глины (93 обр., или 66,9 %) отбирались различного качества и, по всей видимости, в разных местах, о чем свидетельствуют различия в характеристике качественного состава использовавшегося сырья. В целом выделены три группы глин: слабозапесоченная (38 обр., или 27,3 %), среднезапесоченная (43 обр., или 31 %) и запесоченная (12 обр., или 8,6 %). Главным образом использовалось тощее сырье. В качестве естественных примесей глины содержат разное количество кварцевого в основном окатанного песка (лишь в изломе одного экземпляра песчинки представлены остроугольной фракцией), железистые включения, оолы бурого железняка, единичные включения обломков лимонита, единичные пылевидные листочки слюды. В изломах 9 фрагментов отмечены обломки чешуи и косточки рыб, а в 13 экз. зафиксированы единичные чешуйки раковин пресноводных моллюсков. Отсутствие наряду с обломками раковин речных моллюсков и чешуи рыб других признаков, характерных для илестых глин, позволяет отнести сырье к глинам. Скорее всего, оно было отобрано в прибрежных районах реки или озера. В изломах 8 фрагментов наблюдаются рыхлые светло-коричневые комочки размером от 0,2–0,4 до 1,0–3,0 мм, наличие которых, возможно, обусловлено особенностями сырья: подобные включения присутствуют в некоторых эталонах исходного пластичного сырья, отобранных в различных районах юга Тюменской области.

Илестые глины (44 обр., или 31,7 %) по степени запесоченности также могут быть разделены на подгруппы — слабозапесоченная (27 обр., или 19,5 %), среднезапесоченная (15 обр., или 10,8 %), запесоченная (2 обр., или 1,4 %). Данный вид сырья, кроме перечисленных выше компонентов, содержит различное количество отпечатков и разрушенных включений раковины речных моллюсков: от 3–4 до 35 включений на 1 см². В изломах 25 образцов зафиксированы отпечатки недеформированных обрывков стеблей и листьев растений длиной до 3,0 см, единично — отпечатки водорослей и семян растений. В некоторых фрагментах встречены единичные окатанные комочки чистой глины. В 16 образцах отмечены обломки чешуи или косточки рыб.

Особый интерес вызывают два обломка (1,4 %), на изломах которых видно, что при конструировании сосудов использовались «строительные элементы», изготовленные из различного исходного сырья — слабозапесоченной глины и слабозапесоченной илистой глины. Исходя из данных особенностей эти образцы не могут быть соотнесены ни с глинами, ни с илистыми глинами.

Различные виды исходного сырья, судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, по всей видимости, использовались в естественно увлажненном состоянии.

В качестве искусственных примесей в исходном пластичном сырье (ИПС) прослежены минеральные, органо-минеральные и органические добавки. В каждом из исследованных образцов зафиксирован *шамот* (Ш) таблитчатой или аморфной формы. Данная минеральная примесь гончарами в основном отбиралась размером 0,5–2,9 мм. Нередко на включениях шамота отмечается орнамент в виде желобков или отпечатков гребенчатого штампа. Концентрация шамота по отношению к формовочной массе чаще всего составляет 1:4 и 1:5.

Наблюдения показали, что формовочная масса керамики, использованной после утилизации в качестве шамота, чаще всего в своем составе имеет только шамот (104 обр.), иногда в сочетании с органикой в виде отпечатков растительности, обломков кальцинированной кости. В 33 образцах зафиксирован шамот с шамотом и шамот с тальком или слюдой. Лишь в двух образцах шамот содержит только тальк в сочетании с обломками минералов. В 24 образцах в формовочной массе шамота отмечены остатки и пустоты от выщелоченной раковины речных моллюсков, которая, судя по всему, являлась естественной примесью, что позволяет предполагать традиционность навыков добычи сырья из мест, приуроченных к водоемам.

Слюда (С) представлена чешуйками в основном серебристого цвета, размер включений составляет от 0,2 до 4,0 мм. Концентрация данного компонента 1:4.

Тальк (Т) в составе формовочной массы представлен обломками размером от 0,2 до 5,5 мм. Концентрация талька незначительна — 1:5 и 1:8.

Песок (П) как компонент формовочной массы выделен предположительно. Включения довольно мелкие, часто не превышают 1,0 мм в поперечнике, основная фракция, отнесенная к искусственному, составляет 0,4–0,8 мм, редко 1,0–1,5 мм. Концентрация незначительна — от 1:4 до 1:6.

Кальцинированная кость (К) представлена обломками молочно-белого, иногда черного цвета размером от менее 0,5 до 3,5 мм. Данная добавка отмечена в виде единичных включений и в незначительной концентрации — от 1:5 до 1:7.

Выжимка из навоза жвачных животных (В) зафиксирована в формовочной массе подавляющего большинства образцов. Данный компонент характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером в основном 0,5–2,0 мм, в единичных случаях зафиксированы отпечатки семян. Кроме того, отмечаются отдельные трещиноватые и аморфные пустоты со сглаженными стенками, как бы стянутые внутри, с сероватыми, белесыми, серо-коричневыми налетами или без них, которые также наблюдаются вокруг минеральной примеси. В некоторых случаях поверхности пустот и включения шамота покрыты матовой чаще всего бесцветной пленочкой, реже встречаются углистые и маслянистые налеты. Единично присутствуют углистые включения, а также рыхлые светло-коричневые комочки, связанные с выделениями из организма животных избыточных микроэлементов, входивших в состав растений [Бобринский, 1999, с. 19].

На использование *навоза жвачных животных* (Н) указывает достаточно большое количество отпечатков расщепленной растительности размером до 5,0–10,0 мм часто в сочетании с пустотами, покрытыми матовыми пленочками, что свидетельствует о добавке примеси в естественно-увлаженном состоянии.

Наличие *органического раствора* (ОР) определяется по присутствию аморфных или удлиненных трещиноватых пустот размером от 0,5 до 4,0 мм, стеночки которых покрыты маслянистыми бесцветными, серыми или углистыми пленками или корочками, часто в сочетании с углистыми включениями как отдельными в виде стеклообразных кристалликов, так и в виде пленок, покрывающих некоторые поверхности изломов.

Таким образом, по исследованному материалу выделено 12 рецептов формовочных масс: «ИПС + Ш + В» (54 %), «ИПС + Ш + ОР» (27,3 %), «ИПС + Ш + Н» (2,9 %), «ИПС + Ш + К + В» (2,9 %), «ИПС + Ш + К + ОР» (1,4 %), «ИПС + Ш + К + Н» (0,7 %), «ИПС + Ш + П (?) + В» (5,8 %), «ИПС + Ш + П (?) + ОР» (2,2 %); «ИПС + Ш» (0,7 %), «ИПС + Ш + С + В» (0,7 %), «ИПС + Ш + Т + В» (0,7 %), «ИПС + Ш + Т + К + В» (0,7 %).

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

Частичные данные о навыках конструирования начинов получены лишь по двум сосудам. В обоих случаях изготовление начинов производилось в соответствии с донно-емкостной программой конструирования. Модель программы предположительно доэлементарная. Многослойность изломов свидетельствует об использовании лоскутов, которые накладывались по спиралевидной траектории. Полное тело данных сосудов, а также еще 30 исследованных верхних частей емкостей также изготавливались с помощью лоскутов или коротких жгутиков, наращиваемых по траектории, близкой к спиралевидной.

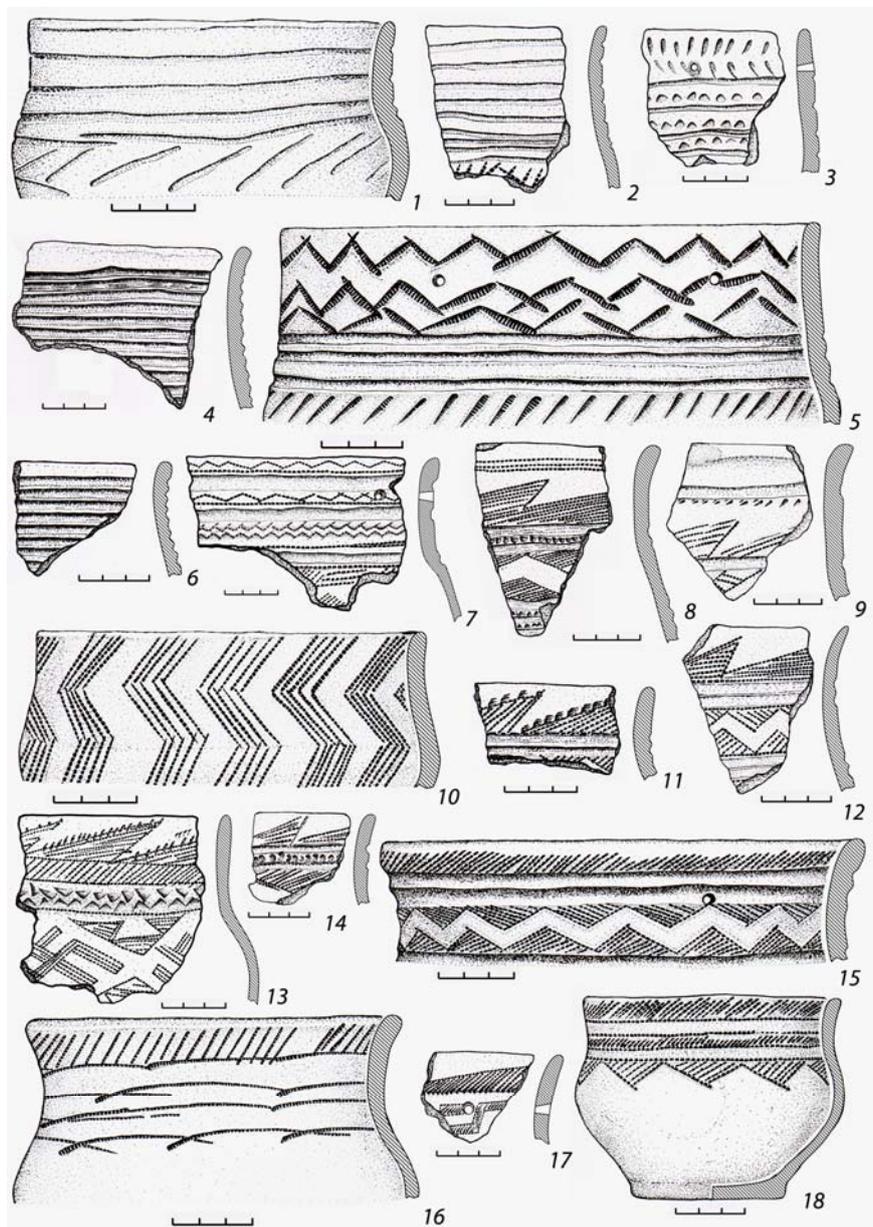

Рис. 3. Керамика поселения Курья 1

На внутренней поверхности дна одного из сосудов зафиксирован статичный отпечаток предположительно тканевой прокладки между формой-моделью и изготавливаемой емкостью, на основании чего можно предполагать использование формы-основы. Косвенным свидетельством такового при формообразовании сосудов могут служить следы выбивания гладкой колодушкой, зафиксированные на некоторых фрагментах. Кроме того, окончательная форма сосудов, скорее всего, придавалась с помощью выдавливания пальцами.

Поверхности исследованных фрагментов обрабатывались способом простого заглаживания тканью, пальцами, реже — деревянными и костяными шпателями, штампами, гальками. В большинстве случаев внешняя поверхность, а нередко и внутренняя подвергались лощению или уплотнялись по подсушенной основе гальечкой или костяным шпателем.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов достигалось путем термической обработки в костре или очаге в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды чаще всего с кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650 °С).

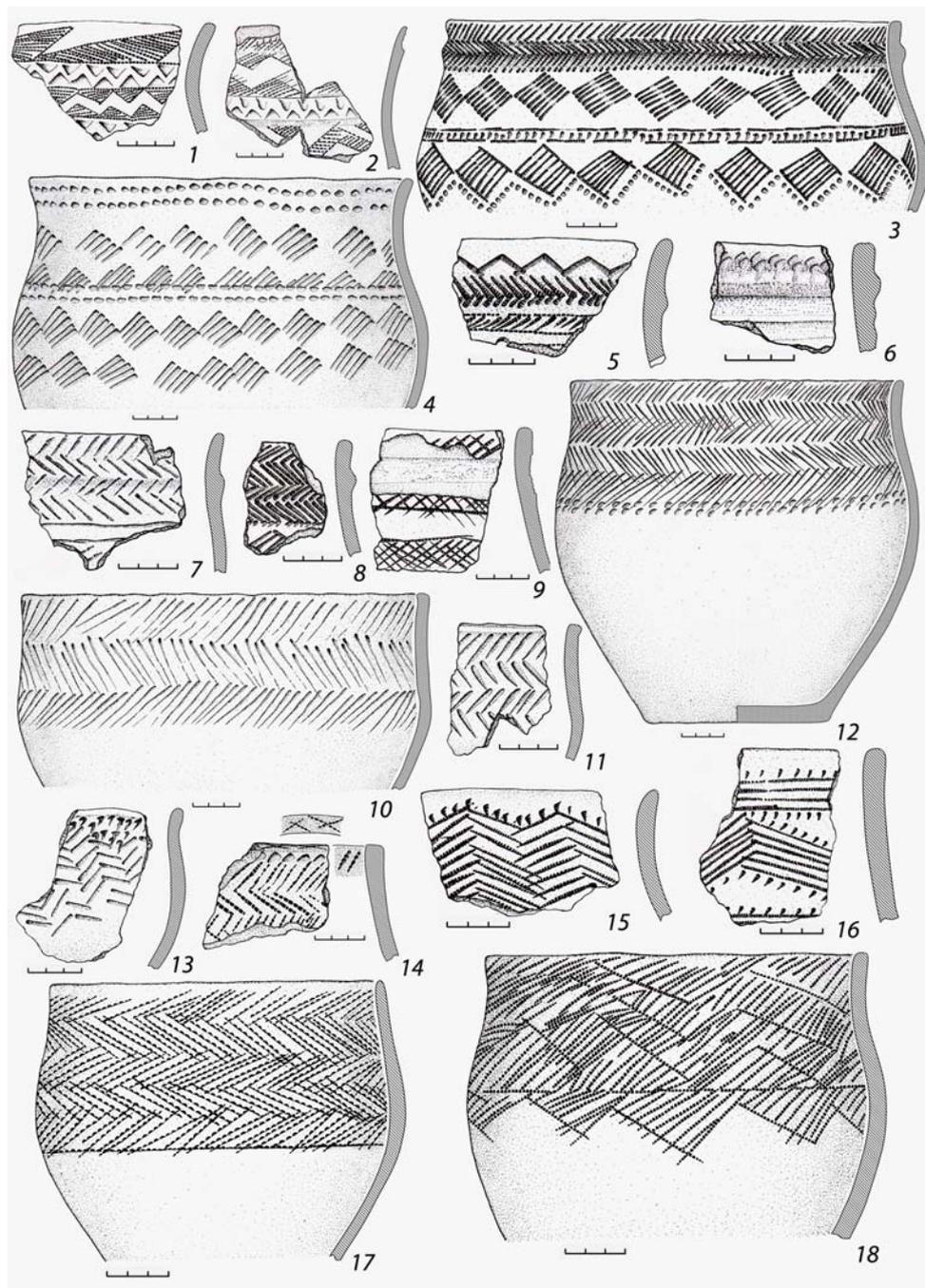

Рис. 4. Керамика поселения Курья 1

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

В целом анализ выявил традиционность навыков производства керамики у гончаров федоровской культуры поселения Курья 1. В качестве ИПС в основном использовались глины. Абсолютное большинство сосудов (89,9 %) изготовлено из формовочных масс в соответствии с рецептом, по которому к исходному пластичному сырью добавлялись шамот и органика (навоз жвачных животных, выжимка из него и органические растворы), иногда — кальцинированная кость. Конструирование сосудов осуществлялось лоскутным спиралевидным налепом по донно-емкостной программе, а формообразование изделий — с использованием форм-моделей. При обработке стенок сосудов в большинстве случаев применялось лощение по подсушенной или смоченной водой поверхности гальками и костяными орудиями.

Технология изготовления керамики федоровскими гончарами Курья 1 аналогична технологическим особенностям гончарства на поселении Черемуховый Куст: на последнем также использовались глины чаще всего с добавлением шамота и органики (85,1 %) [Зах, Илюшина, 2010, с. 43–46; Илюшина, 2010]. Вместе с тем на поселении Курья 1 меньше доля сосудов, в которых в качестве искусственной примеси фиксируется дресва (слюда и тальк): если по материалам Черемухового Куста рецепты формовочных масс с дресвой составляют 10,6 %, то на поселении Курья 1 — лишь 2,1 % керамики, при этом зафиксированы только смешанные рецептуры.

Наблюдается определенное сходство в традициях гончарного производства населения федоровской и предшествующей коптяковской культур [Илюшина, 2011а, б; Ткачев, Илюшина, 2012, с. 37–41]. В частности, в гончарстве той и другой культур в качестве исходного сырья использовались как илистые, так и «классические» глины, а в состав формовочных масс входили шамот и органика. Вместе с тем в качестве органического компонента коптяковские гончары, особенно на раннем этапе развития культуры, чаще применяли органические растворы, чем выжимку из навоза жвачных животных. Не зафиксировано использование в качестве искусственной примеси дресвы, которая, впрочем, не свойственна гончарству населения культур Тоболо-Ишимского междуречья во все археологические эпохи. Конструирование коптяковских сосудов, так же как и федоровских, чаще всего производилось в соответствии с донно-емкостной программой лоскутным спиралевидным налепом.

О сходстве керамического комплекса поселения Курья 1 с посудой федоровских памятников, и в частности поселка Черемуховый Куст, свидетельствуют форма сосудов, венчиков и орнаментация. В обоих комплексах преобладают слабопрофилированная форма сосудов и округлый, слегка приостренный венчик (табл. 1). У незначительного количества сосудов срез венчика орнаментирован.

Таблица 1

Морфологические характеристики сосудов и орнаментация венчиков федоровских комплексов поселений Курья 1 и Черемуховый Куст

Признак	Курья 1		ЧК
	Кол-во	%	%
Форма сосудов			
Горшки	51	13,4	24,4
Слабопрофилированные горшки	315	82,7	52,1
Банки	15	3,9	23,3
Форма венчиков			
Плоский, уплощенный	91	23,8	24,4
Округлый, приостренный	269	70,7	66,2
Со слабым карнизом, напльвом с внешней стороны	21	5,5	12,7
Орнамент по краю венчика			
Гребенчатые линии	10	2,6	—
«Змейка»	1	0,2	—
<i>Всего сосудов</i>	381		493

Отмечается сходство в соотношении некоторых элементов декора в керамических комплексах Курья 1 и Черемухового Куста: так, близко количество каннелюр (34,1 и 27,2 % соответственно), горизонтальных линий (20,7 и 20,3 %), сетки (3,95 и 4,5 %), уголковых вдавлений (14,2 и 12,4 %), валиков (12,8 и 6,9 %) и заштрихованных лент (7,1 и 1,6 %) (табл. 2). Вместе с тем в комплексе Курья 1 в два раза больше геометрических орнаментов (32,0 и 15,6 %) и меньше сосудов без орнамента (0,5 и 4,7 %) (рис. 3, 4).

Некоторые различия в орнаментации посуды двух поселков могут объясняться, с одной стороны, территориальным расположением, с другой — возможно, небольшим отличием в хронологической позиции, о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты: Черемуховый Куст — 3446±95 (УПИ 560), 3280±30 (УПИ 564), 3605 ±53 (УПИ 569); Курья 1 — 3390±40 л.н. (СОАН 5849).

Таблица 2

Орнаментация федоровской посуды поселений Курья 1 и Черемуховый Куст

Элементы орнаментации	Курья 1		Курья 1	ЧК
	Кол-во	%	Всего, %	
Линия, наклоненная вправо	30/152	7,9/39,9	47,7	—
Линия, наклоненная влево	24/82	6,3/21,5	27,8	—
Горизонтальная линия	14/65	3,7/17,06	20,7	20,3
Горизонтальный зигзаг	13/49	3,4/12,8	16,2	—
Горизонтальная линия каннелюр	130	34,1	34,1	27,2
Зигзаг из каннелюр	1	0,2	0,2	—
Каплевидные вдавления	22/32	5,7/8,4	14,1	4,0
Зигзаг из каплевидных вдавлений	3/—	0,8/—	0,8	—
Линия угловых вдавлений	54/—	14,2/—	14,2	12,4
«Змейка»	3/—	0,8/—	0,8	0,6
Валик	49	12,8	12,8	6,9
Вертикальный зигзаг	2/—	0,5/—	0,5	—
Заштрихованная лента	5/22	1,3/5,7	7,1	1,6
Ромбы	—/24	—/6,3	6,3	—
Сетка	—/15	—/3,9	3,9	4,5
Линия «уточек»	—/2	—/0,5	0,5	—
Косые треугольники	2/55	0,5/14,4	14,9	—
Равнобедренные треугольники	10/53	2,6/13,9	16,5	—
Ковровый орнамент	1/—	0,2/—	0,2	—
Без орнамента	2	0,5	0,5	4,7
Всего сосудов	381			

Примечание. В числителе — орнамент в прочерченной, в знаменателе — в ребенчатой технике.

Инвентарь федоровского времени представлен изделиями из обломков керамики, глины, бронзы и кости.

Грузила с желобками. Обнаружено 24 экз. как целых изделий, так и обломков, с одним желобком (8 экз.) и двумя перпендикулярными желобками (16 экз.). Все грузила подпрямоугольной формы, не орнаментированы (рис. 5, 1, 2, 4). Подобные изделия характерны для ряда культур позднебронзового времени.

Бронзовое шило. Целый экземпляр, длиной 8,5 см, шириной около 4,5 мм, в сечении — четырехугольной формы, с расплюснутым концом (рис. 5, 9). Аналогичное изделие происходит из поселения Куделька, расположенного в Присалаирье [Зах, 1997, рис. 19, 31]. Подобные шилья широко распространены в позднебронзовых комплексах.

Бронзовая бляшка с петелькой. Округлой формы, слегка выпуклая, края повреждены. Размер изделия 2,2×2,6 см, толщина — около 1,0 мм. Под петелькой с внутренней стороны изделия фиксируется небольшое углубление для вкладыша (рис. 5, 6). Аналогичные бляшки широко распространены в позднебронзовых комплексах.

Обломки бронзовых изделий. Три предмета, из которых одна пластинка, возможно обломок ножа; обломок изделия подчетыреугольной формы, свернутого из неширокой достаточно толстой пластинки, длиной 4 см, шириной 4 мм (рис. 5, 7). Назначение еще одной, узкой и тонкой пластинки неизвестно (рис. 5, 8).

Бронзовые сплески. При раскопках поселения в федоровском слое обнаружено 4 сплеска каплевидной, удлинённой каплевидной и уплощенной формы, являющихся отходами бронзолитейного производства.

Обломок глиняной литейной формы. Размеры сохранившейся части 4×4 см, толщина 1–1,5 см. В центральной части желобок шириной 0,7, глубиной 0,5 см. Поверхность частично ошлакована (рис. 5, 3).

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

Костяная концевая накладка на лук. Обнаружена в федоровском слое. Вытянутой формы, длиной 7,0 см, со скошенным острием и выступами (рис. 5, 5). Аналоги имеются в материалах позднего бронзового века.

При исследовании колодезных ям 1–5 были отобраны пробы для спорово-пыльцевого анализа, а содержимое колодцев 3 и 6 — промыто через сита. Полученные данные позволили уточнить представления о хозяйственных занятиях населения и реконструировать ландшафты вокруг федоровского поселка.

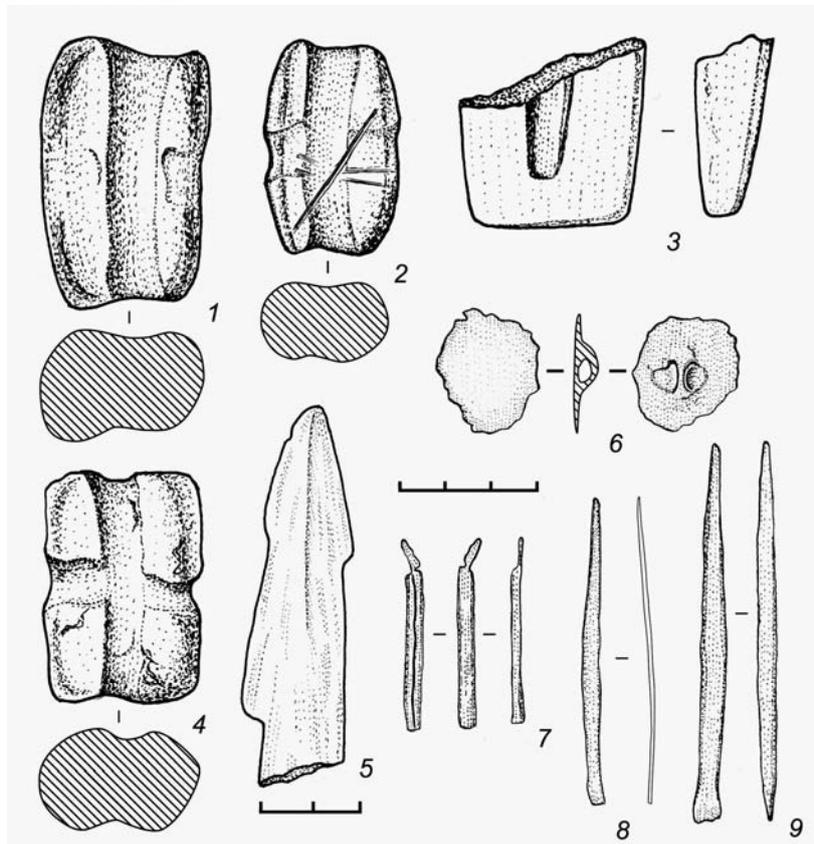

Рис. 5. Инвентарь поселения Курья 1:

1, 2, 4 — глиняные грузила; 3 — обломок глиняной литейной формы; 5 — костяная концевая накладка на лук; 6 — бронзовая бляшка; 7, 8 — обломки бронзовых изделий; 9 — бронзовое шило

Содержимое колодезных ям представлено обломками керамики, костями животных как в крупных фрагментах, так и, в большом количестве, мелко раздробленных. Вероятнее всего, это остатки вываренных раздробленных костей, использовавшихся для приготовления костного клея. Вываренные остатки выплескивались в уже не действующие колодцы, сюда же сбрасывались различные кухонные отходы, о чем свидетельствует темное гумусированное заполнение ям. Из этих же черно-коричневых гумусированных отложений пяти федоровских колодцев с глубин от -27 до -43 см от уровня 4 горизонта (пола сооружений) были отобраны пробы для спорово-пыльцевого анализа.

Пробы отбирались площадным способом. С зачищенной поверхности срезался слой грунта толщиной 1–1,5 см в нескольких участках заполнения колодезной ямы.

Во всех исследованных пробах из федоровских колодцев поселения Курья 1 содержалось большое количество пыльцы хорошей сохранности, что, вероятно, связано с ее фоссилизацией во влажных условиях. Все пробы содержат сходный набор компонентов и могут быть объединены в общий спорово-пыльцевой комплекс. Его доминирующим элементом выступают травы, среди древесных отмечена только пыльца ольхи и липы. Во всех пробах абсолютно преобладает пыльца злаков (67 %) при участии пыльцы представителей маревых, астровых (в том числе полыни, тысячелистника, цикория, бодяка и чертополоха), ворсянковых (короставник), гречишных и крестоцветных, встречена также пыльца иван-чая и конского щавеля. В целом состав

палинокомплекса указывает на то, что во время функционирования поселения окружали преимущественно остепненные луга. В отличие от современных условий, сосново-березовые леса не были типичными для ландшафтов XIV–XII вв. до н.э.

Для характеристики природного окружения федоровского поселка Курья 1 могут быть также привлечены результаты изучения аналогичного культурного слоя поселения Черемуховый Куст, расположенного в 60–70 км южнее [Зах, 1995; Зах и др., 2008]. Период существования последнего определяется датами 3446 ± 95 л.н. (УПИ 560), 3280 ± 30 (УПИ 564). Палинокомплекс, выделенный из культурного слоя поселения, характеризуется доминированием пыльцы трав (75–85 %) на фоне очень малого количества древесной пыльцы. В спектрах преобладает пыльца астровых, в том числе много полыни, встречена также пыльца злаков, маревых и лютиковых, зонтичных, иван-чая и рдеста. Для состава древесной пыльцы характерно преобладание березы и очень незначительное участие сосны и ольхи.

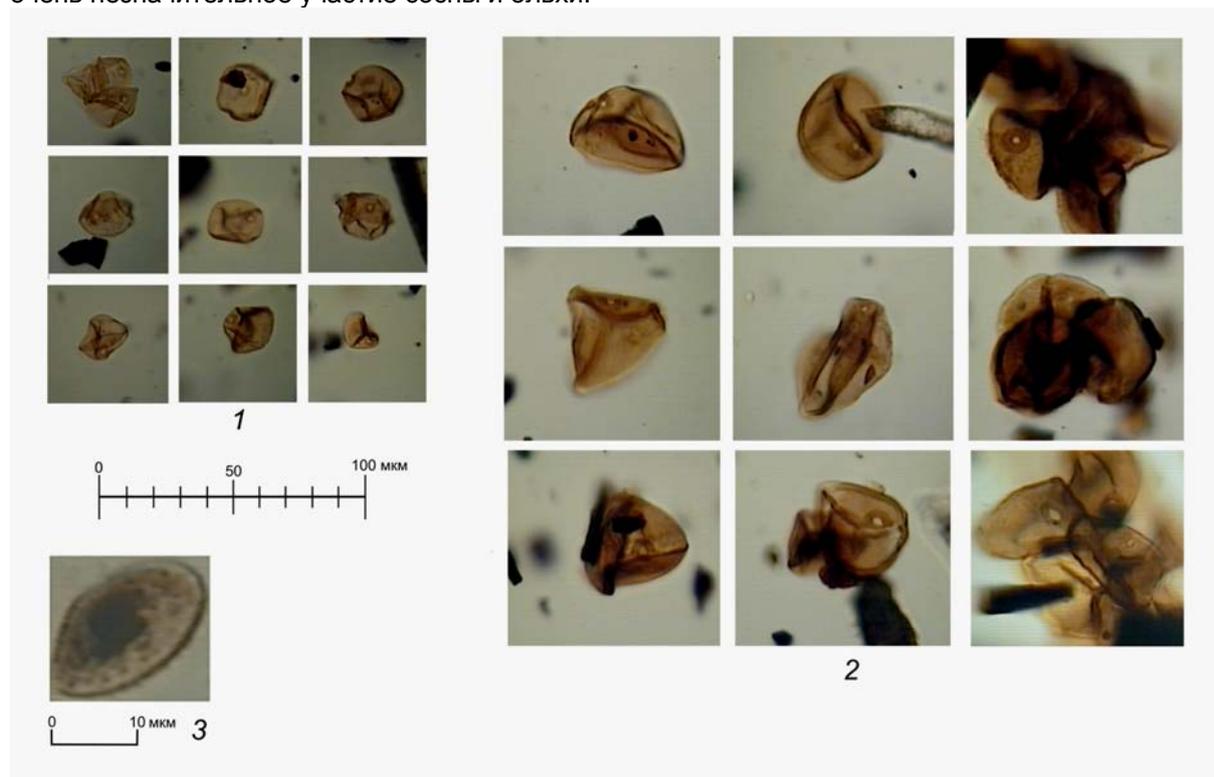

Рис. 6. Пыльца злаков и яйца гельминтов:

1 — пыльца дикорастущих злаков; 2 — пыльца культурных злаков; 3 — яйцо фасциолы

В целом состав спорово-пыльцевых спектров поселения Черемуховый Куст свидетельствует о том, что растительный покров формировался в более теплом и сухом климате, чем современный. Окружающие поселок пространства были заняты в основном лугово-степными сообществами с пылью. Участки лесов представляли собой березовые колки и, возможно, придолинные березовые леса с примесью ивы, ольхи и сосны. После прекращения функционирования поселка отмечается дальнейшая ксерофилизация растительного покрова. Существенные отличия реконструированной растительности от современной говорят о том, что границы природных зон и подзон были смещены к северу: на месте современной северной лесостепи господствовала растительность, сопоставимая с южно-лесостепной [Зах и др., 2008].

При анализе палиноданных отложений из колодцев Курья 1 отмечено присутствие пыльцы пасквальных (пастбищных) и рудеральных сорняков, связанное с обеднением растительных сообществ из-за выпаса непосредственно около поселка. Но наибольший интерес вызывает пыльца злаков, которую достаточно четко можно разделить на две размерные группы: мелкую пыльцу дикорастущих представителей этого семейства (рис. 6, 1) и крупную, диагностируемую как пыльца культурных злаков (рис. 6, 2). Большая часть обнаруженных крупных пыльцевых зерен по морфологическим признакам (яйцевидная форма, крупный, сильно выступающий ва-

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

лик около поры) близка пыльце пшеницы (*Triticum* sp.), часть зерен ввиду плохой сохранности не идентифицирована [Рябогина, Иванов, 2011]. Очень важен факт не единичной находки, а нахождения пыльцы в виде скоплений — это один из основных диагностических признаков близкого расположения засеянного поля. К сожалению, при флотации культурного слоя заполнения колодцев зерна не были выявлены, что не удивительно, так как необугленные плоды достаточно быстро разрушаются в почве. Отпечатки зерен на керамике также не фиксировались. Не найдено и орудий обработки земли или переработки зерна, подтверждающих знакомство федоровского населения с земледелием. Тем не менее обнаруженная пыльца культурных злаков в настоящее время является наиболее ранним палеоботаническим свидетельством земледелия в Западной Сибири.

В производящем хозяйстве населения бронзового и раннего железного веков в Западной Сибири превалировало скотоводческое направление. Предположения о занятии позднебронзового населения земледелием связаны с находками орудий сбора и переработки злаков на памятниках черкаскульской и еловской культур поздней бронзы, а также с общим оседлым характером их жизни [Косарев, 1981; Сидоров, 1986; Эпоха бронзы..., 1987]. До материалов поселения Курья 1 существование локальных очагов культивирования злаков на финальном этапе эпохи бронзы в южном Зауралье подтверждалось единственным палеоботаническим источником — отпечатками двух зерен ячменя и пшеницы на керамике поселения Ольховка в Приисетье (карпологиические определения О.М. Короны [Матвеев и др., 1998; Матвеев, 1999]). Обращает на себя внимание, что для времени обитания черкаскульского и федоровского населения, середины — конца II тыс. до н.э., в Притоболье реконструированы наиболее аридные климатические условия.

Сооружение поселков на пойменных участках озер и рек, с одной стороны, и пастушеское придомное скотоводство с содержанием скота в долговременных жилищах, с другой, способствовали первому земледельческому опыту федоровцев, что не противоречит предположению о единичных очагах земледелия на наиболее увлажненных и плодородных участках [Косарев, 1981; Потемкина, 1985].

Интересными оказались данные паразитологического изучения проб из колодезных ям, использовавшихся после функционирования колодцев для утилизации отходов. При анализе снимков, полученных в результате споро-пыльцевого исследования, наряду с пыльцевыми зернами было выявлено яйцо фасциолы (рис. 6, 3). Возбудителями фасциозов являются два вида трематод: *Fasciola hepatica* и *Fasciolagigantica*. *Fasciola hepatica* имеет листовидную форму, длину 2,0–3,0 см, ширину 0,8–1,2 см. Яйца желтовато-бурого цвета, размером 0,13–0,14×0,7–0,09 мм. *Fasciolagigantica* достигает длины 3,3–7,6 см, ширины 0,5–1,2 см, яйца размером 0,15–0,19×0,075–0,09 мм [Павловский, 1946]. Половозрелые формы паразитируют у травоядных животных (лошади, коровы, овцы, свиньи) и человека в желчных проходах печени. Фасциола обыкновенная распространена повсеместно, а гигантская встречается в регионах с теплым климатом. В обычных условиях гельминт локализуется в желчевыводящей системе, изредка в других органах. Промежуточными хозяевами являются различные виды пресноводных моллюсков, в особенности малый и ушковидный прудовики. Источником инвазии для человека печеночной фасциолой обыкновенной становится мелкий рогатый скот, а гигантской — коровы, лошади и некоторые грызуны.

Исследования древней гельминтофауны актуальны, так как, в силу того что многие паразиты являются общими для человека и животных, могут способствовать оценке, с одной стороны, здоровья населения, а с другой — возможного вреда производящей экономике, наносимого паразитами и выражающегося в снижении продуктивности или смертности домашних животных [Зах и др., 2011].

На наш взгляд, сложение федоровской культуры в Притоболье нельзя рассматривать как простую смену алакульских комплексов федоровскими. Формирование последних достаточно длительный процесс, включающий слияние групп алакульского населения и носителей местной орнаментальной традиции (ташковцев) и развитие на этой основе коптяковских комплексов.

О включении в алакульскую среду некоторых элементов культуры местного населения свидетельствуют появление горшков с плавной профилировкой, гребенчатой орнаментации и валиков в составе федоровских керамических комплексов. Но при этом сохраняются многие алакульские черты, унаследованные федоровской культурой: основные мотивы в орнаментации и тип хозяйства. По территории продвижения носителей алакульской культуры на север в резуль-

тате ассимиляции ими автохтонного населения северных лесостепных и предтаежных территорий складываются коптяковские комплексы (поселения Оськино Болото, Чепкуль 5, 20), а впоследствии — достаточно чистые, в нашем представлении, федоровские (Черемуховый Куст, Дуванское 17).

Федоровское население со сложившейся культурой в середине II тыс. до н.э. проникает за Иртыш, в Барабу (Каргат 6) и Приобье (Куделька). Причинами миграции на восток, скорее всего, стали аридизация климата и невозможность продвижения скотоводческого населения дальше на север, в таежную зону, что обусловило освоение федоровцами обширных лесостепных и степных территорий вплоть до Енисея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Волков Е.Н.* Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 240–242.
- Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н.* Раскопки многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 240–242.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Зах В.А.* К вопросу о генезисе и хронологии коптяковской культуры // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 117–119.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е.* Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1. С. 219–233.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Посуда федоровской культуры Нижнего Приобья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 42–50.
- Зах В.А., Цембалюк С.И., Сибен А.Н.* «Паразиты» в жизни человека: К постановке проблемы // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 107–110.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления керамики коптяковской культуры (по поселению Чепкуль 20) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011а. Вып. 4. С. 170–172.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды коптяковской культуры по материалам поселения Чепкуль 5 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 2. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011б. С. 386–388.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды федоровского поселения Черемуховый Куст // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2010. С. 173–176.
- Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 132 с.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: Андреевское озеро 13. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Матвеев А.В.* Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 121–124.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.М.* Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Приобья (предварительное сообщение) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. Вып. 3. С. 63–66.
- Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: (Неолит и бронзовый век). Томск, 1973. Ч. 2: Самусьская культура. 208 с. (ИИС; Вып. 10).
- Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 170 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер

Павловский Е.Н. Руководство по паразитологии человека. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 221–231, 243–250.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: Проблемы аргументации, палеозитоботанические методы и анализ фактов // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96–106.

Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 54–66.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 143–151.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 108 с.

Ткачев А.А., Илюшина В.В. Коптяковский комплекс поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 34–43.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 417 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
ryabogina@rambler.ru
vika_tika@mail.ru
ivasenik@rambler.ru

Subject to consideration being materials of the Fyodorovo complex of a multi-layered Kurja 1 settlement located by an old oxbow lake of the same name in the north of the Andreyevo lake system. Findings of the Fyodorovo culture were obtained in the layer of dark brown loam and in well pits penetrating into early layers and the mainland sand. Subject to investigation being remnants of probably three slightly in-depth dwellings with wells containing pottery, scarce inventory and animal bones. Spore-and-pollen and helminthological analyses of the samples taken from filling of the wells showed that the Fyodorovo settlement had existed under arid conditions with steppe-like landscapes. Of interest being pollen of grain grasses which could be divided into two size groups: fine pollen of wild-growing grain grasses, and large pollen diagnosed as pollen of cultural grain grasses. Following morphological signs, it is closer to wheat pollen (Triticumsp.) met in clusters, to be one of the main diagnostic signs of a closely located sown field. In the samples from filling of the wells, which after their sagging were most probably used for disposal of food wastes, eggs of Fasciola were detected.

The Andreyevo lake system, the Fyodorovo culture, pottery, spore-and-pollen analysis, wild-growing and cultural grain grasses, eggs of helminthes.

«ЗАСЛОНЯЮЩИЙ ОТ БЕД И ДАЮЩИЙ ИЗОБИЛИЕ...»

Л.В. Панкратова

Реконструируется семантика и высказывается гипотеза о происхождении западно-сибирских орнаментальных бордюров с окаймлением, организованных по строгим формальным правилам, использующимся в языковых текстах при создании палиндромов. Предполагается, что бордюры-палиндромы в восприятии древних аборигенов Западной Сибири символизировали пространство, обладающее способностью удерживать живые сущности. Орнаменты использовались как апотропеи. Предполагается, что эволюция узорочья тесно связана с технологическими приемами плетения.

Орнаментика, палиндром, жизненная сила, плетение, сакральность.

На обширном пространстве от нижнего течения Оби на севере до Верхней Оби включительно на юге, от междуречья Оби и Енисея на востоке и до правобережья среднего течения Иртыша и его левых притоков в устьевой зоне на западе локализовалась в раннем железном веке кулайская культурно-историческая общность (конец IV в. до н.э. — V в. н.э.) [Чиндина, 1984, 2006]. Идентифицируется данное культурное единство по орнаментации керамики, оружию и культовой металлопластике. Орнаментика, созданная кулайцами, специфична и легко распознается в массе археологического материала. «Стандартизованность» обусловлена четким осознанием древними гончарами канонов, по которым должны воспроизводиться композиции. Формализация орнаментальных записей выявила устойчивые типы орнаментальных текстов [Панкратова, 2006–2008]. Среди них представляют интерес узоры, организованные как «правильные», ритмически повторяющиеся последовательности знаков, поскольку известно, что имеющие подобную структуру тексты культуры являются сакрально отмеченными [Топоров, 1972]. Эта особенность позволяет выявить вещи, обладающие повышенным семиотическим статусом, следовательно, отчетливо реализующие знаковую функцию.

Структурированностью и повторяемостью обладают кулайские бордюры с окаймлением. Орнаментальные записи данной категории состоят из трех и более элементов мотива, расположенных таким образом, что центральный элемент мотива занимает место между двумя и более идентичными фланкирующими элементами бордюра. Композиции представлены записями вида: *ава, авава, ававава*, реже — *авсва* (рис. 1). Каждый элемент мотива (*а, в, с*) может состоять из нескольких элементов орнамента — горизонтальных поясков оттисков штампа. Некоторые орнаментальные знаки внутри бордюра могут рассматриваться как структуры более высокого уровня — мотивы. К таким знакам относятся ряды волн, зигзагов, полос, взаимопроникающие уголки, треугольники, ромбы, а также меандроидные элементы (рис. 1, 2, 5). Аналоги структурам, подобным мотивам с окаймлением, имеются в языковых, живописных, музыкальных, архитектурных, хореографических текстах, в ритуале и т.д. [Топоров, 1972, с. 79]. В языковых текстах такие строгие формальные правила используются при создании палиндромов¹ [Бонч-Осмоловская, 2005]. Изучение мотивов данного типа на бронзовых диадемах-очельях кулайцев — предметах одной категории, изготовленных из одного материала, следовательно, имеющих аналогичные утилитарные функции и семантику, — позволило выявить тождественные орнаментальные мотивы [Панкратова, 2010]. К ним относятся бордюры, в которых в качестве центрального элемента орнамента выступает зигзаг, косые кресты, сетка, параллельные линии или свободная от орнамента зона («минус-признак») (рис. 1, 4).

Бордюры с окаймлением встречаются на кулайской керамике не часто. Например, в керамическом комплексе Саровского городища (Среднее Приобье) подобные структуры выявлены только на 10 % сосудов, а еще на 5 % посуды городища данный мотив сочетается с иными. В то же время бордюры-палиндромы можно увидеть на керамических сосудах с сюжетными композициями, а также на бронзовой металлопластике (очелья, антропоиды), бронзовых украшениях и деталях костюма (эполетообразные застёжки, поясные накладки, наконечники), изделиях из кости (гребни, детали упряжи, игольники, рукояти ножей), т.е. на предметах, имеющих в традиционных культурах региона сакральное значение (рис. 2). Аналогичные мотивы встречаются в

¹ Палиндром — слово или фраза, одинаково читающиеся слева направо и обратно.

«Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»

археологических материалах Приобья по крайней мере начиная с эпохи неолита [Чемякин, 2008, рис. 53, 7, 8; 17, 11]. Они украшают предметы и посуду из памятников средневековья [Чиндина, 1991, рис. 6, 5; 16, 17, 20; 17, 1, 8, 13; 32, 32, 34, 35; Плетнева, 1997, рис. 19]. Орнаментами-палиндромами декорированы ритуальные предметы самодийцев, обских угров и кетов, в том числе культовые атрибуты шаманов. Иначе говоря, археологические и этнографические материалы демонстрируют взаимосвязь между предметами, имеющими высокий семиотический статус, и орнаментальными композициями, содержащими бордюры с окаймлением.

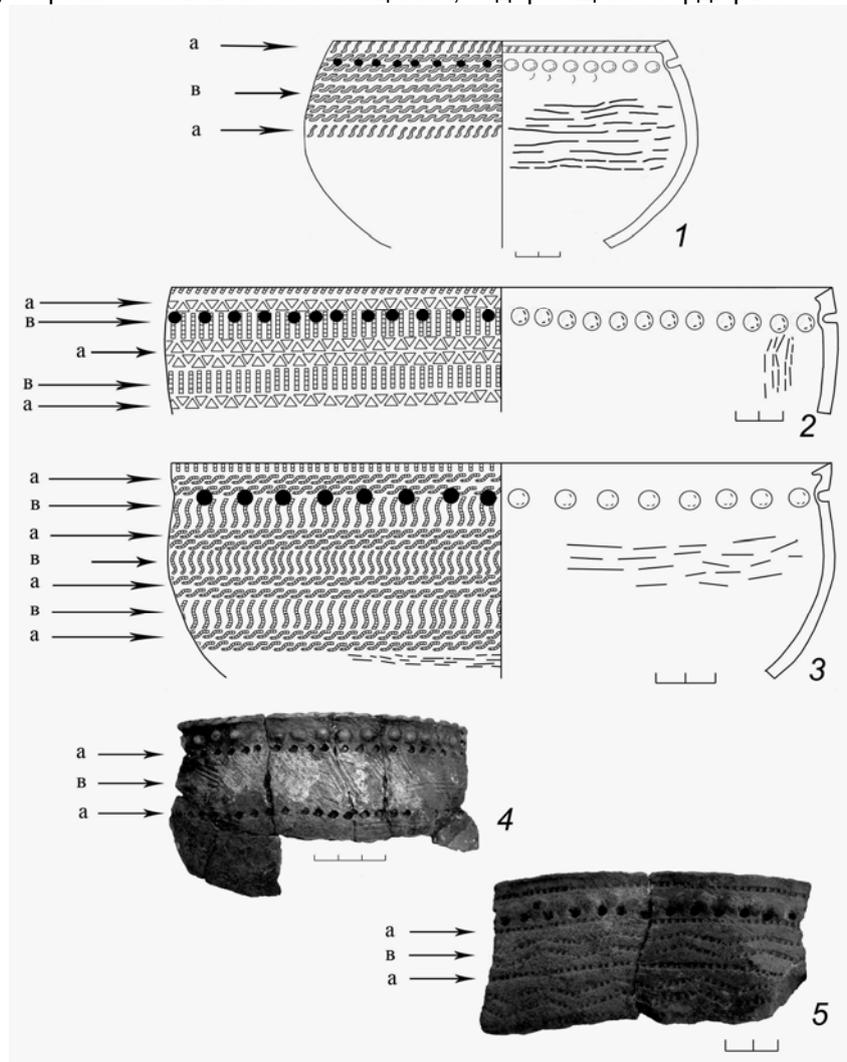

Рис. 1. Бордюры-палиндромы на керамике кулайской культуры

Известно, что палиндромы применяли в формулах и заклинаниях в пограничных и магически активных местах культурного пространства: на погребениях, у источников и дорог, в надписях на ритуальных сосудах и на порталах домов [Лотман, 1992, с. 23]. В качестве наддверного декора использовали бордюры-палиндромы и коренные народы Западной Сибири (рис. 3). Общность традиции украшения входной двери у обских угров, селькупов и кетов позволяет предположить ее глубокую древность [Рындина, 1995, с. 407]. Такие орнаменты селькупы называли «пирны/пирно», а обычай декорирования входов имел ритуальное значение [Селькупская мифология, 1998, с. 75; Хороших, Гемуев, 1980, с. 183]. Селькупы объясняли, что *пирны* имеют то же значение, что и *кава-лоз* для человека [Селькупская мифология, 1998, с. 75]. *Кавалозами* называли фигурки, напоминающие людей, которые изготавливали после смерти человека [Пелих, 1980, с. 64–66]. В составе слова *q̄baloz* представлена лексема *q̄wej*, которая, являясь прауральским наследием в самодийских языках, имеет значение «душа», «дыхание», «дух». На основе лексики самодийцев реконструированы функции души *q̄wej* в значениях «дышать»,

«двигаться в обжитом пространстве», «пребывать в чем-либо» [Ким, 1997, с. 18–24]. Определяя назначение наддверного декора через функции *кава-лоза*, селькупы, видимо, полагали, что узоры обладают особой способностью удерживать внутри себя живые субстанции (души, духов). Вероятно, мотивы-палиндромы символизируют пространство, в котором заключены жизненные сущности [Панкратова, 2010]. Такое «прочтение» бордюра не исключает, а скорее дополняет широко распространенное толкование орнамента в виде зигзага или волнистых линий как знаков воды, ведь тот же термин *qwej* селькупы использовали как географический для обозначения любой реки, в том числе Оби [Ким, 1997, с. 19]. Действительно, река является не только объектом, но и движущимся пространством, населенным живыми организмами. А в восприятии древнего населения, по-видимому, река предстает живым, активным, дышащим существом, наполненным живыми сущностями.

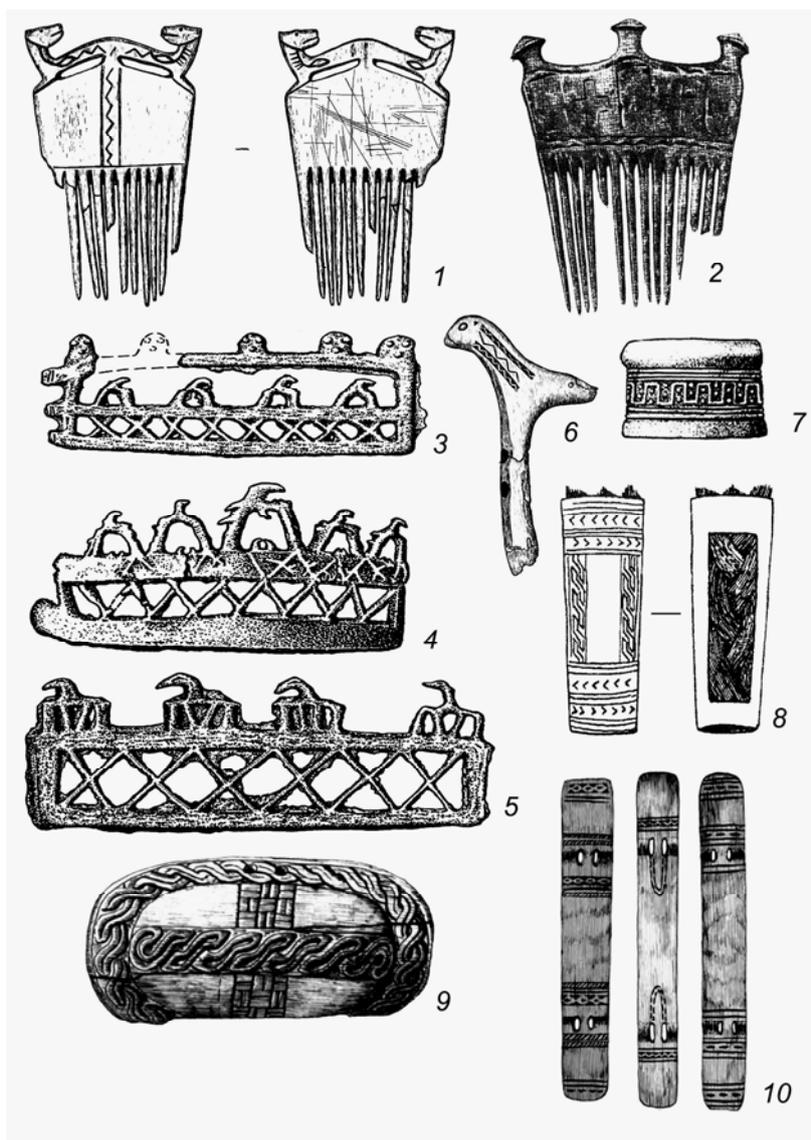

Рис. 2. Предметы из памятников кулайской культурно-исторической общности, орнаментированные бордюрами-палиндромами:

- 1 — Саровское городище, костяной гребень; 2 — роговой гребень, МАЭ (из коллекции В.С. Адрианова) (по [Мошинская, 1965]); 3–5 — Саровское культовое место, бронзовые диадемы (по [Яковлев, 2001]); 6 — Саровское городище, деталь костяной упряжи; 7 — Холмогорский клад, бронзовый наконечник ножен палаша (по [Зыков, Федорова, 2001]); 8 — Усть-Абинский могильник, бронзовый наконечник с фрагментом косы (по [Ширин, 2003]); 9 — Усть-Полуйское святилище, щиток для запястья руки (бивень мамонта) (по [Гусев, 2011]); 10 — Усть-Полуйское святилище, панцирные пластинки (рог оленя) (по [Гусев, 2011])

Известно, что в архаических и традиционных культурах то, что мы называем декоративным оформлением вещи, и она сама, ее назначение особым образом связаны. Оформление вещи не допускало никакой фантазии и было глубоко прагматичным. Вместе с тем каждая вещь, помимо утилитарной прагматики, обладала и знаковой, свойства которых комплементарны [Байбурин, 1993, с. 3, 13, 15]. Это позволяет, выявив общие функции у разных категорий вещей, сопоставлять между собой их утилитарные и символические свойства, тем самым раскрывать смыслы знаков. Сопоставление функциональности мотивов как символических ловушек жизненных субстанций с аналогичными по утилитарному назначению предметами — орудиями охоты и рыболовства — позволяет предположить, что бордюры являются их знаками, выраженными на «языке» орнамента. Еще В.Н. Чернецов писал, что орнаменты в виде зигзагов, крестов, параллельных линий в наскальных изображениях Урала и на западно-сибирской керамике вызывают ассоциацию с запорами, загородками, ловушками, рыболовными снарядами и орудиями [1964, 1971], применявшимися в охотничьем и рыболовном промысле. Такое сопоставление представляется обоснованным, учитывая, что недифференцированный, целостный характер культуры первобытных обществ базировался на специфическом способе осмысления реальности — мифологическом восприятии. Оно, являясь универсальным средством структурирования внешнего мира, предполагало тотальную упорядоченность универсума. Однообразие и ограниченный характер общественной практики обуславливали обращение к одним и тем же моделям при осмыслении качественно различных сторон реальности, порождая однотипные структуры на разных уровнях и в разных сферах мироосмысления, а это приводило к восприятию разных сторон бытия как изоморфных друг другу [Антонова, Раевский, 2002, с. 14].

Одним из технологических приемов изготовления орудий охоты и рыболовства является древнейший из способов рукоделия — плетение. Постройки, очаги, изгороди, орудия промыслов, предметы утвари, одежду, обувь, украшения, головные уборы и прически с древнейших времен человек изготавливал, переплетая ветки, кору деревьев, камыш, кожу, веревки, волосы и пр. Позднее благодаря использованию нитей и приемов кручения и вязания узлов появились самостоятельные техники плетения: качество, вязание, макраме, бисероплетение и др.

Несомненно, как и многие другие технологии, плетение имело не только производственно-хозяйственное значение, но и входило в систему сакральных знаний [Иванов, Топоров, 1974, с. 87; Топоров, 1983, с. 280; Байбурин, 1993, с. 3]. Известно, что охранные узлы с заговорами использовались как амулеты. Людей, носивших такие обереги, называли *узольниками* [Даль, 1994, т. 4, стб. 975]. *Наузить* означало колдовать, знахарить, заговаривать, нашептывать, а колдуна, ворожею или знахаря называли *наузником (наузницей)* [Даль, 1994, т. 2, стб. 1271]. Часто магические узлы оказываются симметричными (рис. 4). В них, как и в палиндромах, реализован принцип зеркального отражения, являвшийся, по-видимому, способом создания экстраутилитарных знаков культуры. Симметричным узлом, вслед за Гераклом, который завязывал им на груди шкуру убитого льва, в качестве талисмана пользовались древние греки (Гераклов, Геркулесов или прямой узел) (рис. 4, 8). Магическим этот узел считали и римляне, полагая, что рана с повязкой, закрепленной таким узлом, заживает быстрее. Им завязывали пояс невесты. Верили, что если жених быстро справится с ним, то рожденные в браке дети будут здоровыми. История знает множество других примеров, когда узлы служили средством реализации магических действий. Мешок с завязанными в нем ветрами использовал во время странствий Одиссей. Не менее известны колдовские узлы, которыми, выходя в море, запасались мореходы стран Северной Европы.

Особенной магической силой должна была обладать рыболовная сеть, состоящая из множества узлов. В качестве амулета-опояски носили кусок невода (*саил*) под платьем селькупки. Они были уверены, что *саил* является препятствием для вредоносных духов-лозов, которые не смогут пробраться к душе человека, пока не распутают все узелки сети. В качестве оберега *саил* надевали на голову домашним животным или, что особенно важно, прикрепляли вместо наддверного оберега-орнамента *пирны*.

Коренные обитатели Западной Сибири знали и использовали и другие «особые» узлы. Например, при обряде покойника остяки все завязки на его одежде соединяли «мертвым узлом» [Косарев, 1981, с. 248]. Ханты почти повсеместно завязывали узлы на одежде умершего не развязывающимся двойным узлом; вплоть до опускания в могилу связывали лентой руки и ноги покойного; доски гроба не сколачивали, а связывали корнями [Мифология хантов..., 2000, с. 94; Сирелиус, 2001, с. 229]. Селькупы же, напротив, избегали использования в погребальном

убранстве покойного каких-либо предметов, имеющих узлы и петли. Считалось, что иначе душа умершего не сможет окончательно покинуть тело покойного, «будет путаться в узелках». Вероятно, именно с этой целью одежду в нескольких местах резали по швам и никогда не надевали на покойного вязаные вещи, заменяя носки чулками, сшитыми на «живую нитку» [Головнев, Тучкова, 2005, с. 363]. Ненцы, зашивая покойника в шкуру, делали стежки наоборот [Косарев, 1981, с. 248]. Иначе говоря, завязывая или развязывая узлы, используя или, напротив, устраняя из обрядов узлы, плетеные или вязаные вещи, сибирские аборигены совершали магические действия, способные, по их мнению, верно направить жизненные субстанции усопшего для череды последующих перевоплощений.

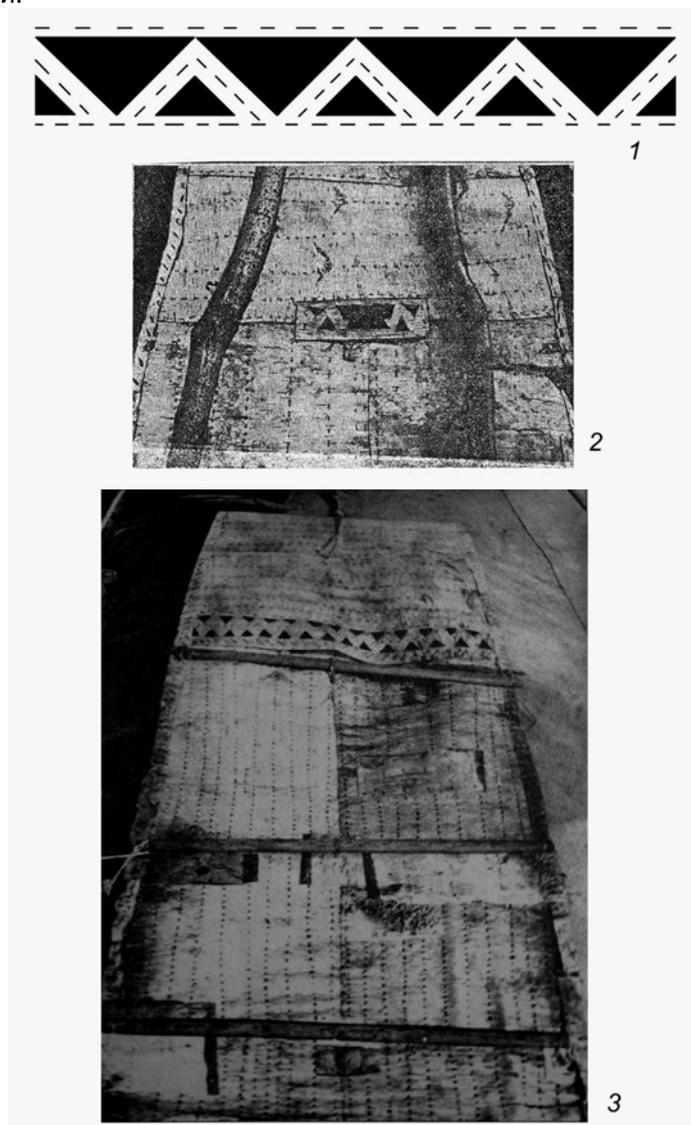

Рис. 3. Орнаменты на берестяных дверях селькупских чумов:
1 — по [Головнев, 1995]; 2 — по [Хороших, Гемуев, 1980]; 3 — по [Казакевич, 2004]

Приемы техники плетения применяли для сохранения одной из «жизненных сил» человека, которая, по представлениям сибирских народов, локализовалась в волосах. Не только прически в виде кос, обычные как для мужчин, так и для женщин, были призваны удерживать жизненную энергию человека [Мифология хантов..., 2000, с. 19; Мифология манси..., 2001, с. 11]. С этой же целью носили украшения-накосники, ложные косы, бисерные ленты, цепочки, бахрому из бус, цветные веревочки и шерстяные кисти — предметы, в создании которых использовались нити, ткани, а также приемы плетения, завязывания узлов и которые внешне были похожи на ленты,

«Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»

волосы, нити. Маленьким детям, у которых волосы еще не отросли, в качестве оберега жизненной сущности манси приклеивали смолой к голове кусочки материи от духа-покровителя — *лу-лыха* [Источники по этнографии..., 1987, с. 42]. После смерти, напротив, жизненную силу стремились освободить, поэтому ханты отрезали у покойного косы [Сирелиус, 2001, с. 138].

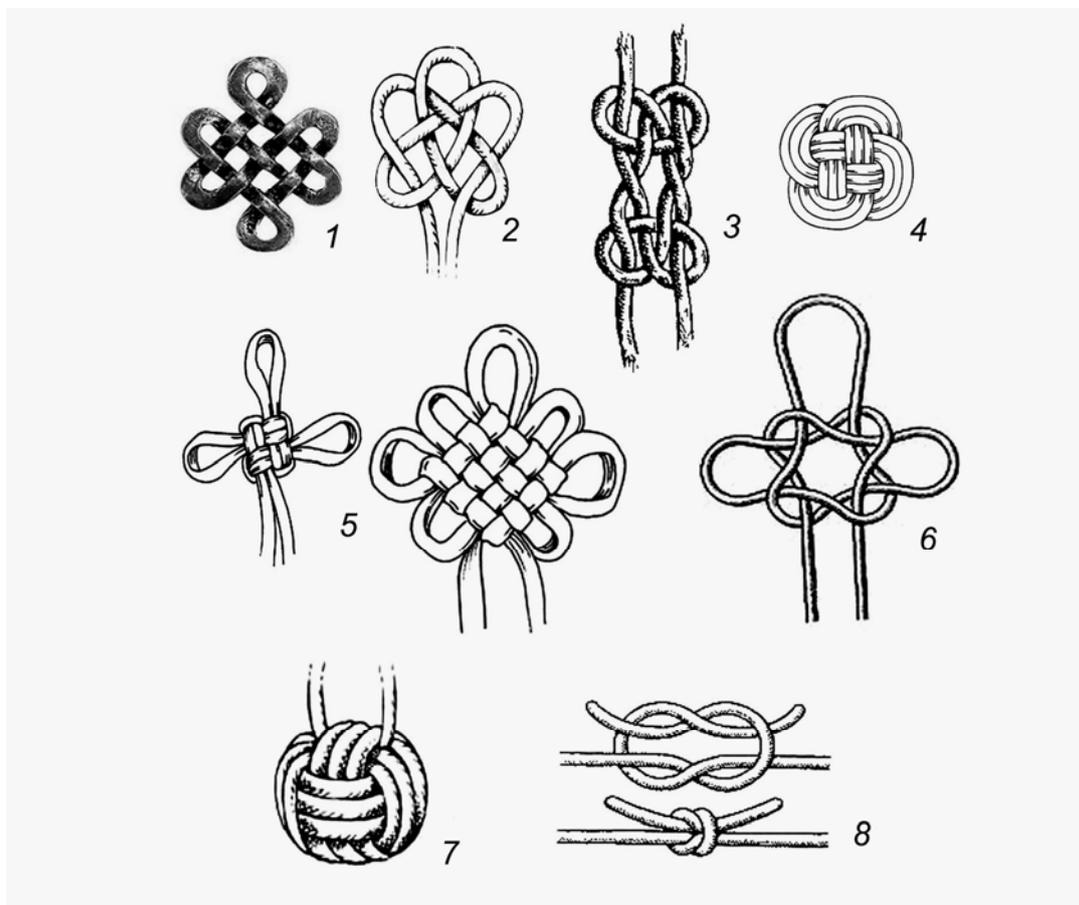

Рис. 4. Священные (магические) узлы:

1 — вечный (узел счастья); 2 — «Древо жизни»; 3 — союзный (символ супружества); 4 — турецкий;
5 — удачи (варианты узла); 6 — морской (южный или матросский) крест; 7 — «кулак обезьяны» (символ колдовства);
8 — прямой (Геркулесов)

О древности подобного способа оберега души, живущей в волосах, свидетельствуют и археологические данные. В кулайских захоронениях могильника Каменный Мыс (Новосибирское Приобье), как и в некоторых других могильниках, обнаружены бронзовые обоймы. Они встречаются и в женских, и в мужских погребениях. А.П. Бородовский установил, что внутри обойм из мужских погребений могильника Каменный Мыс сохранились остатки кожаных ремешков, а в обоймах из женского погребения — остатки волос, и предположил, что украшения использовались как наконечники, в том числе на ложные косы [1987, с. 117–120]. Поскольку данная деталь костюма (рис. 2, 8) встречается не во всех захоронениях² кулайской культурно-исторической общности, можно предположить, что она маркирует особую категорию представителей социума. Вероятно, прочие члены общества использовали в качестве апотропея для волос украшения из иных материалов, которые сохраняются хуже, чем бронза.

² В могильнике Каменный Мыс из 72 кулайских погребений бронзовые обоймы-наконечники найдены в шести (11 экз.); в могильнике Шеркалы IX — в одном из шести (?) (1 экз.). Возможно, наконечниками являются две пронизки из погребения 1 Барсовского III могильника, состоящего из двух погребений. Вероятно, в рамках кулайской историко-культурной общности могут быть рассмотрены и фоминские могильники Притомья. В двух из 14 погребений Усть-Абинского могильника обнаружено три наконечника, еще два происходят из могильника Ближние Елбаны-7. Один из них найден в погребении, второй происходит из разрушенной могилы. Всего на памятнике исследовано более 30 фоминских захоронений [Троицкая, 1979; Чиндина, 1984; Борзунов, Зыков, 2003; Ширин, 2003].

Интересно, что и другие живые существа — духи и боги — «предпочитали» в качестве подношений вещи, изготовленные в той или иной технике плетения. Чаще всего им жертвовали узкие полоски и «хвосты» из суконных лент, бахрому, платки и ленты с узлами, в которые могли быть завязаны монеты, а также одежду [Мифология манси..., 2001; Пелих, 1980; Прыткова, 1971; Гемуев, Сагалаев, 1986; и др.]. Аналогичные подношения получали и шаманские духи, что наглядно демонстрируют костюмы и атрибутика служителей культа. Кисти и полоски сукна, бисерные низки украшали одежду изображений духов-покровителей или даже служили материалом для их изготовления [Мифология манси..., 2001; Мифология хантов..., 2000; Пелих, 1980].

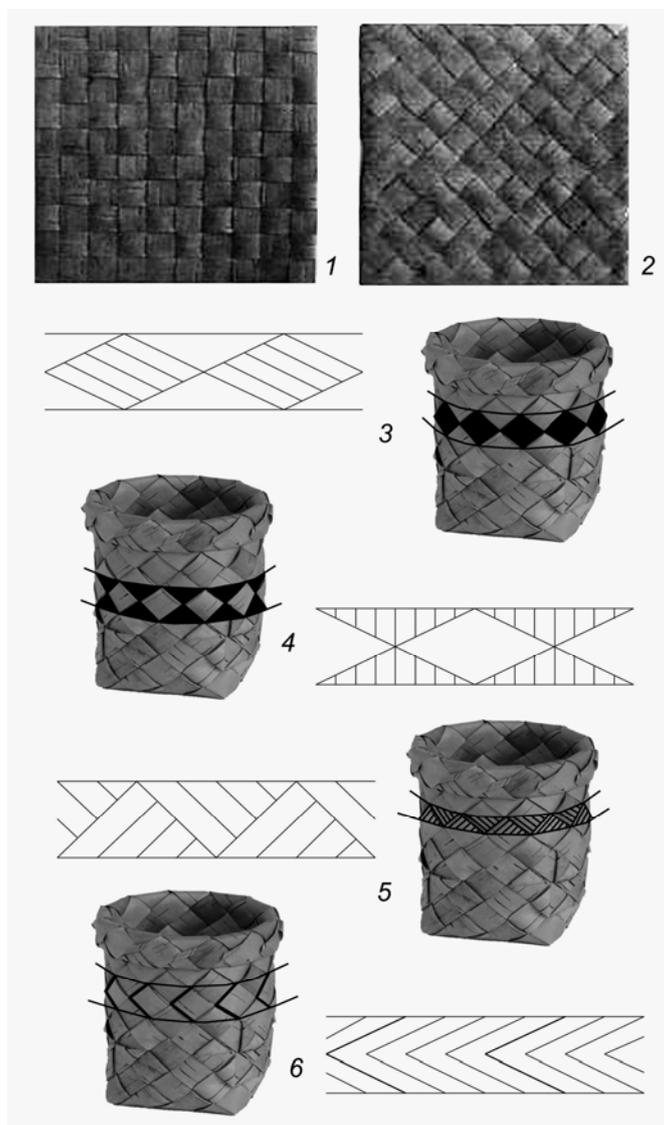

Рис. 5. Приемы плетения из бересты и узоры, возникающие на их основе:
1, 2 — технологические узоры, возникающие на основе плетения; 3–6 — орнаментальные бордюры, формирующиеся на основе зигзаго-треугольной схемы плетения

Плетеные вещи, технология создания которых связана с ритмом, повторяемостью, структурностью, обладают признаками художественных текстов, составляющих первобытное синкретическое обрядовое действие. Технологический орнаментальный узор возникает при любом способе получения текстиля. При саржевом переплетении нитей ткани можно получить сложные геометрические орнаменты, такие как ромб, квадрат, елочку и др. Вводя в ткань цветную пряжу, мастера создают цветное, узорное полотно [Глушкова, 2002, с. 107]. Цветной узор возникает в соответствии с замыслом мастера как вторичный по отношению к технологическому.

Аналогичный прием создания орнамента использовали в традиционных культурах, вплетая в циновки окрашенные стебли растений. И хотя глубокая взаимосвязь, существующая между технологическими приемами плетения и геометрическими узорами, давно осознана и неоднократно отмечалась исследователями, глубокий сравнительный анализ этих ритмизованных структур не проводился.

Изучая генезис западно-сибирской орнаментики, известный исследователь декоративного творчества О.М. Рындина положила, что самый древний этап эволюции орнаментики восходит к древней урало-сибирской общности неолита и представлен квадратно-прямоугольной структурой построения мотивов обских угров и самодийцев. На следующем этапе эволюции узорочья формируется зигзагово-треугольная структура бордюров [Рындина, 1995, с. 369–373]. А материалами, на которых зарождается орнаментальное искусство, этнограф считает мех и бересту. Причем зигзагово-треугольная структура, по мнению О.М. Рындиной, отрабатывалась на коже, в том числе рыбьей, что обосновано сложностью и дороговизной использования в качестве материалов для эксперимента меха и камуса [Там же, с. 333]. Поскольку орнаментика, особенно обско-угорская, основанная на зигзагово-треугольной структуре, имеет длительную историю, не исключено, что на каком-то этапе ее эволюции отработка узоров могла проводиться на коже. Вместе с тем данные археологии позволяют предположить и иные варианты происхождения основных орнаментальных схем.

Прежде всего, древнейшие зигзагово-треугольные орнаментальные схемы, так же как квадратно-прямоугольные, были известны в Зауралье и Западной Сибири, судя по археологическим материалам, еще в неолите [Чемякин, 2008; Старков, 1980; Зах, 2009], следовательно, говорить о том, что квадратно-прямоугольная структура западно-сибирской орнаментики предшествует зигзагово-треугольной, не приходится.

Во-вторых, обе структуры возникают как технологические узоры в процессе плетения (рис. 5, 1, 2). При этом рассечение пространства полотна на бордюры позволяет получить композиционные основы всех прерывистых угорских бордюров: ромбическо-треугольную; структуру, определяемую косым крестом; узоры, построенные на зигзаговой основе; бордюры, родственные шевронам [Рындина, 1995, с. 210, ил. 11] (рис. 5, 3–6). Аналогичным образом бордюры вычленились, например, при разрезании клетчатой ткани на ленты для костюма алтайского шамана (МАЭС ТГУ, кол. № 2632).

В-третьих, возникающие на базе зигзагово-треугольной схемы зигзаги, ромбы, треугольники, кресты, шевроны являются не только общеугорскими, но и самодийскими элементами орнамента. Они широко представлены в орнаментике древней керамики Западной Сибири. Более того, такой набор орнаментальных элементов прослеживается на обширной территории: в Сибири, Средней Азии, Кавказе, Восточной и частично Западной Европе [Рындина, 1995, с. 207–209]. Иначе говоря, перечисленные элементы не являются этнодифференцирующими. Об этом же свидетельствует использование рассматриваемого орнаментального фонда обскими уграми, селькупам и кетам при создании архаической традиции — наддверного декора, причем как в технике резьбы по дереву, так и в технике ажурной резьбы с подкладным фоном по бересте. Интересно, что оба способа декорирования применялись к конкретному кругу вещей: наддверным полосам и коробкам [Там же, с. 406–407]. Имеющиеся в нашем распоряжении фотографии наддверных берестяных полос селькупов демонстрируют узоры, аналогичные бордюрам с окаймлением на кулайской посуде (рис. 1, 5; 3).

В-четвертых, взаимосвязь древнего керамического орнаментального творчества с приемами изготовления берестяных предметов прослеживается и по другим материалам. Так, например, орнаменты на посуде боборыкинской, кокуйской и шапкульской культур рассматриваются тюменскими археологами как имитация технологических приемов сшивания бересты [Зах, Исаев, 2010, с. 9]. Не исключено, что гребенчатые оттиски по краям венчиков кулайских глиняных сосудов также могут имитировать стежки, с помощью которых в устье берестяной емкости крепился деревянный обруч. Тем более что карниз на внутренней стороне кулайских сосудов (особенно позднекулайского — саровского этапа) мог возникать при формовке венчика сосуда на обруче-основе.

К сожалению, в силу ряда причин недостаточно изучены технологические орнаменты и узоры, выполненные цветом на циновках, плетеных коробках-корневатиках, а также «вышивки» саргой на берестяной утвари. Несомненно, анализ технологических структур (в том числе тканых) и возникающих на их основе вторичных орнаментов позволит приблизиться к решению проблем происхождения и символики западно-сибирских орнаментов.

Таким образом, можно предположить, что эволюция западно-сибирского узорочья связана с технологическими приемами плетения предметов из бересты или других гибких материалов. Именно технологические приемы обработки бересты — плетение, шивание, резьба с подкладным фоном находят аналоги в древнейших неолитических орнаментальных композициях на керамике. Хотя, как показывают исследования А.П. Бородовского [1983], нельзя исключать и возможность использования в качестве экспериментального материала кожи, однако дороговизна ее по сравнению с берестой склоняет к мысли, что предпочтительнее было доступное сырье. Тем более что орнаменты, воспроизводящие швы на кожаных сосудах, относятся к эпохе раннего железа и появляются у народов, осваивающих производящие отрасли хозяйства.

Вероятно, в представлениях древних обитателей Приобья орнаментальный знак в виде бордюра-палиндрома символизировал пространство, в котором заключена душа или духи, покровительствующие владельцу орнаментированного предмета. Целью использования орнамента являлась защита человека, борьба с силами, угрожающими его жизни и здоровью, стремление овладеть душами врагов и животных (военная и охотничья удача). Тожественность сакральных функций орнаментов и изделий, изготовленных в технике плетения и/или вязания, позволяет предположить, что технологические ритмические повторы и структуры осознавались как магические, приобретали символическое значение и переносились в виде орнаментальных знаков-символов на другие материалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонГУ, 2002. Т. 1. С. 11–26.

Байбурин А.К. Проблемы изучения прагматики в архаической культуре // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 3–15.

Бонч-Осмоловская Т. Курс лекций «Комбинаторная литература, или определение, изучение и создание литературных текстов, основанных на формальных ограничениях» (МФТИ, 2005 г.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ashtray.ru>.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.

Бородовский А.П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 117–121.

Бородовский А.П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка 1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 51–56.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места XIX — нач. XX века. Новосибирск: Наука, 1986. 191 с.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. 206 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А.В., Тучкова Н.А. Селькупы: Хозяйство // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Под общ. ред. И.Н. Гемуева. М.: Наука, 2005. С. 317–328.

Гусев А.В. Костяной защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке: Находки, аналоги, возможности реконструкции // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 339–340.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс: Универс, 1994. Т. 2. 912 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс: Универс, 1994. Т. 4. 864 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 4–14.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы всесоюз. симп. по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту, 1974. С. 87–90.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.

Казакевич О.А. Северные (тазовско-туруханские) селькупы // Мифология селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич и др. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 36–50.

Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: ТГПУ, 1997. 219 с.

«Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»

- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Статьи по семиотике и типологии культуры: Избр. статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–24.
- Мифология манси: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2 / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Мифология хантов: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 3 / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданова. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с.
- Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. 1965. ДЗ-8. 43 с.
- Панкратова Л.В. К вопросу о реконструкции одного из типов композиций позднекулайской орнаментики // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. 23–28 окт. 2006 г., Новосибирск. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 319–322.
- Панкратова Л. В. Синтаксис и семантика бордюров с окаймлением на керамической посуде кулайцев // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 240–245.
- Панкратова Л.В. Структура и семантика орнаментальных композиций на кулайской керамической посуде // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 126–144.
- Панкратова Л.В. Об эквивалентности орнаментальных бордюров на культовых предметах «кулайцев» // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. 8–13 ноября 2010 г. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010. С. 196–197.
- Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству: (Фетиши селькупских шаманов) // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.
- Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 101–112.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 3. 639 с.
- Селькупская мифология / Сост. Г.И. Пелих. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 344 с.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
- Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов: Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 77–103.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Хороших П.Л., Гемуев И.Н. Берестяные изделия селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 171–185.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1964. Вып. В 4–12. 51 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В 4–12 (2). 120 с.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: (Кулайская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: Вчера и сегодня // II Междунар. Сев. археол. конгр. (Ханты-Мансийск, 24–30 сент., 2006 г.): Докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 404–420.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: ТГУ, 2001. 274 с.

Томский государственный педагогический университет
solomila@mail.ru

The author attempts to reconstruct semantics and to express a hypothesis on origin of West Siberian ornamental edgings with a bordering, organized following strict formal rules used in lingual texts on creating palindromes. It is suggested that in the perception of ancient West Siberian aborigines the edgings-palindromes symbolized space, possessing an ability to keep living entities. The ornaments were used as amulets. It is suggested that evolution of ornamental pattern being closely connected with weaving processing methods.

Ornamentation, palindrome, vital energy, weaving, sacredness.

КАРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Изложена краткая история выделения и пересмотра содержания карымского этапа в развитии таежных обществ Западной Сибири. Хронология карымского этапа — раннее средневековье (IV — начало VI в. н.э. или рубеж III–IV — начало VI в. н.э.). Территория распространения карымских памятников — западные и центральные области таежного Приобья.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымские памятники, история изучения, хронология, территория распространения.

Введение

Минуло почти 80 лет со времени раскопок патриархом археологии и этнографии Тюменского Севера В.Н. Чернецовым первого памятника с керамикой карымского типа, более половины столетия с момента выделения им карымского этапа нижеобской культуры и три десятилетия после первого серьезного пересмотра его фундаментальной периодизации средневековых культур таежного Приобья. Предпосылкой для написания новых обобщающих работ по карымским древностям послужило завершение десятилетнего цикла изучения куста средневековых памятников на левобережье Сургутского Приобья — в низовьях Бол. Югана на протоке Сартым-урий [Чемякин, 2001а, б; 2002; 2003а–г; 2005; 2006; 2008а, с. 93–94, рис. 91, 94; 2008б, в; 2011а, б; Чемякин, Морозов, 2006; Чемякин, Некрасов, 2007; Чемякин, Фефилова, 2007, 2009; Фефилова, 2008, с. 284; Фефилова, Чемякин, 2008, 2009; Чемякин, Борзунов, 2012]. Целенаправленные полевые исследования, вызванные активным хозяйственным освоением территории, резко расширили источниковую базу по интересующему нас культурному образованию, дали бесспорные, практически «чистые» карымские комплексы, что позволило существенно скорректировать характеристику этих древностей и расширить представления о начале средневековья в регионе.

Данная статья открывает цикл исследований авторов по карымской проблематике. В ней изложена краткая история выделения и пересмотра содержания карымского этапа в развитии таежных обществ Западной Сибири. В следующих публикациях представим уточненную характеристику карымских памятников и карымского общества Сургутского Приобья на фоне общего анализа всех карымских древностей западно-сибирской тайги. При проведении последнего будем активно пользоваться обобщающими работами ведущих специалистов по этой тематике, прежде всего В.Н. Чернецова, В.М. Морозова, Н.В. Федоровой, А.П. Зыкова, К.Г. Карачарова.

История исследования и хронология карымского этапа

Карымский этап нижеобской культуры выделен В.Н. Чернецовым по второй группе керамики многослойного городища Ус-Толт (Городская Пристань, Карымское, Карым I), обследованного и частично раскопанного им в 1933 г. у п. Карым (Харом-Павыл) на р. Харом-Я (Карым-я) в бассейне Юконды (левый приток Конды). Для датировки карымских древностей, помимо серии бронзовых отливок, найденных в разных местах Нижнего Приобья и бассейна Конды, ученый привлек материалы Козловского и Перейминского могильников, открытых на оз. Андреевском в окрестностях Тюмени. При этом первый памятник по находкам керамики он причислил к «кругу культуры карымского этапа», а второй — «к другой, хотя и родственной культурной группе» [Чернецов, 1957, с. 138–147, 160–185, рис. 2–4, табл. IX, X, 1–3, XI, 1, 8, XII, XIII, XVIII]. Памятники карымского этапа вошли в разработанную им общую периодизацию древностей II–XIII вв. н.э. таежной зоны Западной Сибири. Последовательность этапов в ней такова: ярсалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.) и кинтусовский (X–XIII вв.) [Там же, с. 136–245].

Памятники с карымской керамикой выявлены в Нижнем и Сургутском Приобье, бассейне Конды, западной части Обь-Иртышского междуречья, Среднем Прииртышье и Нижнем Притоболье. Тем не менее до недавнего времени хронология карымского этапа базировалась только

на датах трех южно-таежных курганных могильников с находками карымской посуды — позднесаргатского Ипкульского (вторая половина III — IV в.) и Козловского (V в.) в Тюменском Притоболье, а также Усть-Тара VII (конец IV — V в.) в Среднем Прииртышье [Федорова и др., 1991, с. 131; Скандаков, Данченко, 1999; Матвеева, 2008; Зыков, 2006а, с. 113].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. предложенную В.Н. Чернецовым периодизацию пересмотрели свердловские археологи. Не вдаваясь в подробности, отметим, что памятники яраслинского этапа были выведены за рамки средневековья и ныне рассматриваются как позднекулайские. Зеленогорские древности, отнесенные В.Н. Чернецовым к началу раннего железного века [1949, с. 67–74; 1953, с. 63–71], определены как средневековые. Оронтурский этап, представленный разновременными и разнокультурными комплексами, исключен из типологии. Кроме того, предложили отказаться от понятия «археологическая культура» и рассматривать средневековые памятники северо-запада Сибири в системе обь-иртышской культурно-исторической общности (далее — КИО). Последняя имела иной хронологический диапазон и была разделена на пять этапов: карымский (IV–VI вв.), зеленогорский (VI–VII вв.), кучиминский (VIII — IX вв.), кинтусовский (конец IX — начало XIII в.) и сайгатинский (XIII–XIV вв.) [Федорова и др., 1991, с. 131–143, рис. 2, 3]. В тезисах 1993 г., посвященных данной общности, А.П. Зыков и Н.В. Федорова изменили хронологию этапов и датировали карымский III–IV — началом VI в. [1993, с. 66]. В отличие от своих коллег, В.М. Морозов при анализе карымских древностей Нижнего Приобья продолжал использовать датировку В.Н. Чернецова [Морозов и др., 1995, с. 10–11].

Впоследствии все эти этапы К.Г. Карачаров без развернутого обоснования заменил культурами с теми же названиями, хронология которых в очередной раз была уточнена. Карымский этап (археологическая культура) датирован III/IV — началом VI в., зеленогорский — VI — концом VII/началом VIII в., кучиминский — концом VII/началом VIII — концом IX/началом X в., кинтусовский — X — концом XI/первой половиной XII в., сайгатинский — концом XI/XII — XV (XVI?) вв. Кроме того, в периодизацию была включена еще одна культура — вожпайская (конец IX — X в. либо вторая половина IX — вторая половина X в.), частично перекрывающая кучиминский и кинтусовский этапы [Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–62; 2002, с. 44–65; Карачаров, 2006], выделенная в свое время Л.П. Хлобыстиным по результатам раскопок поселения Дюна III в Таймырском Заполярье [1993, с. 19–27]. Заметим, что сейчас получены материалы для датировки самых поздних сайгатинских древностей XVI в. [Борзунов, 2003, с. 137–163; Стефанов, 2003, с. 209; Зыков, Кокшаров, 2004, с. 330–331; Зыков, 2004, с. 333; Носкова, 2010, с. 331–339].

К сожалению, границы распространения памятников каждого этапа (культуры) исследователями не были четко обозначены, как не было установлено своеобразие отдельных территорий в рамках выделенных этапов или культур.

Удревнение карымского этапа было обусловлено двумя факторами: «плавающей» верхней хронологической границей кулайских древностей и уточнением времени бытования уникального культового комплекса с массой металлических изделий — Холмогорского «клада». Последний объект обнаружили нефтяники в 1976 г. у оз. Соры-лор в водоразделе правых притоков Оби и левых притоков Пура (ЯНАО, Пуровский р-н, 45 км к ЮЗ от г. Ноябрьска). С конца 1980-х гг. материалы «клада» (точнее, собрания вещей, уложенных в яму-погребение с четырьмя куклами-иттарма) неоднократно, вплоть до 2002 г., привлекались многими уральскими археологами для характеристики карымского этапа [Федорова и др., 1991, с. 130–133, рис. 2А, 11–14; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 43, рис. 14, 3–7; 2002, с. 48, рис. 14, 3–14; Зыков, Федорова, 2001, с. 28–29, 145, рис. 3, 4]. Сейчас данный памятник определяется III–V вв. или концом III — началом IV в., а формирование коллекции его вещей относится к III в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 53, 63, 145]. По оценке А.П. Зыкова, Холмогорский клад может быть связан с карымским этапом только гипотетически [2006а, с. 113], тем более что глиняной посуды в его составе нет. Кроме того, место обнаружения данного культового комплекса находится за пределами ареала карымских поселений и ни одна вещь из него не имеет бесспорных аналогов в материалах известных карымских памятников. В целом же вещи «клада» близки таежным позднекулайским, импортным пьяноборским, сарматским, сакским, хуннским, а также фоминским и более поздним западносибирским средневековым древностям. На наш взгляд, одна часть его предметов (биметаллические и железные кинжалы, железные топоры-тесла, бронзовые массивные наконечники стрел, котел, условно-антропоморфные личины, отдельные антропо-, зоо- и орнитоморфные изображения, круглые бляхи с концентрическим и шнуровым декором) отражает местные орудийный и культовый комплексы, а также художественный стиль и набор импортных изделий

позднего этапа развития кулайской КИО, другая (бронзовые прямоугольные бляхи с рельефами оленей и всадников, плоскоконические бляхи, некоторые зоо-, орнито- и антропоморфные фигуры, железное бронейное оружие, рубильные и хозяйственные ножи, палаш, детали доспеха, крупные пастовые бусы) — переход к раннему средневековью.

В настоящее время К.Г. Карачаров сузил хронологические рамки карымской культуры до IV–VI вв. [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 63], что в основном совпадает с современной позицией А.П. Зыкова (IV — начало VI в.) [2006а, с. 113] и авторов данной статьи. Наши представления о хронологии карымских древностей будут детально рассмотрены в следующих работах — при анализе вещевого материала карымских памятников таежного Приобья и результатов радиоуглеродного датирования поселений на протоке Сартым-урий.

Основанием для пересмотра К.Г. Карачарову послужили материалы могильника Агрнъёган 1, расположенного на р. Аган, притоке Тромъёгана, в окрестностях г. Радужного Нижневартовского р-на ХМАО. Этот сильно разрушенный памятник был случайно открыт в 2003 г. местными жителями. В 2004 г. К.Г. Карачаров и А.В. Носкова исследовали его остатки. В могильнике найден богатый набор местных таежных и импортных вещей: бронзовые антропоморфные личины, зооморфные отливки, круглые, антропо- и зооморфные бляхи, массивный наконечник стрелы, обломок эполетообразной застежки, фрагменты котла и чаши, биметаллический кинжал, железные наконечники стрел, наконечник копья, топор-тесло, фаянсовые и стеклянные бусы, костяная деталь упряжи и другие предметы [Карачаров, Носкова, 2006, с. 179–181; Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62–71]. Керамика отсутствовала. По заключению К.Г. Карачарова, Холмогорский «клад» и Агрнъёган 1 одновременны и могут быть датированы первыми веками н.э. [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 71]. Комплексы со сходным инвентарем открыты в известном погребении 1 Барсовского III могильника на Барсовой Горе [Борзунов, Зыков, 2003, с. 103–112] и разрушенном захоронении у городища (укрепленного жилища) Нивагальское 20 на р. Аган [Карачаров, 2011, с. 82–110]. Предметный комплекс всех этих памятников символизирует наивысший расцвет общества кулайской эпохи, после которой наблюдается упадок материальной культуры местных племен. Кроме того, по представлениям К.Г. Карачарова, могильник Агрнъёган 1 является на Агане самым ярким памятником особого, переходного, периода (I–IV вв. н.э.) «от раннего железного века к средневековью» (по другой версии — «от железного века к средневековью»), который характерен и для всего Евразийского континента, включая Западную Сибирь. Переход к средневековью в таежном Приобье определяется исчезновением кулайских комплексов и появлением круга раннесредневековых культур, в том числе карымской, релкинской и зеленогорской [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62].

Мы не готовы детально обсуждать правомерность выделения вышеуказанного переходного периода и включения его в периодизацию археологических культур таежного Приобья. Обозначим только основные позиции по данному вопросу.

Во-первых, речь идет о двух разных периодизациях — археологической и общеисторической. При определении и характеристике переходного периода К.Г. Карачаров объединил их безо всякого на то основания, в нарушение законов формальной логики. Дело в том, что средневековье, являясь одним из основных этапов (формаций) развития человеческого общества, согласно археологической периодизации, — тоже железный век, но поздний. Если говорить о переходном периоде, то, согласно последней периодизации, он может быть между ранним и поздним железным веком, по общеисторической — между Древним миром и средневековьем. В последнем случае культуры севера Евразии входят в глобальный исторический процесс весьма специфично: на правах периферийных первобытных доклассовых и раннеклассовых обществ, синхронных государственным образованиям Старого Света. До начала железного века таежные коллективы функционировали при минимальном опосредованном воздействии со стороны цивилизаций Древнего мира. С развитием торгово-обменных отношений между Севером, Центром и Югом Евразии, включением на рубеже эр лесных областей Урала и Западной Сибири в систему континентальных торговых путей на правах поставщиков пушнины, это воздействие становится более осязаемым, экономически и социально значимым. Одним из последствий этого является социальное расслоение и начало классового образования в таежных обществах [Кокшаров, Зыков, 1995, с. 15, 18; Борзунов, Стефанова, 2001, с. 102; Борзунов, 2002, с. 93; Борзунов, Чемякин, 2006, с. 71] — первый шаг к средневековью. Во-вторых, обозначенный К.Г. Карачаровым переходный период не является особым звеном в периодизации археологических культур Западной Сибири. Он только накладывается на общую хронологическую систему, подобно тому

как это происходит с переходом между эпохами бронзы и железа. В-третьих, в версии К.Г. Карачарова он практически полностью совпадает с заключительным этапом развития кулайской КИО раннего железного века. Между тем ранний железный век в западно-сибирской тайге, в отличие от евразийской степи и лесостепи, начинается фактически только в IV–III вв. до н.э., что соответствует началу кулайской «эпохи» и появлению здесь первых изделий из железа, причем исключительно оружия. На севере Западной Сибири железо начинает вытеснять бронзу только с рубежа эр [Кокшаров, Зыков, 1995, с. 13–14; Борзунов, Чемякин, 2006, с. 68–69]. Учитывая это, переход от раннего железного века к позднему в таежном Приобье вряд ли мог начаться в I–III вв. н.э., практически сразу после появления единичных предметов из нового металла и первых признаков социального расслоения в общинах охотников-рыболовов. Мы полагаем, что он происходил в III–V вв. н.э. Не говоря уже о том, что производственные отношения, характерные для раннесредневековых обществ Европы, в коллективах сибирской тайги постепенно формировались с этого времени почти до конца I тыс. н.э.

Что касается предметов Холмогорского «клада» и могильника Агрньёган 1, то они, как уже отмечалось ранее, характеризуют финал кулайской общности в Сургутском и Нижнем Приобье, а по ряду позиций, прежде всего железному вооружению, намечают тенденцию возможного развития таежных обществ в начале эпохи средневековья.

Насколько правомерно привлекать эти памятники для характеристики карымского этапа — вопрос сложный, но решаемый. На данный момент можно констатировать, что все материалы из раскопанных карымских поселений Сургутского Приобья выглядят ординарными, диссонируют с яркими позднекулайскими вещами Холмогор и Агрньёгана 1 и не находят среди них аналогов. Последние объекты, в первую очередь Холмогорский «клад», могут быть синхронизированы с фоминской культурой Верхнего Приобья. По мнению сибирских коллег, она входит в состав кулайской КИО и датируется III–IV вв. н.э. [Ширин, 2003, с. 114, 158; 2004, с. 59, 62]. Уместно напомнить, что в одном из фоминских могильников (Усть-Абинский, погр. 11) найдена бронзовая накладка на ножны, в верхней части которой имеется рельефное изображение хвостатого оленя, близкое фигурам на холмогорских прямоугольных бляшках-плакетках [Ширин, 2004, с. 59–61, ил. 1, 3, 4]. С учетом этих данных, мы склонны согласиться с современными доводами А.П. Зыкова, К.Г. Карачарова и Ю.В. Ширина [Там же, с. 68] об исключении материалов Холмогорского «клада» из карымского культурного комплекса, несмотря на некоторые расхождения данных исследователей в культурно-хронологической оценке холмогорских находок.

В последние годы А.П. Зыков, один из авторов новой периодизации археологических культур таежного Приобья, предложил рассматривать объ-иртышскую КИО как совокупность средневековых культур и типов памятников Западно-Сибирской равнины, возникших на кулайской основе, точнее — локальных вариантов кулайской культуры или археологических культур кулайской КИО. В состав этой общности, по его представлению, входили нижнеобская, релкинская, верхнеобская и другие культуры, а также ряд более дробных образований и типов памятников. Как полагает А.П. Зыков, реабилитированная им нижнеобская культура охватывала практически всю таежную зону Северо-Западной Сибири и подразделялась на периоды (вышеупомянутые пять этапов), на каждом из которых можно проследить ее локальные варианты — территориальные группировки памятников. Основой периодизации является развитие керамики, как одного из наиболее точных индикаторов культуры, в данном случае — круглодонной глиняной посуды с фигурно-штампованной орнаментацией, синхронно и сходно эволюционирующей во всем ареале вышеупомянутой культуры. Среди других элементов нижнеобской культуры исследователем были названы домостроение, фортификационное зодчество, погребальный обряд, культовая практика и т.д. [Зыков, 2006а, с. 113; 2006б, с. 38–41]. Вместе с тем локальные варианты данной культуры А.П. Зыков пока не может определить, в том числе для древностей карымского этапа, непосредственно приходящих на смену кулайским.

Территория распространения карымских памятников

До проведения комплексного сравнительного анализа всех известных карымских памятников еще далеко, особенно с учетом того, что большая часть их пока не раскопаны. Однако уже сейчас можно предполагать локальное своеобразие карымских объектов как минимум Нижнего Приобья, Конды, Сургутского Приобья и западных территорий Обь-Иртышского междуречья, на которых существовали разные варианты или культуры кулайской КИО (нижнеобской, кондинский, сургутский). По нашему убеждению, восстановление объ-иртышской КИО и нижнеобской

культуры вполне оправданно. Вместе с тем для распространения границ нижеобской культуры на Сургутское Приобье нет достаточных оснований. Кроме того, «упразднить» другие территориальные культурные образования, составляющие эту общность, явно нелогично.

Перечисленные выше районы средней и северной тайги являлись основной территорией распространения карымских памятников — городищ, селищ, грунтовых могильников и металлургических комплексов (рис.).

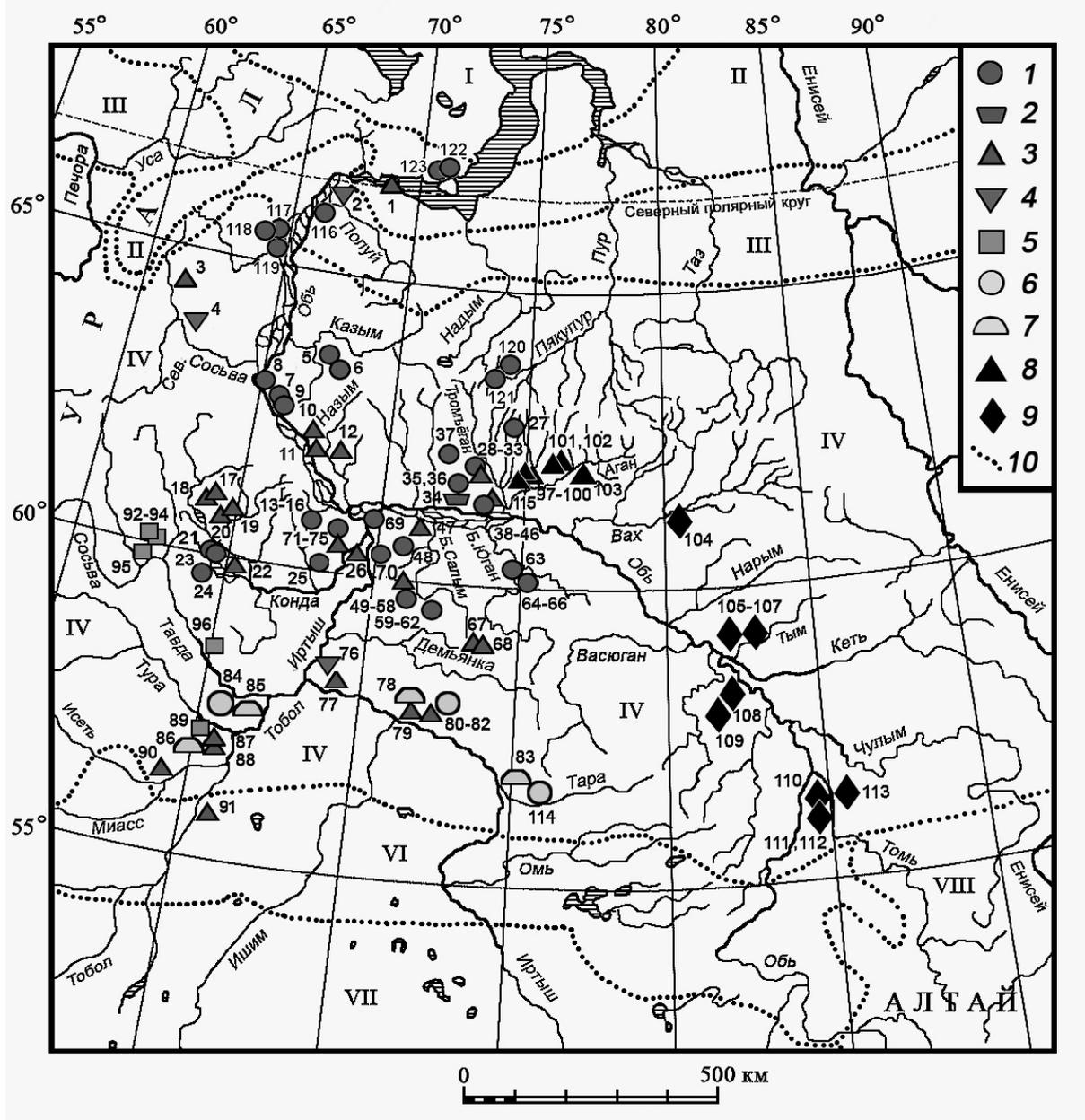

Рис. Карымские памятники раннего средневековья и их окружение (список см. в тексте):
 Условные обозначения: 1 — карымское поселение (городище, селище); 2 — карымский грунтовый могильник; 3 — места единичных находок карымской керамики; 4 — места единичных находок предполагаемых предметов карымского культового литья; 5 — памятники с туманской керамикой; 6 — южно-таежные поселения с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 7 — южно-таежные карымские и саргатские курганные могильники с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 8 — памятники с керамикой «аганского типа»; 9 — релкинские памятники с находками валиковой и желобчатой керамики; 10 — границы современных природно-климатических зон.
 Современные природно-климатические зоны: I — тундра; II — лесотундра; III — редколесье; IV — тайга; VI — лесостепь; VII — степь; VIII — горные районы (широколиственно-лесная зона (V) на карте отсутствует)

Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория...

Список памятников (к рис.): 1 — поселение Солемала I (Салемал 1); 2 — мест. у Салехарда; 3 — гор. (пос.) Мань-Няслан-Тур (пос. Чэс-Тый-яг; пос. Вуграсян-Вад)*; 4 — мест. на Сев. Сосьве; 5 — гор. (пос.) Каксинская Гора IV (4)*; 6 — гор. Кислор III*; 7 — пос. Нангакорка*; 8 — сел. Перегребное IV*; 9 — сел. Низямы 3*; 10 — гор. Большеатлымское I (Атлим; Атлим-вош; городок Бол. Атлым); 11 — пос. Большие Леуши; 12 — гор. Устьевьюган; 13 — пос. Ендырское IV; 14 — пос. Ендырское VII*; 15 — пос. Хора I; 16 — гор. (пос.) Хора II; 17 — гор. Бол. Умытья I (гор. Шаманская Горка); 18 — гор. Бол. Умытья II (2); 19 — гор. Мал. Умытья II; 20 — пос. Неушья 1 (мог. Неушья 1.2); 21 — пос. Евра 25*; 22 — гор. Высокая Гора (Учинья I); 23 — металлург. площ. Ирия II (Ирья-2)*; 24 — металлург. площ. Полуостров Дальний-1*; 25 — гор. Ус-Толт (Карым I)*; 26 — мест. на Вербилском мысу; 27 — гор. Айка-Еган III; 28 — гор. Ермаково VIII; 29 — гор. Путчи-Урий III; 30 — гор. Русскинский Урий I; 31 — Русскинский Урий II; 32 — Русскинский Урий V; 33 — Русскинский Урий XIII; 34 — мог. Сайгатинский VI (ранняя группа погребений)*; 35 — сел. Кучиминское I*; 36 — сел. Кучиминское XXII*; 37 — пос. Быстрый Кульёган 66; 38 — гор. Барсов городок II/6; 39 — гор. Барсов городок II/7*; 40 — гор. Барсов городок II/9*; 41 — гор. Барсов городок II/10*; 42 — сел. Барсова Гора II/3; 43 — сел. Барсова Гора II/3; 44 — сел. Барсова Гора II/4; 45 — сел. Барсова Гора II/5; 46 — сел. Барсова Гора II/9г*; 47 — мест. в устье Бол. Салыма; 48 — сел. Усть-Камчинское 2; 49 — гор. Кинтусовское 1.1; 50 — гор. Кинтусовское II (2); 51 — гор. Кинтусовское 3.1; 52 — гор. Кинтусовское 3.2; 53 — пос. Кинтусовское 3.3; 54 — пос. Кинтусовское 3.5; 55 — пос. Кинтусовское 3.6; 56 — пос. Кинтусовское 3.7; 57 — гор. Кинтусовское IV (4.1)*; 58 — гор. Кинтусовское 9.1 и пос. Кинтусовское 9.2; 59 — гор. Соровское V; 60 — гор. Соровское X; 61 — гор. Соровское XVII; 62 — гор. Соровское XXXV; 63 — сел. Сухая 1; 64 — сел. Сартым-урий 16*; 65 — сел. Сартым-урий 17*; 66 — гор. Сартым-урий 18*; 67 — мест. на оз. Чагыр; 68 — мог. Чагыр IV*; 69 — гор. (пос.) Горное II; 70 — гор. Гришкино I; 71 — пос. Согомское 14; 72 — пос. Согомское 23*; 73 — гор. Танце-Мига; 74 — гор. Чебачье; 75 — гор. Стариков Мыс*; 76 — мест. у д. Тюково (Тюковский курган?)*; 77 — гор. Потчеваш*; 78 — мог. Красноярка IV*; 79 — гор. Красноярское (Красноярка)*; 80–82 — Красноярский археологический комплекс (жилище, погребение, мест.)*; 83 — мог. Усть-Тара VII*; 114 — гор. Усть-Тара 43*; 84 — пос. Ипкульское (Ипкуль) XV*; 85 — мог. Ипкульский*; 86 — мог. Козловский*; 87 — гор. Слоцовское*; 88 — гор. Андрушин Городок*; 89 — сел. на северном берегу Андреевского оз. (СБАО)*; 90 — гор. Павлиново*; 91 — гор. Усть-Утяк 1*; 92 — пос. (сел., святилище) Туманское I*; 93 — сел. Старая Кама; 94 — гор. Исток II; 95 — гор. Мишинское; 96 — гор. Городокское; 97 — сел. Нёх-Урий 1*; 98 — сел. Егур-ях 4*; 99 — сел. Вор-сап 2; 100 — сел. Вор-Сап 4; 101 — сел. Сардыковы; 102 — сел. Варьёган 15; 103 — сел. Усть-Ваньёган 2; 104 — пос. Бол. Ларьяк*; 105 — мог. Нёготский*; 106 — пос. (сел.) Кондрашкино I; 107 — пос. (сел.) Кондрашкино VI; 108 — пос. Малгет*; 109 — пос. Круглое Озеро II*; 110 — сел. Кисловка II*; 111 — сел. Тимирязевское I*; 112 — гор. Тимирязевское III*; 113 — гор. Басандайка IV*; 114 — гор. Усть-Тара 43*; 115 — сел. Мохтикёган 22; 116 — гор. Питлярское; 117 — гор. Несьеган I; 118 — гор. Юган-горт I; 119 — пос. Елисеевский; 120 — пос. Пяку-то I; 121 — мест. Сугмутен-ягун Va; 122 — пос. Хаудымка II; 123 — пос. Нгарка-Едытаяха I.

Примечание. Звездочкой отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи. Места находок некоторых медных или бронзовых предметов (№ 1, 4, 76), сходных с позднекулайскими, к карымским памятникам отнесены условно.

По южным границам карымского ареала, в южно-таежном Притоболье и Прииртышье, выявлены селища и курганные могильники, оставленные мигрировавшими с севера общинами с ярсалинско-карымской, карымской и, возможно, туманской керамикой. Здесь они взаимодействовали с остатками и потомками северных саргатских племен. Со временем на южной границе лесной зоны формируются смешанные (гетерогенные) общины пришельцев и аборигенов с доминированием представителей тех или других этносов. В лесном Притоболье такие коллективы представлены позднесаргатским поселением Ипкуль XV, оставленным смешанным населением, и отчасти синхронным ему Ипкульским могильником, карымским (туманским — по версии В.Д. Викторовой) Козловским могильником, в Среднем Прииртышье — отдельными объектами Красноярского археологического комплекса, карымскими некрополями Красноярка IV и Усть-Тара VII [Чернецов, 1957, с. 162, 164–180; Корякова, 1988, с. 86–87; Корякова и др., 1988, с. 124–128; Скандаков, Данченко, 1999; Данченко, Колесникова, 2000; Зыков, 2006а, с. 113–114; Матвеева, 2008; Грачев и др., 2010], а также ранними памятниками с потчевашской керамикой. Последние были оставлены потомками лесных и лесостепных обществ раннего железного века (позднекулайских саровских, ярсалинских, прииртышских, а также саргатских, кашинских и др.) [Скандаков, Данченко, 1999, с. 168]. В начале средневековья формирование гетерогенной потчевашской культуры происходило при участии карымского населения.

На юго-западе таежного Приобья, в бассейнах Сосьвы, Лозьвы, Пелыма и Тавды, открыты сходные по керамике с карымскими (и даже практически идентичные им) туманские поселения [Викторова, А–1967, с. 146–147; А–1969, рис. 37, II; 1970, с. 261–264; 1999, с. 126–153, рис. 7, 8;

Борзунов, Чемякин, 2006, с. 84–85; Говейлер, 2007; Чемякин, 2008б, с. 219–223¹. По мнению В.Д. Викторовой, выделенные ей памятники туманского типа представляли собой северо-западный вариант общности культур с фигурно-штампованной орнаментацией сосудов. Кроме того, к туманским объектам исследователь отнесла группу памятников в междуречье Туры и Пышмы близ Тюмени (городища Словцовское, Андрушин городок, Козловский могильник и поселение на северном берегу Андреевского озера). Согласно ее гипотезе, керамика туманского типа появилась здесь в результате миграции и взаимодействия разных групп населения; вторая миграция таежных коллективов с фигурно-штампованной посудой была направлена в бассейн Чепцы [Викторова, 1999, с. 138]. К сожалению, четких критериев отличий туманских памятников от карымских до сих пор не предложено. Хотя мы не исключаем существование здесь локального варианта древностей карымского этапа обь-иртышской КИО. Весьма спорной является и культурная диагностика перечисленных выше памятников из окрестностей Тюмени.

В небольших количествах посуда карымского и близкого ей облика встречается в Нарымском Приобье [Посредников, Киришин, 1970; Чиндина, Балакин, 1976, с. 60, 62, 63, табл. V; Яковлев, 2006], Северном Приуралье [Канивец, 1962, с. 142–143, табл. IX, X; Оборин, 1969, с. 156–157, 162–163, рис. 1, 20], Среднем Притоболье [Кайдалов и др., 2010, с. 68–70, рис. 2, 16–17] и низовьях Исети [Среда, культура и общество..., 2009, с. 115, рис. 5.2, 1–3; CD диск: фото 5.1–5.3]. К востоку от основного ареала карымских памятников, на р. Аган в Среднем Приобье, локализируются селища и стоянки с гребенчато-ямочной и желобчато-валиковой керамикой «аганского типа» [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 72], на Вахе и в Томско-Нарымском Приобье — ранние поселения релкинской культуры [Чиндина, 1977, 1991].

Л.А. Чиндина и Ю.В. Балакин, говоря о фигурно-штампованной и валиковой посуде релкинского селища Круглое озеро II на р. Шудельке, левом притоке Оби, отмечают ее хронологическую самостоятельность и относительно позднее время существования в рамках релкинской культуры [1976, с. 60, 62, 63, табл. V]. Мы же не исключаем, что это поселение, как и ряд других, будет синхронизировано с карымскими памятниками Сургутского Приобья и определено в интервале IV — начала VI в. Более того, вероятны пересмотр верхней хронологической границы кулайских древностей Томско-Нарымского Приобья и выделение «посткулайского» культурного образования, предшествующего релкинской культуре. Последняя, по нашему убеждению, имеет слишком большой хронологический диапазон (VI–IX вв. [Чиндина и др., 1990, с. 42; Чиндина, 1991, с. 2, 67]) и может быть разделена как минимум на два сменяющих друг друга культурных образования. Точно так же как «растянутые» на тысячелетие кулайские памятники данного района (VI в. до н.э. — V в. н.э. [Чиндина, 1984, с. 2, 106; Чиндина и др., 1990, с. 38]).

Карымские памятники: краткая история полевого исследования²

Поселения. Всего нам известно более 80 поселенческих памятников с находками карымской керамики (рис.). Как правило, они представлены небольшими комплексами посуды, собранными в ходе разведок и раскопок малой площади на разновременных городищах и селищах. Памятников однослойных или с предполагаемым основным карымским слоем пока немного.

При оценке количества карымских памятников, помимо относительно небольшого количества стационарно исследованных объектов, существует еще одна сложность: отсутствие четких критериев разделения ярсалинского и карымского керамических комплексов. Последнее, в свою очередь, обусловлено их большим сходством (отчасти даже идентичностью), отсутствием раскопанных объектов с чистыми ярсалинскими комплексами, а также нехваткой серьезных сравнительно-типологических и статистических исследований позднекулайской и раннесредневековой посуды западных областей таежного Приобья.

Стационарно и целенаправленно исследовались карымские поселения Нижнего и Сургутского Приобья: на р. Казым и правобережье Оби (раскопки и разведки В.М. Морозова, 1980–1984, 1987 г.), в урочище Барсова Гора у западной окраины Сургута (раскопки Н.В. Федоровой 1973 г., Г.А. Степановой 1989 г.) и на р. Бол. Юган у п. Угут (раскопки Ю.П. Чемякина 2001–2011 гг. при участии Т.Ю. Федиловой). При этом на трех селищах Нижнего Приобья — Низямы 3, Пере-

¹ Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора, перед годом написания работы.

² При составлении списка карымских памятников авторами использовано около 150 публикаций и архивных материалов. Малая толика их приведена в библиографическом списке, завершающем статью. Выражаем благодарность всем исследователям, чьи материалы были упомянуты в нашей работе.

гребное (Перегрёбное) 4, Нангакорка — вскрыты остатки восьми карымских построек. Столько же их исследовано на городищах Барсов городок II/6, 7, 9, 10 на правом берегу Оби в Сургутском Приобье (от одного до трех жилищ на каждом памятнике) [Морозов, 1994, с. 362, 364; Стефанова, Борзунов, 2002, с. 29, 36–43, 48; Чемякин, Зыков, 2004, с. 40–43, 184; Чемякин, 2008а, с. 93–94, рис. 90, 92, 93, 5, 6; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 54–55, 122, 146]. Оригинальное двухкамерное сооружение раскопано на Кучиминском 1 селище в урочище Сайгатино, в 30 км к западу от г. Сургута [Степанова, А–1991, с. 33–35, рис. 52–55]. Одно карымское жилище обнаружено на многослойном поселении Ендырское VII на р. Ендырь, левом притоке Оби в нижнем ее течении (С.Ф. Кокшаров, раскопки 2011 г.). Небольшая углубленная временная или хозяйственная постройка, соотношенная с карымскими древностями, исследована на р. Егур-ях, правом притоке Агана [Яковлев, 2006]. Сегодня ее, возможно, следует отнести к памятникам аганского типа, выделенного К.Г. Карачаровым по материалам раскопок селища Нёх-урий 1 и находкам еще на пяти селищах в бассейне р. Аган [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 72]. Вместе с тем выделение его требует большего обоснования и новых исследованных памятников.

Больше всего объектов, включая жилища, хозяйственные и производственные сооружения, вскрыто на левобережье Сургутского Приобья в низовьях Бол. Югана: на городище Сартым-урий 18 — десять, селище Сартым-урий 17 — одиннадцать, селище Сартым-урий 16 — четырнадцать [Чемякин, 2001; 2002; 2003а–г; 2005; 2006; 2008а, с. 93–94, рис. 91, 94; 2008б; 2011б; Чемякин, Фефилова, 2007, с. 115, 120, ил. 4, 5–12, 15, 16; 7, 5, 6; Фефилова, Чемякин, 2008; 2009, с. 243–245, ил. 14; Чемякин, Борзунов, 2012]. Карымские городища и селища, исследованные на протоке Сартым-урий и в урочище Барсова Гора, предоставляют уникальную возможность проследить эволюцию материальной культуры в этот период. Каждый из этих кустов памятников, расположенных на высоких береговых участках длиной соответственно 350 и 600 м, по-видимому, оставлен одной общиной, а входившие в его состав поселения отражали разные (последовательные) стадии ее существования.

Помимо этого, карымские объекты зафиксированы в ходе разведок в составе больших скоплений городищ и селищ в Сургутском Приобье: в верховьях Бол. Салыма — в районе п. Кинтусово и на оз. Бол. Сорском (работы Л.М. Тереховой, Г.П. Визгалова, К.Г. Карачарова, О.В. Кардаша и др.) [Кардаш, А–1996; Ивасько и др., 2000, с. 40–46; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42, карта 5, 7, 8; Чемякин, 2008а, с. 93–94, рис. 91, 3, 4], в среднем течении Бол. Югана — на р. Сухой (разведка К.Г. Карачарова, С.А. Мызникова) [Карачаров и др., 2004, с. 431; Мызников, А–2004, с. 19–20; Фефилова, 2008, с. 288], на р. Ендырь, левом притоке Оби (разведка А.В. Ермоленко) [Ермоленко, 2003; Чемякин, 2008а, рис. 91, 5, 6], на р. Евра на левобережье Конды (разведка С.Ю. Каменского, раскопки С.Ю. Каменского, Е.А. Жирных) [Каменский, 2004, с. 386, 390, ил. 1; Каменский, Жирных, 2006, с. 168–171, ил. 1], на р. Назым, правом притоке Оби (разведка Я.А. Яковлева и А.Н. Кондрашёва) [Яковлев, Кондрашёв, 2006, с. 38–39, 49–50], близ п. Бол. Леуши на правобережье Оби (экспертные работы А.Я. Труфанова, Д.В. Бочкарева, С.А. Гусева) [Труфанов и др., 2003, с. 286–289, ил. 1, 2], а также в ряде других мест (рис.). Один карымский неукрепленный поселок — Быстрый Кульёган 69 — выявлен на малой одноименной реке, левом притоке р. Минчимкиной, в 40 км к западо-северо-западу от г. Сургута (разведка А.А. Погодина, В.А. Борзунова, С.А. Сергеева, В.И. Стефанова) [Погодин А., А–1995, с. 76–77, рис. 117, 118].

Вероятно наличие карымских городищ и селищ среди визуально фиксирующихся остатков поселков эпохи железа на оз. Домашний Сор у п. Согом в Нижнем Прииртышье, где также найдена карымская керамика (натурные обследования Н.М. Попова, З.П. Соколовой, Л.Г. Шориковой, Н.Ю. Поршуковой, В.М. Морозова, Е.А. Зайцевой и др.) [Морозов, 1994, с. 362, 366; Пермьков, 2010, с. 241–249], а также близ п. Ермаково в бассейне Тромъёгана, правого притока Оби (разведки Н.Г. Смирнова, В.М. Морозова, А.А. Нифонтова). На Самаровой горе близ устья Иртыша в черте г. Ханты-Мансийска обнаружено и впоследствии прощурфовано разрушенное карымское городище — поселение Горное II (разведка О.В. Малоземовой и А.П. Зыкова, раскопки Е.А. Зайцевой) [Зайцева, 2007].

О многослойном городище Ус-Толт в бассейне Юконды, частично вскрытом В.Н. Чернецовым, говорилось выше. Одно карымское жилище и «представительная коллекция карымской посуды» обнаружены омскими археологами во время раскопок Красноярского археологического комплекса на правом берегу Иртыша, близ устья Ишима [Скандаков, Данченко, 1999, с. 160–186, рис. 15, 16; Данченко, Колесникова, 2000, с. 154–172, рис. 8; Грачев и др., 2010]. Также на правобережье Иртыша, на р. Зимовная — правом притоке р. Тара, В.В. Михалев в 1991 г. раскопал

участок городища Усть-Тара 43 с находками фигурно-штампованной и гребенчато-желобковой карымской керамики [Михалев, 2008].

Производственные объекты и площадки. Карымские объекты, связанные с обработкой и, возможно, производством железа (кузны, горны, печи, домницы), зафиксированы на поселениях и за их пределами (на металлургических рабочих площадках). Почти все памятники с такими объектами открыты в бассейнах Конды и Бол. Югана. На Конде они целенаправленно исследовались Н.М. Зиняковым (Ирия II, Полуостров Дальний I и др.) [1997, с. 28–29, рис. 3, 2–4, 6–9], С.Ю. Каменским и Е.А. Жирных (городище Евра 25) [2006, с. 168–173], на Бол. Югане — Ю.П. Чемякиным [Чемякин, 2006; 2011б, с. 472, 476, ил. 7; Чемякин, Борзунов, 2012].

Могильники. Единственный известный карымский могильник Среднего Приобья — Сайгатинский VI — исследовался в разные годы Л.М. Тереховой (1989–1990 гг.), Г.А. Степановой (1990 г.) и К.Г. Карачаровым (1990, 1998, 2001–2004, 2007 гг.). Он представлял собой небольшую часть территории и могил обширного некрополя с многочисленными разновременными грунтовыми погребениями IV–XI вв. [Терехова, Карачаров, 1994, с. 279, рис. 42, 1; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–43, рис. 14, 8; 2002, с. 35, рис. 14, 18; Стефанова, Борзунов, 2002, с. 53, 54, 67; Карачаров, 2003, с. 261; Карачаров, Носкова, 2007]. Остальные погребальные памятники с карымской керамикой сосредоточены на южной кромке леса. Козловский могильник, состоявший из грунтовых захоронений и курганов, расположен в Нижнем Притоболье, на южном берегу Андреевского озера. Памятник изучался В.Н. Чернецовым в 1950, 1955–1956 гг., в 1959–1960 гг. — С.В. Зотовой. Одно или два погребения случайно обнаружены в 1967–1968 гг. В.Т. Ковалевой (Юровской) при раскопках неолитической стоянки. Позднее И.В. Усачева сняла инструментальный план некрополя [Усачева, А–2005]. В 2008 г. работы на памятнике продолжила Н.П. Матвеева [Чернецов, 1957, с. 162, 164–166; Золотарева, 1957, с. 246–249; Юровская, А–1969, с. 17–24; Матвеева, 2008]. Сравнительно неподалеку от него, на оз. Ипкуль, Л.Н. Корякова в 1984–1985 гг. исследовала позднесаргатский Ипкульский курганный могильник, в нескольких насыпях и погребениях которого найдена фигурно-штампованная карымская посуда [Корякова, 1988, с. 46–58, 84–89, 131–134, рис. 3, 1; Корякова и др., 1988, с. 126]. Два курганных карымских могильника (Усть-Тара VII, Красноярка IV) и одиночное захоронение с карымским сосудом (Красноярский археологический комплекс) раскопаны омскими археологами в 1990–1994 и 2009 гг. в среднем течении Иртыша [Скандаков, Данченко, 1999; Грачев и др., 2010, с. 239–240].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Викторова В.Д. Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: (Опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 127.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Прилож. к дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 89.

Кардаш О.В. Отчет о НИР: Археологическое обследование профилей сейсморазведки в окрестностях озера Сорновое, Восточно-Салымское месторождение, 1995 год. Нефтеюганск, 1996 // Архив НПО «Северная археология-1».

Мызников С.А. Отчет о НИР: Историко-культурное обследование земельных участков, испрашиваемых к отводу под объекты обустройства Киняминского, Угутского и Среднеугутского месторождений НГДУ «Майскнефть» в Сургутском районе ХМАО, проведенное летом 2003 года. Нефтеюганск, 2004 // Архив НПО «Северная археология-1».

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Сургутском и Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Т. 1: Отчет об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Екатеринбург, 1995 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 565.

Степанова Г.А. Отчет о стационарных полевых исследованиях памятников: городища Барсов городок II/10 и Кучиминского селища 1 Сургутского района Тюменской области в 1990 г. Екатеринбург, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15288; Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 486.

Усачева И.В. Отчет об археологической разведке по южному и юго-восточному берегам Андреевского озера в Тюменском районе Тюменской области в 2005 г. // Архив ЛА ИПОС СО РАН. 23/1.

Юровская В.Т. Отчет о работе на Козловой переезде (Андреевское озеро близ г. Тюмени). 1969 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 67.

Литература

- Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.
- Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV — новый памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 137–163.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.
- Борзунов В.А., Стефанова Н.К. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой Горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: РИО СурГПИ, 2001. С. 96–109.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: Итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 68–108.
- Викторова В.Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 254–270.
- Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище и костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. Вып. 3. С. 136–152.
- Говейлер Т.А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволж. археол. студ. конф. Пермь, 2007. С. 187–190.
- Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург, 2010. С. 239–240.
- Данченко Е.М., Колесникова И.М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. Вып. 4. С. 154–172.
- Ермоленко А.В. Новые археологические памятники на р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 284–285.
- Зайцева Е.А. История археологических исследований г. Ханты-Мансийска и некоторые результаты рекогносцировочных работ на поселении Горное II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. Вып. 4. С. 178–184.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.
- Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. 1957. № 58. С. 247–250.
- Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 332–335.
- Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006а. С. 109–124.
- Зыков А.П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов. Екатеринбург: Волот, 2006б. С. 33–58.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Изучение комплекса памятников Большая Умытья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 327–331.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН: УрГУ, 1993. С. 65–66.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суровень Д.А. Древняя история // Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. С. 33–70.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Колмогоров П.А. Средневековый комплекс городища Усть-Утяк 1: Интерпретация и хронология // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 68–74.
- Каменский С.Ю. Разведка в окрестностях г. Урай и р. Евра в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 386–392.
- Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
- Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // МАЕСВ. Сыктывкар: Изд-во Коми ФАН СССР, 1962. Вып. 1. С. 103–144.

- Карачаров К.Г.* Исследования на VI Сайгатинском могильнике в Сургутском районе // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 261.
- Карачаров К.Г.* Возпайская археологическая культура // УИВ. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. № 14. С. 135–149.
- Карачаров К.Г.* Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 82–110.
- Карачаров К.Г., Морозов В.М., Шатунов Н.В.* О натуральных экспертных работах в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 430–435.
- Карачаров К.Г., Носкова Л.В.* Исследования в Нижневартовском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 179–184.
- Карачаров К., Носкова Л.* Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.
- Кокшаров С.Ф., Зыков А.П.* Железный век тайги // Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: Волот, 1995. С. 13–34.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю.* Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 117–129.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 155–158.
- Михалев В.В.* Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 223–224.
- Морозов В.М.* Раннее средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 342–373.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
- Носкова А.В.* Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 331–339.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // МИА. 1969. № 169. С. 156–167.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Студия «Графо», 2006. 352 с.
- Пермяков В.А.* История изучения археологических памятников в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 241–248.
- Посредников В.А., Кирюшин Ю.Ф.* Разведка на реках Вах и Васюган // АО 1969. М.: Наука, 1970. С. 207–208.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Под общ. ред. Л.Н. Коряковой. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.*
- Стефанов В.И.* Могильник Моховая XLVI — позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 164–211.
- Стефанова Н.К., Борзунов В.А.* Археология таежного Обь-Иртышья: (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург: Академкнига, 2002. 136 с.
- Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.*
- Терехова Л.М., Карачаров К.Г.* Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 277–289.
- Труфанов А.Я., Бочкарев Д.В., Гусев С.А.* Историко-культурная экспертиза на территориях первичного освоения ОАО «Сургутнефтегаз» // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 286–290.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Фефилова Т.Ю.* История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 283–295.

Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория...

Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П. Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Колесо, 2008. Вып. 6. С. 177–186.

Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 229–248.

Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus: Археологические изыскания. СПб.: Фарн, 1993. Вып. 10. С. 19–27.

Чемякин Ю.П. Исследования в окрестностях поселка Угут Сургутского района // Сургут в отечественной истории. Сургут: Изд-во СурГУ, 2001а. С. 24–26.

Чемякин Ю.П. Раскопки городища в Сургутском районе Тюменской области // АО 2000. М.: Наука, 2001б. С. 262–263.

Чемякин Ю.П. Раскопки в окрестностях поселка Угут // АО 2001. М.: Наука, 2002. С. 488–489.

Чемякин Ю.П. Городище Сартым-Урий XVIII: Предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003а. Вып. 1. С. 38–76.

Чемякин Ю.П. Раскопки селища Сартым-Урий XVII на р. Большой Юган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003б. Вып. 1. С. 253–255.

Чемякин Ю.П. Охранные работы в окрестностях поселка Угут // АО 2002. М.: Наука, 2003в. С. 431–432.

Чемякин Ю.П. Памятники карымского времени в окрестностях с. Угут // Бахлыковские чтения-2003. Сургут: Сургут. тип., 2003. С. 33–44.

Чемякин Ю.П. Охранные исследования средневековых памятников в окрестностях поселка Угут // АО 2004. М.: Наука, 2005. С. 501–503.

Чемякин Ю.П. Раннесредневековые кузны на севере Западной Сибири // Производственные центры: Источники, «дороги», ареал распространения. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 207–213.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008а. 224 с.

Чемякин Ю.П. Бронзовая металлопластика из раннесредневековых памятников в бассейне Большого Югана // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008б. Т. 3. С. 78–81.

Чемякин Ю.П. Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008в. С. 219–223.

Чемякин Ю.П. Древнейшие кузны в таежном Приобье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. 2. С. 110–111.

Чемякин Ю.П. Работы на селище Сартым-урий 16 в окрестностях Сургута // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011б. Вып. 9. С. 467–481.

Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 291–339.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: Археологическая карта. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2004. 208 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чемякин Ю.П., Морозов В.М. Охранные раскопки Сургутской экспедиции // АО 2005. М.: Наука, 2006. С. 528–530.

Чемякин Ю.П., Некрасов А.Е. Материалы по рыболовству раннесредневекового населения бассейна Средней Оби // Этноистория и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИргТУ, 2007. С. 198–201.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 5. С. 111–121.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Исследования средневековых памятников в окрестностях поселка Угут // АО 2006. М.: Наука, 2009. С. 672–673.

Чернецов В.Н. Зеленая Горка близ Салехарда // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 67–74.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 181 с.

Чиндина Л.А., Балакин Ю.В. Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 45–64.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т. 1. 340 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. Об основаниях абсолютной датировки некоторых типов художественной металлопластики из памятников Нижней Оби // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 58–69.

Яковлев Я.А. Селище Егур-Ях 4 — новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 185–204.

Яковлев Я.А., Кондрашёв А.Н. Первое обследование объектов историко-культурного наследия в бассейне р. Назыма // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 4. С. 38–82.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@usu.ru
yury-che@yandex.ru

The article describes a brief history of identification and revision of the contents regarding the Karym stage in development of taiga communities in West Siberia. A chronology of the Karym stage being early Middle Ages (IV — early VI cc. A.D., or the border of III–IV — early VI cc. A.D.) The territory of coverage by the Karym sites being western and central parts of the taiga Low Ob basin.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym sites, history of study, chronology, territory of coverage.

НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АЙГИНСКОЕ VIII)

А.В. Гордиенко

Публикуются в полном объеме материалы раскопок поселения Айгинское VIII. Материалы относятся к III в. н.э. и характеризуют культурно-историческую ситуацию в Нижнем Притоболье в эпоху Великого переселения народов. Установлено, что основу населения на Айгинском VIII составляли потомки носителей керамики саровского типа, получившего в Нижнем Притоболье наименование ярсалинского типа. Данные раскопок подтверждают положение о проникновении в лесостепную полосу в начале I тыс. н.э. населения с севера Западной Сибири.

Нижнее Притоболье, поселение Айгинское VIII, первая половина I тыс. н.э., керамика саровского типа, керамика ярсалинского типа.

Введение

Поселение Айгинское VIII открыто в 2005 г. Расположено в Тюменском р-не Тюменской обл., на левобережье р. Туры. Памятник занимает юго-западную оконечность высокого, до 15 м, крутого мыса левого берега р. Айга (вытекает из оз. Айгинского и впадает в Туру). Находится в 39,5 км к востоку от г. Тюмени, на западной окраине д. Щербак. Поселение не имеет рельефных признаков объектов, его границы зафиксированы по осыпи культурного слоя, приблизительные размеры памятника 80х20 м. В 2009 г. осуществлены раскопки площадью 60 м² (15х4 м) (рис. 1).

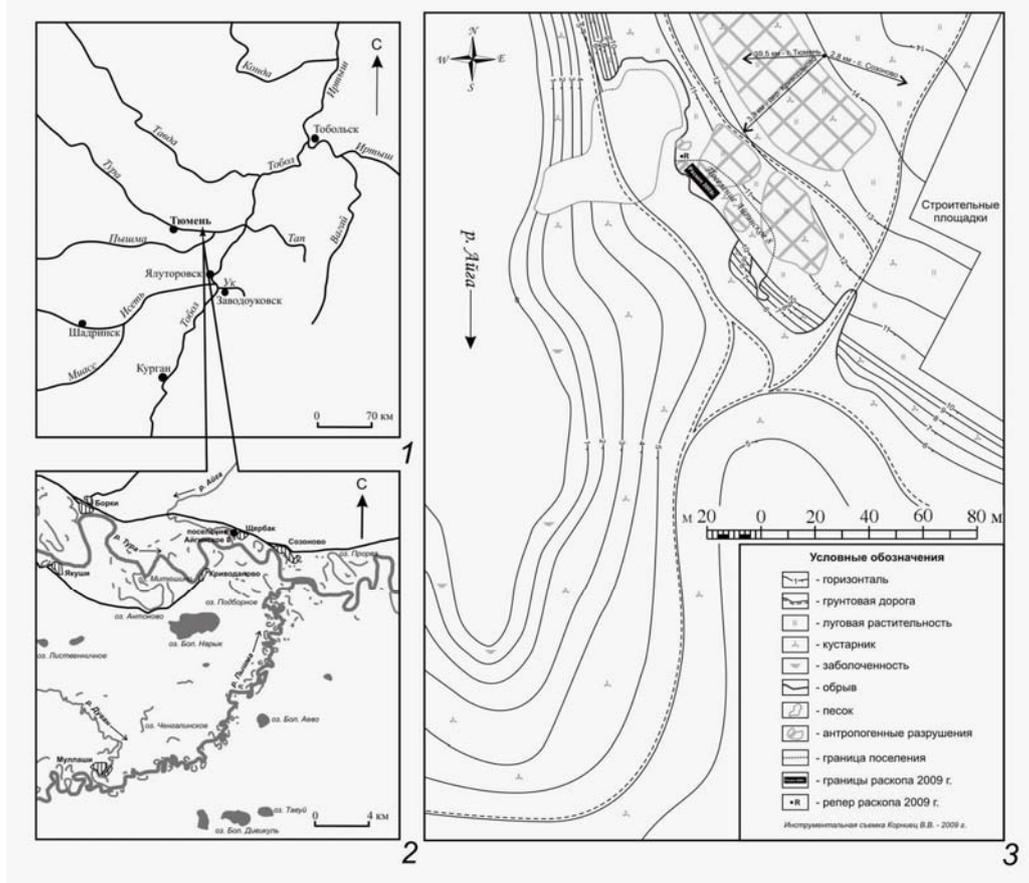

Рис. 1. Административно-территориальное расположение поселения Айгинское VIII

Как отмечено выше, место, на котором расположено поселение Айгинское VIII, представляет собой высокий и сухой мыс, расположенный некогда при слиянии рек Туры и Айгинской (сейчас озеро), вследствие этого заселялся он неоднократно. Так, в нескольких десятках метров от места раскопок найдено несколько фрагментов энеолитической керамики, в раскопе обнаружен развал сосуда переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (иткульская культура), встречена керамика раннего железного века (баитовская культура) и средневековья, но основной комплекс представлен находками переходного периода от раннего железного века к средневековью — ярсалинского времени.

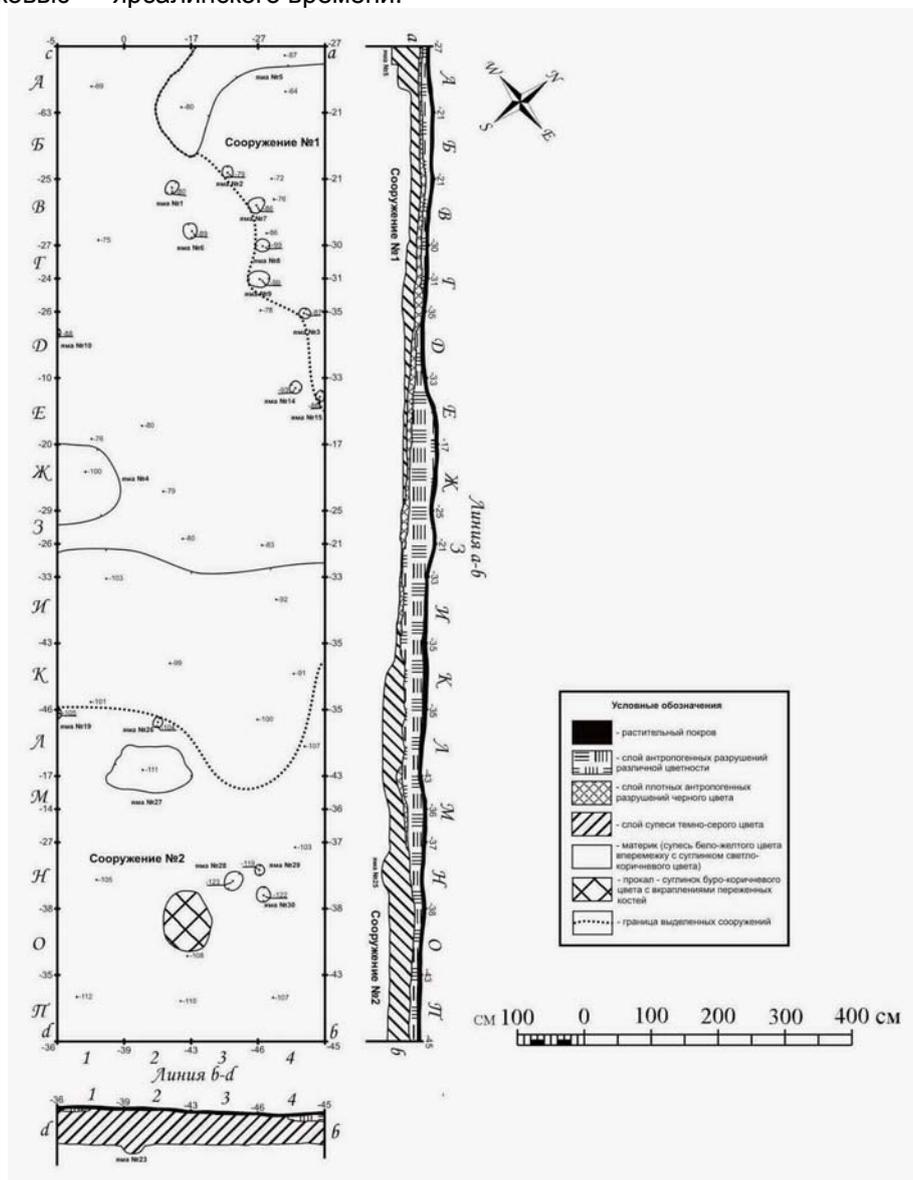

Рис. 2. Стратиграфия и планиграфия поселения Айгинское VIII

Стратиграфия и планиграфия

Стратиграфия раскопа следующая (рис. 2): 1) растительный покров мощностью 0,01–0,16 м; переотложенный растительный покров мощностью 0,01–0,20 м, фиксируется только в секторе 1, в кв. А/1–3, является, по-видимому, бульдозерным сгребом; 2) антропогенные разрушения различной цветности мощностью 0,03–0,43 м, фиксируются на всех стенках раскопа и профилях бровок; также антропогенные разрушения, но более плотной вязкой структуры, черного цвета (битум, рубероид?), фиксируются в виде аморфных пятен и линз на 1 и 2 условных горизонтах у северо-восточной стенки раскопа, мощность 0,01–0,15 м; 3) культурный слой — представлен

супесями нескольких оттенков. Супесь темно-серого цвета, мощностью 0,04–0,57 м, является основным заполнением сооружений № 1, 2, межжилищного пространства, а также заполнением ям № 5, 8–27, фиксируется на всех стенках раскопа и профилях бровок. Супесь светло-серого цвета, мощностью 0,03–0,26 м, фиксируется только в секторе 1, в виде аморфного пятна, вытянутого вдоль юго-западной стенки раскопа; является, возможно, заполнением еще одного сооружения данного поселения. Супесь черно-серого цвета, составляет заполнение ям № 1–4, 6, 7; 4) материк — представлен супестью бело-желтого цвета с выходами суглинка светло-коричневого цвета.

Рис. 3. Индивидуальные находки поселения Айгинское VIII:

1–3 — ложила; 4 — фрагмент изделия; 5, 9 — пряслица; 6–8, 10, 11 — фрагменты фигурок; 12, 13, 39 — камни со следами обработки/использования; 14 — ложечка (?); 15–18 — пластинки; 19, 20 — фрагменты изделий; 21, 27, 30, 34, 35 — фрагменты изделий; 22, 40–42 — наконечники стрел; 23, 24 — сплески (?); 25 — бусина; 26 — фрагмент клинка; 28, 33, 36 — фрагменты полукруглой в сечении полоски; 29, 31 — обкладки-зажимы ножен клинка (?); 32 — рыболовный крючок; 37 — заготовка клинка (?); 38 — клин; 1–11 — глина; 12, 13, 38, 39 — камень; 14 — кость; 15–20, 22–24 — бронза; 21, 26–37, 40–42 — железо; 25 — стекловидная паста

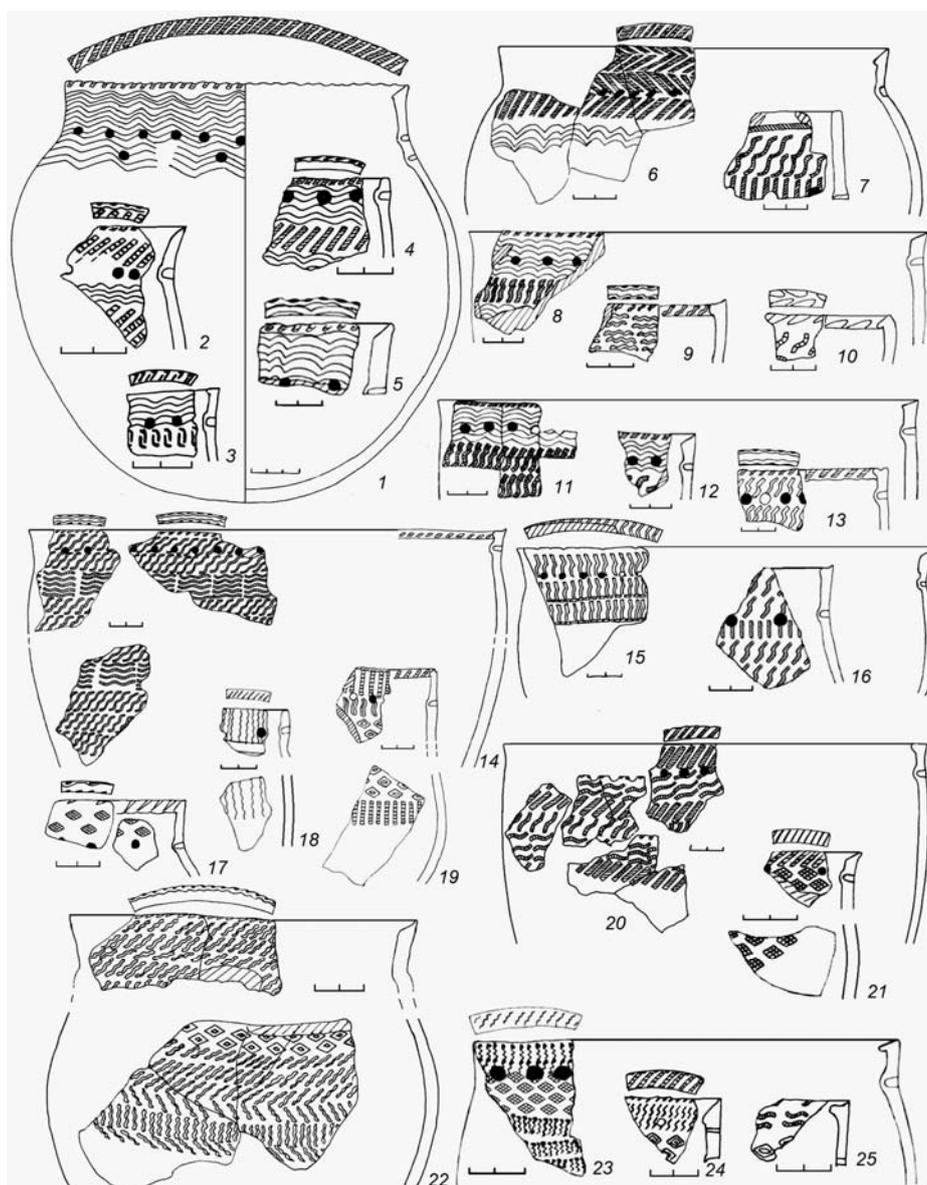

Рис. 4. Керамика с фигурно-штамповым орнаментом поселения Айгинское VIII

В результате исследований выявлены очертания двух сооружений (жилищ).

Сооружение № 1. Очертания проходят по границе ямы № 5 (скорее всего, хозяйственная), далее по крайним границам ям № 2, 7–9, 3 15 и уходят в северо-восточную стенку раскопа. Площадь исследованной части составляет 13,75 м², остатки котлована углублены в материк на 0,05–0,23 м, стенки пологие. Вне сооружения № 1 расположены столбовые ямы № 1, 6, 14, являющиеся, видимо, следами внешних подпорок.

Сооружение № 2. Выявлено по крайним границам ям № 19, 26. Также уходит в северо-восточную стенку раскопа. Внутри сооружения располагается яма № 27, имеющая, вероятно, хозяйственное назначение, а также прокол, представляющий собой пятно овальной формы (размерами 0,9×0,73 м, мощностью 0,03–0,1 м): заполнен суглинком буро-коричневого цвета с вкраплениями кальцинированных костей. В непосредственной близости от прокола треугольником расположены три ямки (№ 28–30), заполненные супесью темно-коричневого цвета с обломками кальцинированных костей (возможно, хозяйственно-производственного назначения). Площадь исследованной части составляет 21,3 м², остатки котлована углублены в материк на 0,03–0,12 м, стенки пологие.

В межжилищном пространстве, у юго-западной стенки раскопа, исследована яма № 4 (размерами 1,45–0,95 м, мощностью 0,35 м), заполнение — супесь черно-серого цвета. Яма достаточно сильно насыщена обломками разных керамических сосудов и имеет, видимо, хозяйственное назначение.

Оба выявленных сооружения исследованы не полностью, это не позволяет реконструировать их площадь и особенности архитектуры, но, по-видимому, они представляли собой слабо углубленные каркасно-столбовые конструкции.

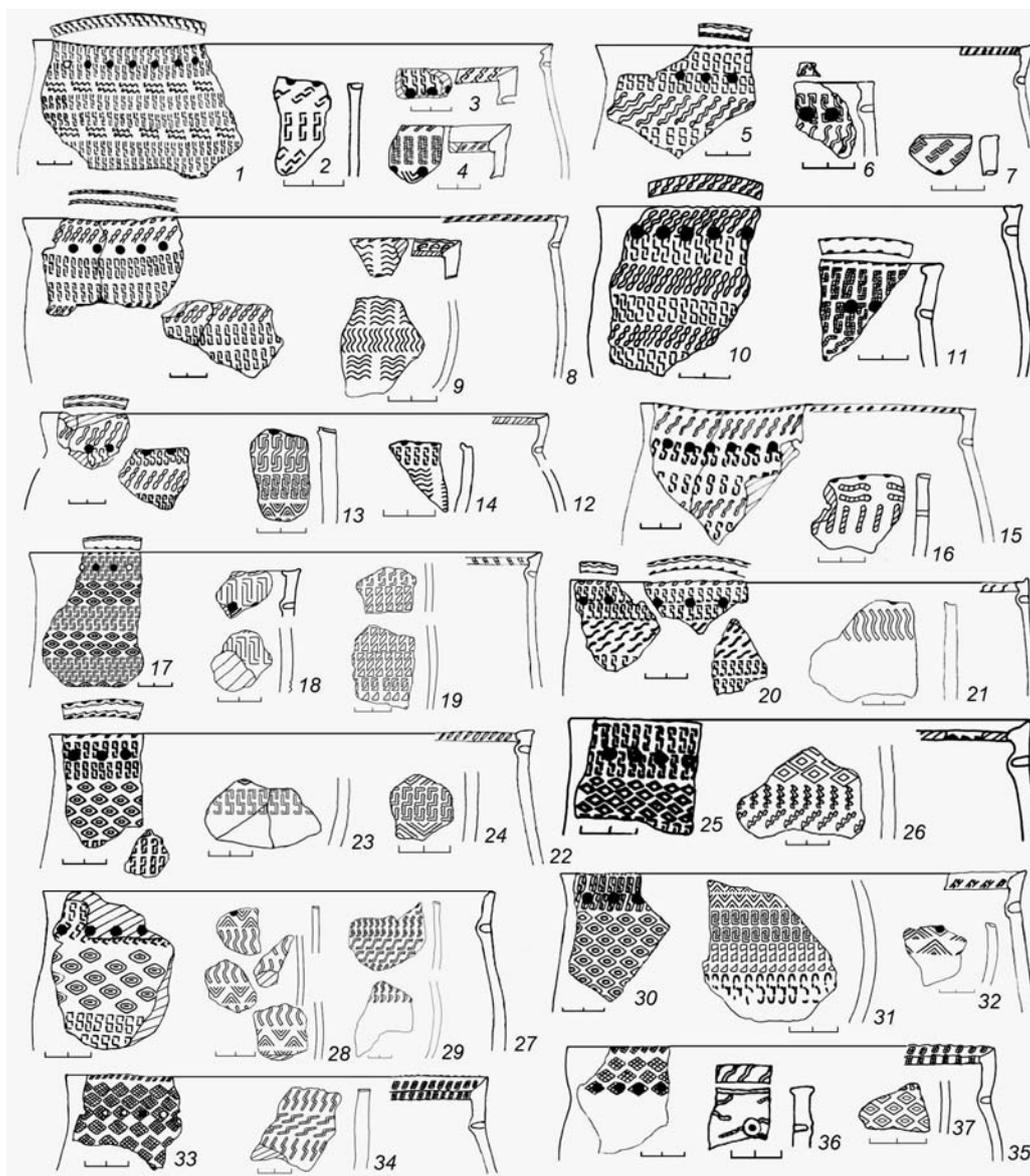

Рис. 5. Керамика с фигурно-штамповым орнаментом поселения Айгинское VIII

Описание и анализ материала

В результате раскопок поселения Айгинское VIII получена коллекция, насчитывающая более 4500 ед. находок. Индивидуальные находки, насчитывающие 42 экз. (изделия из железа, бронзы, камня, глины, стекла, кости), публикуются все без исключения (рис. 3). Большую часть массового материала составляет керамика (рис. 4–8). В данной работе полностью публикуются ярсалинские материалы (как массовые находки, так и индивидуальные), полученные в итоге раскопок 2009 г.

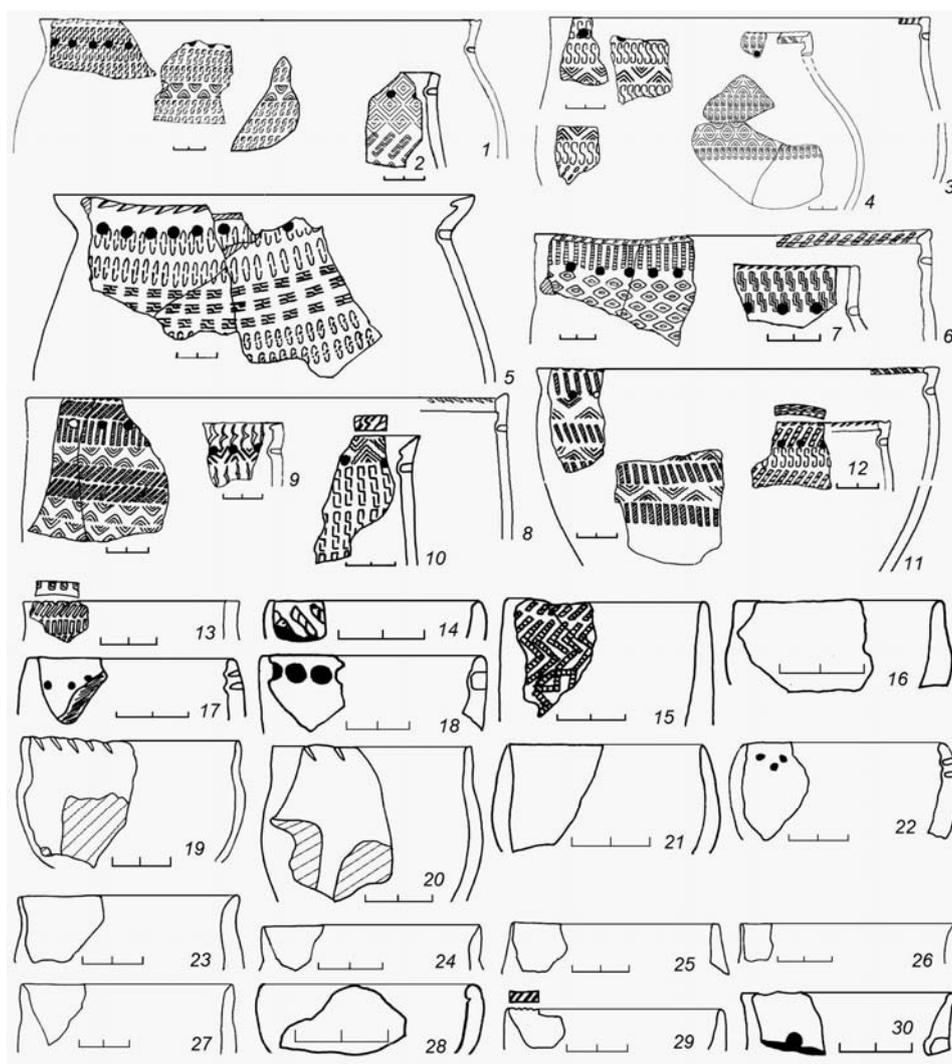

Рис. 6. Керамика с фигурно-штамповым орнаментом и «миниатюрная» поселения Айгинское VIII

Основная группа керамики представлена 124 сосудами, среди которых по особенностям орнаментации выделяются имеющие фигурно-штамповый декор (52 шт.) (рис. 4; 5; 6, 1–12), только гребенчатый (22 шт.) (рис. 7) и украшенные отпечатками гладкого штампа и/или защипами пальцев по сторонам среза венчика (50 шт.) (рис. 8). По форме это в основном средне- и слабопрофилированные горшковидные сосуды с небольшим прямым венчиком, немного меньше керамики с отогнутым венчиком. Все сосуды с хорошо обработанными (заглаженными) стенками (изредка встречаются штрихи-царапины от обработки твердым предметом), две трети имеют в качестве примеси песок, у одной трети прослеживается песок со слюдой, единичны речной камень и шамот. Большинство экземпляров имеют в верхней части шейки пояс круглых ямок, всегда с внутренней стороны образующих жемчужины, иногда приплюснутые. На нескольких сосудах встречен пояс наколов острой палочкой, которые, как и круглые ямки, редко могут дополняться разреженным вторым рядом. Единично присутствует группировка круглых ямок по две, около 10 экз. не имеют ямочного пояса. Большая часть сосудов с фигурными штампами декорирована ниже экватора, меньшая — по плечики, обратная ситуация характерна для гребенчатой посуды, на керамике с отпечатками гладкого штампа и/или защипами пальцев оформлены только стороны венчика. Преобладающий вид оформления венчика — с внешней и внутренней стороны. Около двух третей сосудов имеют скошенный внутрь венчик с нависающим внутрь карнизиком, у одной трети венчик прямой с таким же карнизиком, при этом зачастую вследствие орнаментации внешнего и внутреннего среза венчика образуется сложный «волни-

стый» рельеф, при котором сложно определить первоначальную форму венчика (скошенный или прямой). По размерам сосуда средние — от 11 до 33 см в диаметре по венчику.

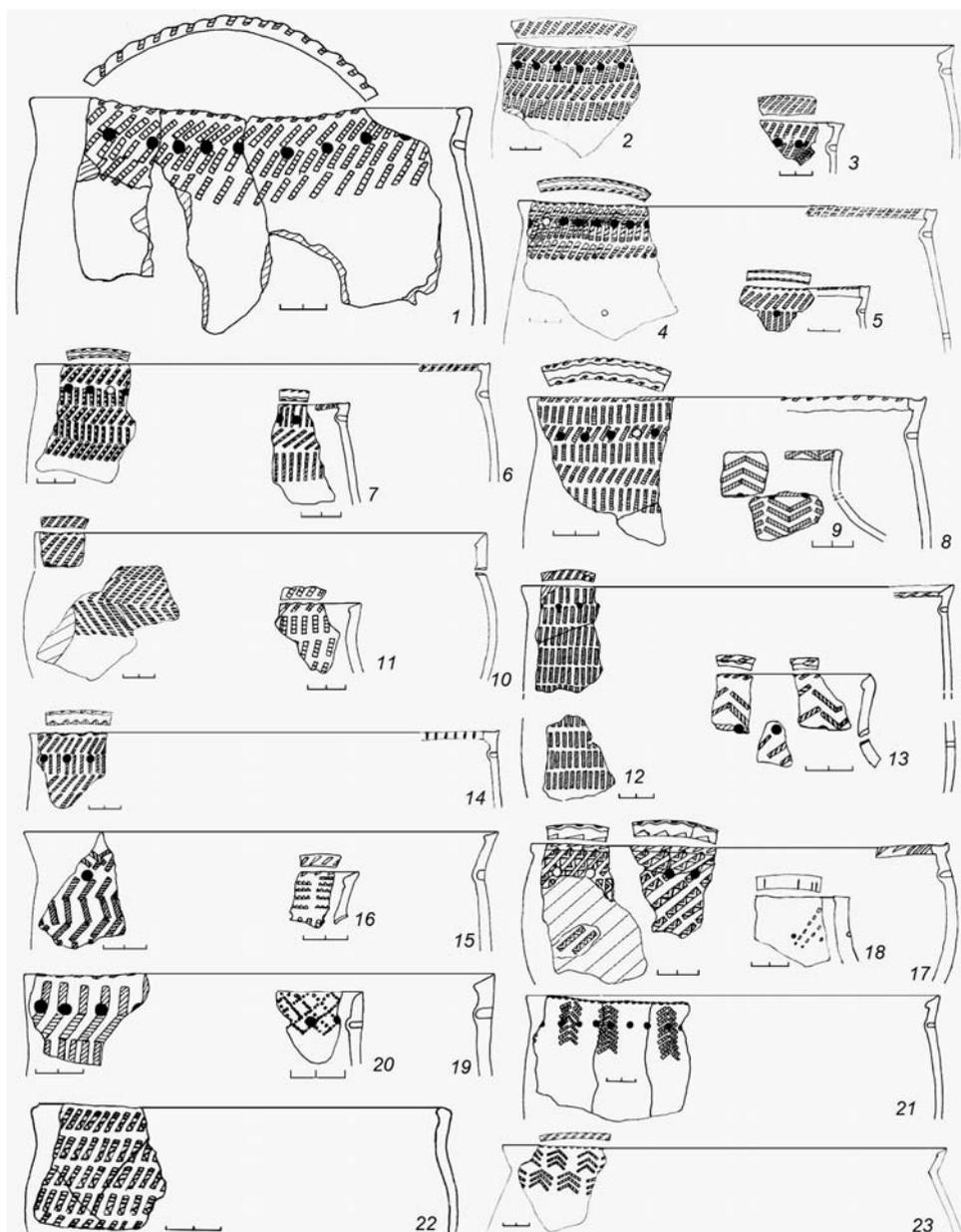

Рис. 7. Керамика с ребенчатым орнаментом поселения Айгинское VIII

Керамика рассмотренного типа широко распространена в лесной полосе Западной Сибири и свое происхождение, как и в данном случае, ведет от саровского типа кулайской культуры, из ареала которой проникла в соседние регионы в результате миграций ее носителей [Чиндина, 1984, с. 92–93]. Связь керамики основной группы поселения Айгинское VIII с саровской подтверждает то, что их можно соотнести между собой без особых затруднений. Так, айгинские сосуды с фигурными штампами соответствуют «классической» саровской 7 группе керамики, а ребенчатые и украшенные отпечатками гладкого штампа и/или защипами пальцев сосуда представлены в 8 группе, которая «известна повсеместно и сопутствует другим группам на протяжении всего существования саровского типа» [Там же, с. 94].

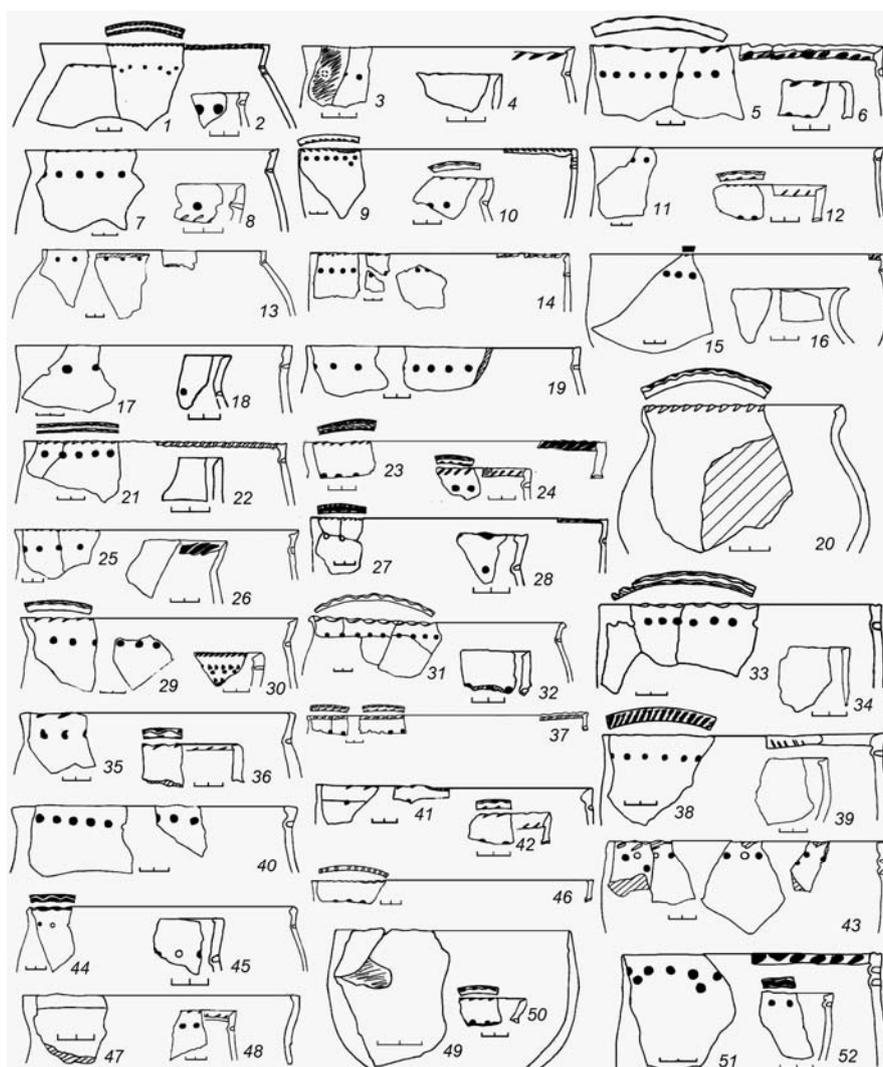

Рис. 8. Керамика с отпечатками гладкого штампа и/или защипами поселения Айгинское VIII

Согласно Л.А. Чиндиной, носители саровской керамики, отделившись от метрополии, в результате длительного существования на большой территории, образовали «локально-хронологические группы» [1984, с. 91], обладающие совокупностью региональных отличий и модификаций, что прослеживается и в данном случае. Так, для саровской керамики характерен высокий процент банок и чаш при небольшом количестве горшков. Но среди сосудов основного комплекса поселения Айгинское VIII преобладают горшковидные при небольшом количестве чаш. Также появляются отогнутые венчики. Отличия прослеживаются и в наборе фигурных штампов. Еще В.Н. Чернецов отметил, что для ярсалинской керамики с городища на Андреевском озере характерно широкое употребление штампов в виде ромба и «змейки» [1957, с. 154], что подтверждается и нашими материалами. Соотношение штампов на сосудах с фигурно-штамповой орнаментацией следующее: трехчленный (48 %), гребенка (44 %), ромб и «уточка» (по 35 %), «змейка» (33 %), уголок (27 %), волна (17 %), двухчленный (13 %), S-видный (6 %), прямоугольный (4 %), четырехчленный (4 %) (рис. 9). Но от саровской айгинская керамика унаследовала «яркий культурно-хронологический показатель» — форму венчика: «В подавляющем большинстве он скошен внутрь или горизонтально уплощен с нависающим внутрь бортиком (карнизиком)» [Чиндина, 1984, с. 90], что можно безоговорочно распространить и на керамику поселения Айгинское VIII.

Еще 18 сосудов комплекса поселения Айгинское VIII — «миниатюрные» горшочки и чашечки (диаметром от 5 до 8 см) (рис. 6, 13–30). Лепились они из одного куска глины, о чем свиде-

тельствуют неровные стенки, характерное утолщение к дну, а также отсутствие отформованных венчиков и технологических загибов. Большая часть миниатюрных сосудов имеет декорировку: на двух нанесены насечки по внешнему краю венчика, на одном — по верхнему срезу, одна пара украшена округлыми ямочками, расположенными треугольником, другая — горизонтальным пояском ямок, два сосуда орнаментированы гребенкой, один — штампом в виде гладкой палочки и отпечатками по верхнему краю венчика. Скорее всего, это группа столовой посуды индивидуального пользования, однако некоторые исследователи интерпретируют такие сосудики как детские игрушки [Корякова и др., 1988, с. 120].

Палеозоологических определений немногочисленного остеологического материала не проводилось, но можно сказать, что обитатели поселения содержали коней, о чем свидетельствуют находки зубов лошади. Железный рыболовный крючок (рис. 3, 32) указывает на индивидуальное рыболовство. Несколько пряслиц (рис. 3, 5, 9) говорят об изготовлении тканей. При обработке шкур и/или изготовлении керамических сосудов использовали лощила — специально выполненные (рис. 3, 3) или из черепков битой посуды (рис. 3, 1, 2). Железодельное производство подтверждается находками кусочков шлака и крицы, заготовок изделий (?) (рис. 3, 37) и готовых предметов. Бронзолитейное дело документируется сплесками (капли застывшей бронзы) (рис. 3, 23, 24). Каменный клин (рис. 3, 38), скорее всего, употреблялся при раскалывании деревьев. В быту применялись костяные ложечки (рис. 3, 14). Бронзовыми пластинками (рис. 3, 15–18), судя по дырочкам и специальным загибам, обкладывали предметы из других материалов (например, дерева). В числе украшений — импортные бусы (рис. 3, 25). В военном деле и/или на охоте использовали железные и бронзовые наконечники стрел (рис. 3, 22, 40–42), клинковое оружие (рис. 3, 26), ножны которого скреплялись железными обоймами (?) (рис. 3, 29, 31). В культоритуальных целях изготавливались глиняные фигурки животных и птиц (рис. 3, 6–8, 10, 11).

Хронология

Основной комплекс керамики находит аналогии в материалах Томско-Нарымского и Сургутского Приобья, где подобная керамика относится к саровскому этапу кулайской культуры (I–III вв. н.э. и II в. до н.э. — V в. н.э. соответственно) [Чиндина, 1984, с. 76–94; Чемякин, 2008, с. 78–94], в Новосибирском Приобье она характерна для памятников фоминского типа (конец I — III в. н.э.) [Троицкая, 1979, с. 49–50], в Барабинской лесостепи распространена в среднеиртышских (II–I вв. до н.э. — I–III вв. н.э.) (сперановских, II–I вв. до н.э. — V–VI вв. н.э.) комплексах [Могильников, 1970; Молодин, Елагин, 1991, с. 98–103], в лесном Зауралье — на памятниках туманского типа (первая половина I тыс. н.э.) [Викторова, 1999, с. 139] и др. В Нижнем Приоболье подобная керамика представлена в сборах с городища на Андреевском озере (II–III вв. н.э.) [Чернецов, 1957, с. 155], материалах раскопок поселения Ипкуль XV (вторая четверть — середина I тыс. н.э.) [Корякова и др., 1988, с. 126] и СБАО I (середина I тыс. н.э.) [Викторова, 1976, с. 88], городища Янычково (первая половина I тыс. н.э.) [Морозов, Панина, 1997, с. 76–78].

Сузить хронологические рамки поселения Айгинское VIII позволяют некоторые датирующие находки. К ним относится бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, представленный фрагментом срединной части (рис. 3, 22). Наконечники такого типа в Западной Сибири существовали в двух вариантах — с выступающей или скрытой втулкой, между которыми, как считал В.Н. Чернецов, нет хронологических различий, и датируются они временем не позднее I в. н.э. [Чернецов, 1953, с. 127]. Л.А. Чиндина считает, что кулайские бронзовые трехлопастные наконечники стрел просуществовали до раннесаровского времени — II в. до н.э. [1978, с. 63–64]. Металлографическое изучение бронзовых наконечников и со скрытыми, и с выступающими втулками из состава Холмогорского «клада», по мнению авторов, «заставляет значительно омолодить период бытования этого типа оружия — до III–V вв.» [Зыков, Федорова, 2001, с. 123].

Еще более конкретизировать датировку позволяет бусина (рис. 3, 25). Она представлена продольной половинкой, позволяющей определить округлую форму, имеет бордовый цвет, декор в виде «цветка» с семью желтыми «лепестками» с черной окантовкой и голубым центром. Подобные экземпляры в Западной Сибири представлены в Холмогорском «кладе», где датируются III–IV в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 114, кат. № 42], на Южном Урале известны в Бирском могильнике, где отнесены ко II–IV вв. н.э. [Мажитов, 1968, табл. 1]. Е.М. Алексеева рассматривает такие бусы в группе со сложным орнаментом (растительным и ресничковым) и отмечает, что они становятся популярными в позднеиримское время, приобретая «во II–IV вв. ... бесчисленное множество вариаций» [1982, с. 37]. Таким образом, датировка бусины с поселе-

ния Айгинское VIII охватывает период II–IV вв., однако некоторые ее особенности позволяют еще более сузить датировку. По мнению Е.М. Алексеевой, «к III в. ... сложные орнаменты распространились на округлые бусы с технологическим ядром. Исполнение стало более небрежным: узор искривляется, технологическое ядро часто проступает наружу. Эта особенность позднееримских мозаичных бус впоследствии перейдет и на средневековые сложноорнаментированные бусы» [Там же]. Все эти особенности прослеживаются и на рассматриваемом экземпляре — бусина округлой формы, с искривленным узором и выпирающим технологическим ядром. То есть сама бусина представляет собой переходную форму и характеризует переходное время от эпохи раннего железного века к средневековью. На основе вышесказанного можно с уверенностью определить верхнюю хронологическую границу памятника III в. н.э.

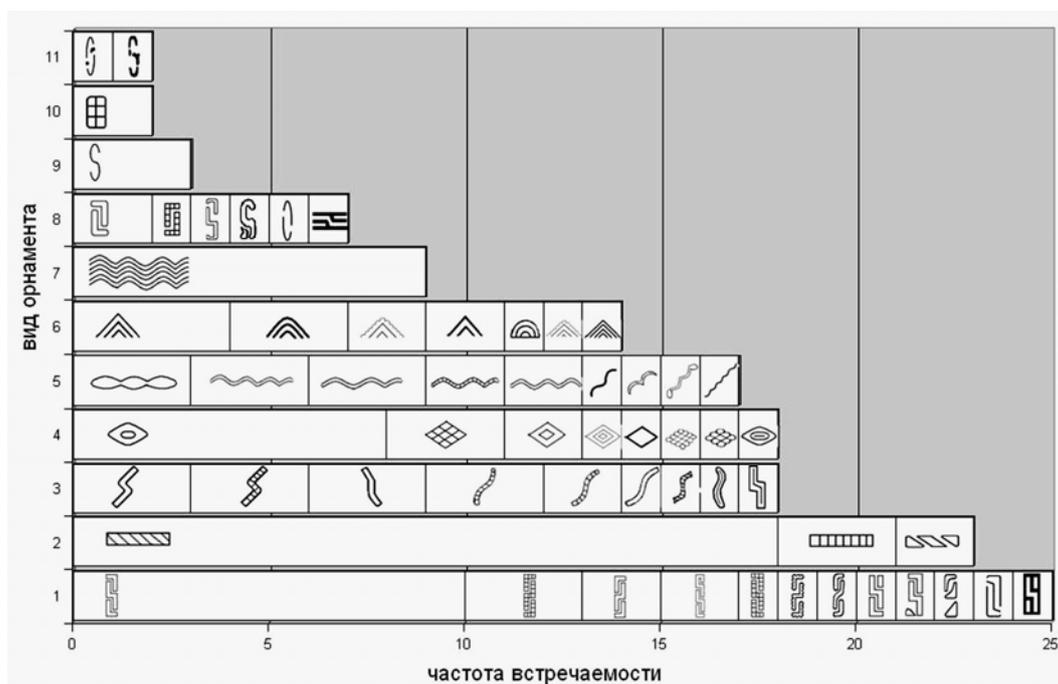

Рис. 9. Соотношение штампов на сосудах с фигурно-штамповой орнаментацией поселения Айгинское VIII

При анализе орнаментации основного керамического комплекса поселения Айгинское VIII также можно отметить некоторые хронологические особенности, способствующие датировке.

В.Н. Чернецов, рассматривая ярсалинскую керамику со Словцовского городища, отмечал, что наличие на ней широкого пояaska ромбических штампов является «признаком хронологическим», характерным для «позднейших памятников в пределах ярсалинского этапа» [1957, с. 154]. И действительно, этот прием орнаментации считается определяющим для последующей, карымской керамики (IV–VI вв.) [Федорова и др., 1991, с. 131–133, рис. 2, А, 3–10; Карачаров, 2002, с. 45–48, рис. 14, 1; Зыков, 2006, с. 113–114]. Следовательно, чем чаще поясок ромбических штампов встречается на ярсалинской посуде, тем она хронологически ближе к началу карымского времени (IV в.). На керамике поселения Айгинское VIII отпечатки ромба по «популярности» на третьем месте и составляют 35 % в орнаментации фигурно-штамповой керамики, встречаясь в восьми вариантах (рис. 9).

Преобладающим видом оттиска на фигурно-штамповой керамике поселения Айгинское VIII является трехчленный, который присутствует почти на половине сосудов этой группы (48 %). Как отмечает В.Н. Чернецов, «верхний предел существования этого орнамента — III в. н.э.» и «в памятниках, которые можно отнести к IV в. н.э., керамики, орнаментированной трехчленным штампом, уже нет» [1957, с. 156]. Также на карымском этапе исчезают «змейки» и «уточки» [Там же, с. 146], столь широко представленные на айгинской керамике (рис. 9). Эти особенности позволяют определить нижнюю хронологическую границу III в. н.э.

Таким образом, индивидуальные находки и особенности керамического комплекса указывают на то, что, наиболее вероятно, поселение Айгинское VIII функционировало в III в. н.э.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что основу населения на Айгинском VIII составляли потомки носителей керамики саровского типа, получившего в Нижнем Приоболье наименование ярсалинского типа. Местный компонент, связанный с предшествующими культурами раннего железного века, не прослеживается. Материалы раскопок подтверждают положение об инфильтрации в лесостепную полосу в начале I тыс. н.э. населения с севера Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г 1-12. 185 с.
- Викторова В.Д. Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского оз. у г. Тюмени // ВАП. Тюмень. 1976. С. 63–88.
- Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище, костыще // Охранные исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 126–153.
- Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленар. докл. II Сев. археол. конгр., 24 сент. 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 109–124.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Карачаров К.Г. Средневековье: (Поздний железный век) // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу): Науч.-ист. очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 44–65.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 117–129.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. 164 с.
- Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 181–185.
- Молодин В.И., Елагин В.С. Бараба в начале I тыс. н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Морозов В.М., Панина С.Н. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 76–90.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю.П. Барсова гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35. С. 121–176.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э.: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.
- Чиндина Л.А. Кулайская культура в Нарымском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 59–65.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

Тюменская государственная академия культуры,
искусств и социальных технологий
gordienko_a_v@mail.ru

The article cites a complete publication of materials regarding excavations of the Ajga VIII settlement. The materials refer to III c. A.D., describing a cultural and historical situation in the Low Tobol basin during the Great migration. As a result, it was established that the basis of the population in the Ajga VIII was constituted by descendants of bearers of Sarov type pottery, named as Yar-sale type in the Low Tobol basin. The excavation materials confirm penetration of population from the north of West Siberia into a forest steppe stripe in early I millennium A.D.

Low Tobol basin, the Ajga VIII settlement, first half of I millennium A.D., pottery of Sarov type, pottery of Yar-sale type.

АНТРОПОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ О МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА УСТЮГ-1)¹

С.М. Слепченко*, О.Е. Пошехонова**, С.Н. Скочина***

Предпринята попытка показать степень медицинских знаний и уровень хирургического опыта у раннесредневекового населения Притоболжья. В одном из погребений могильника Устюг-1 (IV–VI вв. н.э.), относящегося к бакальской культуре, обнаружены останки ребенка 8–10 лет с признаками преднамеренной деформации черепа, преждевременной облитерацией сагиттального шва и трепанационным отверстием на левой теменной кости. Данное сочетание указывает на применение трепанации с целью излечения либо облегчения состояния ребенка, возможно страдавшего длительными головными болями, генерализованными судорожными припадками и психическими нарушениями. Это наблюдение свидетельствует о значительных медицинских знаниях, наличии инструментария и хирургического опыта у средневековых сибирских целителей или шаманов.

Западная Сибирь, раннее средневековье, медицинские знания, палеопатология, краниосиностоз, краниостеноз, искусственная деформация черепа, трепанация.

Палеоантропологический материал является ценным источником информации, позволяющим не только характеризовать расово-генетическую принадлежность, демографические показатели населения и физическое развитие древних людей, но и реконструировать некоторые аспекты их медицинских знаний. Об этом может свидетельствовать, например, анализ скелета ребенка из раннесредневекового погребения могильника Устюг-1, датированного IV–VI вв. н.э. и относящегося к бакальской культуре. Могильник Устюг-1, расположенный в среднем течении р. Тобола, на территории Заводоуковского р-на Тюменской обл., исследован Н.П. Матвеевой в 2009–2012 гг. [2012]. В процессе раскопок было изучено 19 курганов. Погребения располагались как под насыпями, так и в межкурганном пространстве. Основная часть их датируется ранне-средневековым временем, единичные погребения относятся к эпохе энеолита, бронзовому и раннему железному векам. Всего установлено наличие 30 погребенных, включая разрозненные останки из разрушенных могил, из них 5 — женщины, 9 — подростки и дети, 6 — мужчины, пол остальных 10 взрослых не определен, что требует дальнейших исследований. Черепа большинства погребенных, независимо от пола и возраста, искусственно деформированы (следы деформации зафиксированы на 15 из 20 исследованных черепных коробок).

Из большого объема палеоантропологического материала привлек внимание череп ребенка, умершего в возрасте 8–10 лет (возраст смерти определен по уровню формирования зубной системы [Ubelaker, 1978]), из первого погребения кургана № 1, который представлен отдельными деформированными костями (рис. 1). Это безынвентарное погребение, в котором захоронено два человека (мужчина и ребенок, оба с искусственно деформированными черепами), было введено в полу кургана [Матвеева, 2012]. Деформация у ребенка носит прижизненный и посмертный характер. Прижизненная связана, во-первых, с намеренными действиями, проведенными с целью придания голове ребенка особой формы (искусственная деформация); в результате черепная коробка несколько удлинилась, лоб оказался скошен назад, задние части теменных костей и верхняя часть чешуи затылочной кости незначительно уплотились. В области венечного шва фиксируется предвенечный валик и позадивенечное вдавление. Отмечается достаточно выпуклая надбровная область, над которой проходит вдавление, направленное ко-со справа налево, сверху вниз (след деформирующей повязки?). По классификации Е.В. Жиро-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.», грантов РФФИ 12-01-00329 и РФФИ 13-06-00158.

К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья...

ва [1940] такая деформация относится к кольцевой (циркулярной) конической разновидности. Во-вторых, прижизненные деформационные изменения обусловлены заболеванием — краниосиностозом, при котором черепная коробка приобрела так называемую ладьевидную, суженную в поперечном направлении форму (скафоцефалия).

Обращает на себя внимание значительно измененная лобная кость ребенка: она тонкая, местами ее толщина не превышает 1 мм (рис. 1). Отмечается несколько отверстий на лобной кости, возникших в связи с посмертным разрушением (вероятно, в этих участках кость была еще тоньше). В норме толщина лобной кости черепа для детей в возрасте 8–10 лет в среднем составляет от 3 до 7 мм [Коваль и др., 2012]. У ребенка из погребения № 1 кургана № 1 этот показатель значительно ниже: ее толщина колеблется от 0,5 до 4 мм. Такое истончение кости предполагает значительное давление на нее со стороны эндокрана. Толщина остальных костей черепной коробки не больше 5 мм.

Рис. 1. Череп ребенка из погребения № 1 кургана № 1 могильника Устюг-1 (профиль, анфас)

Выявлена также полная облитерация стреловидного шва черепа (рис. 2), что обычно происходит только в зрелом возрасте [Зайченко и др., 2011]. Данная патология называется краниосиностоз — это преждевременное срастание одного или нескольких швов черепа, приводящее к формированию характерной деформации [Лопатин, Ясонов, http://www.cfsmed.ru/is_synostos.pdf].

Рис. 2. Теменные кости ребенка из погребения № 1 кургана № 1 могильника Устюг-1. Заросший сагиттальный шов (со стороны эндокрана и снаружи).

По классификации краниосиностозов, предложенной М. Cohen [1986], преждевременная облитерация стреловидного шва (скафоцефалия) у индивидуума из погребения № 1 относится к несиндромальным изолированным моносиностозам. Краниосиностоз — этиологически гетерогенное заболевание, причинами которого могут быть внутриутробные, гормональные, наследственные нарушения, механическая компрессия головы плода в матке и т.д. [Лопатин, Ясонов, http://www.cfsmed.ru/is_synostos.pdf].

Преждевременной облитерации возможно также добиться и искусственным ограничением роста в области швов черепа, что было доказано экспериментально. Исследование на кроликах показало, что искусственная иммобилизация костей черепа по обе стороны шва приводит к преждевременной его облитерации, при этом формируются деформации черепа как при краниосиностозе [Persing et al., 1986].

Следуя теории Р. Вирхова, до сих пор не потерявшей актуальности, при краниосиностозе того или иного шва компенсаторный рост черепа продолжается в перпендикулярном направлении, а его ограничение отмечается в направлении, параллельном оси шва [Virchow, 1852]. Таким образом, при синостозе сагиттального шва дальнейший рост костей черепа происходит за счет коронального и лямбдовидного швов, что приводит к образованию лобной и затылочной выпуклостей с формированием так называемого седловидного черепа, или «деформации Вирхова» (рис. 3).

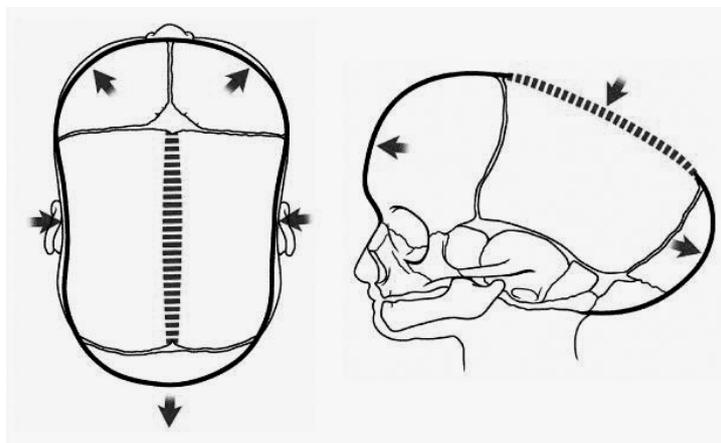

Рис. 3. Схема компенсаторного роста костей черепа ребенка при синостозе сагиттального шва

Клиническим выражением краниосиностоза является краниостеноз. Краниостенозом называется неспецифическое повреждение головного мозга, возникающее вследствие недостаточного расширения полости черепа в период наиболее активного роста мозга. Характерным симптомом развития краниостеноза, который может быть зафиксирован на палеоантропологическом материале (в данном случае у ребенка из погребения № 1), являются так называемые пальцевые вдавления на внутренней поверхности черепа (рис. 4).

Формирование «пальцевых вдавлений» есть отражение значительного и длительно существующего повышенного внутричерепного давления. Пока компенсаторные механизмы, препятствующие повышению внутричерепного давления, сохраняются, «пальцевые вдавления» не образуются. При этом до двух-трех лет ребенок с краниостенозом развивается практически нормально, отмечается лишь слабое отставание психомоторного развития. Далее, ввиду физиологического снижения остеогенеза в области швов и в связи с этим срыва компенсаторных механизмов, препятствующих развитию повышения внутричерепного давления, происходит характерная деформация черепа и перестройка внутренней поверхности костей мозгового отдела черепа с формированием «пальцевых вдавлений». Давление головного мозга на кости черепа бывает настолько интенсивным, что может привести к образованию костных дефектов. Наиболее выраженные «пальцевые вдавления» наблюдаются на костях, рост которых страдает больше всего. Таким образом, краниосиностоз влечет за собой развитие деформации черепа, повышение внутричерепного давления и нарушение венозного оттока из полости черепа с характерной неврологической симптоматикой [Лопатин, Ясонов, http://www.cfsmed.ru/is_synostos.pdf].

Рис. 4. «Пальцевые вдавления» на внутренней поверхности лобной кости ребенка из погребения № 1 кургана № 1 могильника Устюг-1

По степени выраженности клинических проявлений выделяют компенсированный и декомпенсированный краниостеноз, являющиеся последовательными стадиями заболевания при отсутствии лечения.

Клиническая картина компенсированного краниостеноза характеризуется изменением формы черепа с умеренным повышением внутричерепного давления. Это проявляется головной болью, быстрой утомляемостью, раздражительностью, неусидчивостью, рассеянностью внимания, конфликтностью либо, наоборот, замкнутостью. Дальнейшее сохранение повышенного внутричерепного давления приводит к декомпенсации и очень часто к развитию психических расстройств, снижению памяти и зрения вплоть до слепоты и возникновению генерализованных судорожных припадков [Лечащий врач, 2011; Ромоданов, Мосийчук, 1990].

Кроме того, на левой теменной кости ребенка в 1 см от коронального и в 1,5 см от сагитального шва выявлен обширный дефект черепа в виде отверстия (рис. 5). Первоначально считалось, что данное повреждение — следствие перелома от удара тупым предметом [Матвеева, 2012]. Дальнейшие, в том числе трасологические, исследования позволили скорректировать это заключение. Анализ проводился с помощью металлографического микроскопа Olympus VX-51, микрофотографии выполнены фотокамерой Прогресс-10 на базе данного микроскопа.

Рис. 5. Трепанационное отверстие левой теменной кости ребенка из погребения № 1 кургана № 1 могильника Устюг-1

Дефект представляет собой крупное отверстие овальной формы размерами 52×57 мм по наружной пластинке, у которого прилегающая к краям поверхность чуть светлее по отношению к основной цветности черепа. Со стороны эндокрана размеры отверстия меньше и составляют 50×52 мм. Диплоэ по всем краям обнажено. Толщина кости в районе повреждения — 3–4 мм.

Лучше сохранился дорсальный край отверстия, в зоне которого наблюдается срез. Остальные края неровные, рваные, они подверглись значительному посмертному разрушению. При этом край верхней пластинки выглядит ровнее и спонгиозная костная ткань и нижняя пластинка значительно выступают, особенно у фронтального и латерального краев. По всему отверстию, кроме заднего края, кромка практически отвесная, около 80° к поверхности черепа, у дорсального — около 45°.

Рис. 6. Срез у дорсального края трепанационного отверстия (вид сверху и сбоку (3/4))

Сохранившаяся часть среза у дорсального края визуально выделяется тонкой ровной полосой на наружной пластинке, под которой чуть выступает спонгиозная костная ткань с разрушенными от времени краями (рис. 6). Под микроскопом (увеличение в 200 раз) срез в плане чуть волнистый, местами зигзагообразный, его ширина составляет около 1 мм. Микрорельеф грани среза гладко-волнистый с отсеченными, но плавно выступающими участками. Заполировка пятнистая, поверхностная, не проникающая глубоко в микрорельеф, светлая с бликом. В ее зоне локализованы плотно сгруппированные тонкие риски, они расположены перпендикулярно и параллельно относительно края отверстия (рис. 7). Риски параллельны друг другу, с одинаковой глубиной проникновения в кость, без частой волнистости, прерывистости и разнокалиберности. Образование данных следов связано с вертикальным проникновением лезвия инструмента в кость и продольным прорезанием отверстия. Морфология отверстия, характеристика среза и зафиксированные следы позволили сделать вывод, что исследуемый дефект есть результат преднамеренного действия, выполненного с целью удаления участка теменной кости, иными словами — это трепанация.

Кроме того, у медиального и дорсального краев отверстия на поверхности черепа визуально фиксируется осветленная полоса заполировки шириной около 1 см. Заполировка яркая, с белым оттенком, ее края четкие, но без резких границ. В пределах этой полосы располагаются хаотичные и пересекающиеся друг с другом короткие, длиной около 2–3 мм, сгруппированные линии, образованные от разнонаправленного движения орудием по поверхности черепа. При увеличении в 200 раз они выглядят как хаотичные царапины различной глубины (рис. 8). Данный блок следов свидетельствует о разнонаправленном движении инструментом, соскабливании. Возможно, эти следы по периферии трепанационного отверстия связаны с отделением мягких тканей свода черепа при очищении будущего места трепанации от надкостницы и остатков мягких тканей.

Судя по характеру заполировки, рисков и царапин, фиксируемых на поверхности черепа, инструмент мог быть металлическим. Подобные следы отмечены исследователями на поверхности экспериментальных орудий из кости, обработанных металлическим ножом [Christidou, 2008]. По форме отверстия, характеру следов и поверхности среза можно предположить, что трепанация

К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья...

нацию проводили острием инструмента (возможно, ножа), который был достаточно тонким и узким, а также очень хорошо заточенным. Это, скорее всего, было специализированное орудие или специально подготовленный нож, а не обычный бытовой или боевой. Только таким инструментом можно было прорезать овальное отверстие в истонченной теменной кости и извлечь костный фрагмент, не повредив при этом твердую мозговую оболочку и головной мозг.

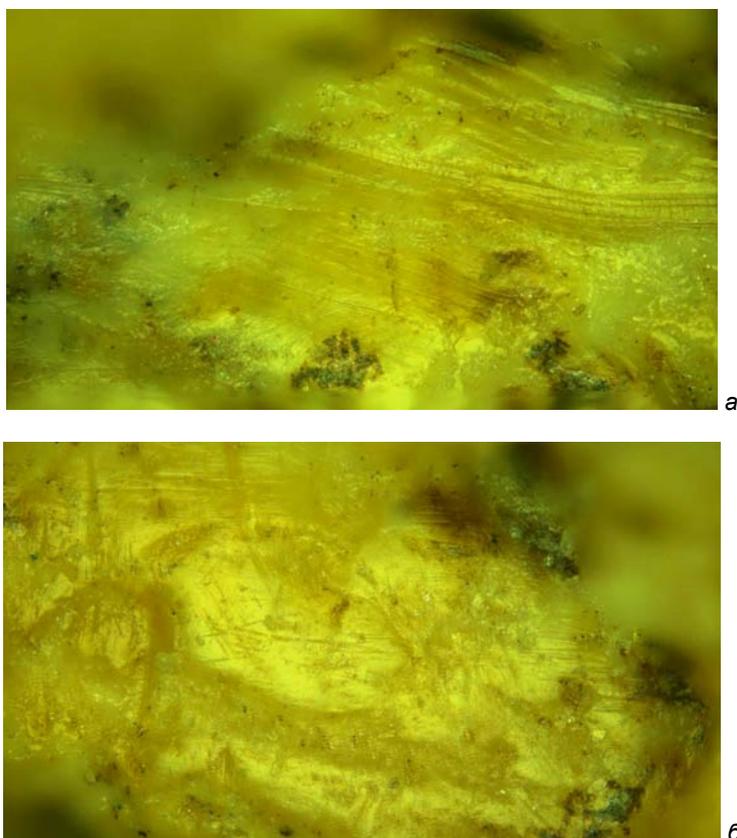

Рис. 7. Сгруппированные линии на срезе трепанации у дорсального края (увеличение в 200 раз):
а — продольные; б — продольные и поперечные

Ввиду интенсивного посмертного разрушения практически всех краев отверстия, там следы заживления не были выявлены. При микроскопии сохранившегося участка среза и поверхности кости, прилегающей к трепанационному отверстию, такие следы тоже не обнаружены.

В свете вышеизложенного может быть предложена следующая интерпретация данного случая.

Вероятно, индивидууму из кургана № 1 в раннем возрасте было проведено наложение мягкой повязки на череп с целью придания голове определенной формы. Бинтование производилось вокруг мозгового отдела черепа, без использования плоских подкладок. В результате лоб оказался скошен назад, задние части теменных костей и верхняя часть чешуи затылочной кости незначительно уплотились. В области венечного шва сформировались предвенечный валик и позадивенечное вдавление. Наложение циркулярной повязки привело к некоторой иммобилизации швов черепа, но по какой-то причине именно фиксация теменных костей вызвала облитерацию в сагиттальном шве. Развитие черепа в поперечном направлении прекратилось, и дальнейший рост продолжался в области лобного и лямбдовидного швов. Но циркулярная фиксация черепа препятствовала его росту в переднезаднем направлении. В совокупности это привело к развитию повышения внутричерепного давления, перестройке внутренней пластинки черепа с формированием «пальцевых вдавлений» и к истончению костей черепа.

Подобные изменения могли повлечь за собой развитие неврологической симптоматики (генерализованные судорожные припадки, постоянная головная боль и т.д.) и психические нару-

шения. Не исключено, что приступы генерализованных судорожных припадков и умственная неполноценность ребенка были интерпретированы древними людьми как проявление действия «злого духа». Известно, что в древности медицина носила магический и мистический характер. Болезнь представлялась результатом действия «злых духов», демонов и т.д. Вероятно, древними целителями (шаманами) данная операция применялась для высвобождения и изгнания «злого духа», облегчения страданий и исцеления пациента. Так, трепанирование с целью изгнания «злого духа» практиковалось еще совсем недавно среди черногорцев и албанцев, имеются указания на трепанацию как способ высвобождения «злого духа» и в народной медицине Кавказа [Медникова, 2001; Иоаннисян, 1941]. Д. Бротвелл предполагает, что трепанация была одной из первых операций в истории человечества, и отмечает ее как терапевтическое мероприятие, направленное на избавление от головной боли, эпилепсии, судорожных припадков [Brothwell, 1972].

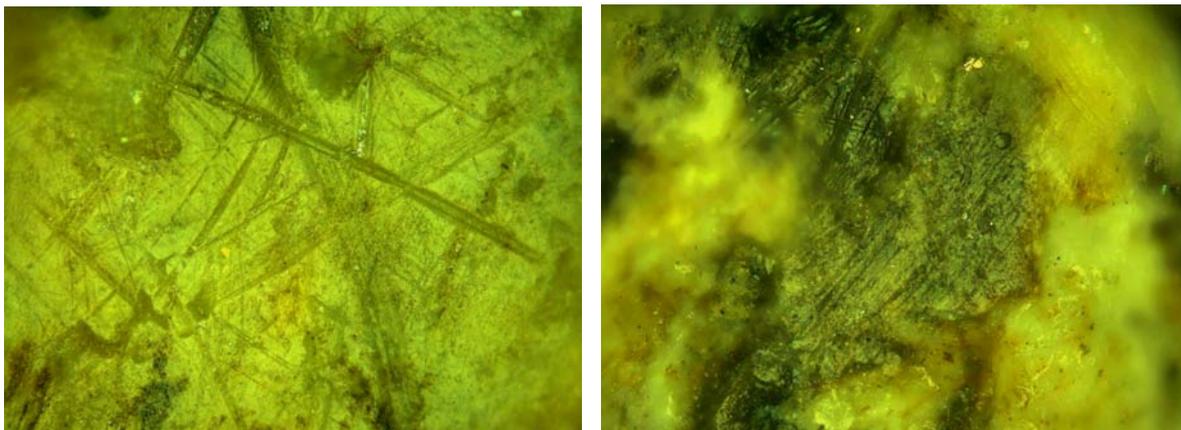

Рис. 8. Хаотичные линии на поверхности черепа у медиального края (увеличение в 200 раз)

В настоящее время различные способы декомпрессивной резекционной трепанации (удаление участка черепа с целью декомпрессии головного мозга) используют для снижения внутричерепной гипертензии, но не при краниосиностозах, а при травмах, опухолях, абсцессах головного мозга и т.д. Для лечения краниосиностоза сейчас применяют фрагментацию костей черепа, линейную или циркулярную краниотомию и другие методы, которые, собственно, и направлены на снижение внутричерепной гипертензии и соответственно на устранение или облегчение таких осложнений, как потеря зрения и умственная отсталость.

Исходя из полученных данных можно установить последовательность действий при выполнении трепанации черепа ребенка из погребения № 1 могильника Устюг-1. Саму операцию, вероятнее всего, проводили металлическим (по имеющимся следам, к сожалению, нет возможности установить, из какого металла сделан инструмент) специализированным орудием или специально подготовленным ножом, острое которого было тонким, узким и хорошо заточенным. Выбор места проведения трепанации, вероятно, был эмпирическим, но все же достаточно удачным — латерально от сагиттального синуса.

Первоначально был сформирован кожно-апоневротический лоскут, форма которого нам не известна, но, вероятнее всего, он был округлым и превосходил по площади размер предполагаемого отверстия. Затем провели подготовку места операции, заключающуюся в очищении его от надкостницы и остатков мягких тканей соскабливанием. Этим и объясняется появление разнонаправленных линий по периферии трепанационного отверстия, обнаруженных при трасологическом исследовании.

Далее было выполнено трепанирование черепа ребенка методом «прорезания», однако по сохранившемуся участку среза трудно сказать, из какого количества подходов состоял этот процесс. Судя по всему, отверстие прорезалось в несколько приемов, как минимум в два, об этом может свидетельствовать и угол слома между фронтальным и медиальным краями. На сохранившемся участке отверстия (задний край) зафиксировано, что оно вырезано под углом 45°, что, вероятно, обусловлено стремлением уберечь головной мозг от повреждений.

К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья...

По исследованным следам на срезе трепанации установлено, что после прорезания образовавшийся костный фрагмент был извлечен при помощи того же металлического инструмента. После его удаления область трепанации, скорее всего, укрыли кожно-апоневротическим лоскутом и зафиксировали повязкой, осуществлявшей в том числе гемостатическую (кровоостанавливающую) функцию.

Однако большая площадь отверстия заставляет искать и альтернативную причину трепанации черепа ребенка. Такой обширный дефект мог быть результатом вдавленного перелома черепа с последующим удалением костных отломков и иссечением острых краев отверстия.

Сложно сказать, насколько успешным было трепанирование достаточно ослабленного ребенка. Ввиду посмертного разрушения края трепанационного отверстия следы облитерации не выявлены. Исходя из вышесказанного судить о заживлении и соответственно об успешности оперативного лечения не представляется возможным. Вероятнее всего, смерть пациента наступила либо сразу после проведения трепанации, либо через небольшой промежуток времени, о чем косвенно свидетельствует отсутствие следов заживления костной ткани, прилегающей к отверстию. Однако сама попытка оперативного лечения, предпринятая древними знахарями бакальской культуры в IV–VI вв. н.э., указывает на значительные и достаточно глубокие эмпирические медицинские знания. Трудно представить, что такое опасное и сложное действие можно осуществить без хотя бы минимального знания анатомии, средств обезболивания, остановки кровотечения и не имея опыта. Операция (трепанация черепа), выполненная древним целителем, не лишена смысла и обоснованности даже с точки зрения современной медицины. Кроме того, трасологический анализ показывает, что, вероятно, применялись специальные хирургические инструменты, а также последовательная методика проведения трепанации.

Примером применения подобных медицинских знаний могут служить случаи, зафиксированные на костных останках из таежных средневековых могильников Иванов Мыс I и Сайгатинский III [Ражев, 2006; Ражев, Пошехонова, 2009]. Там установлено полное выздоровление после серьезных черепных травм, что свидетельствует об эффективной практике реабилитационных мероприятий и поддержке пострадавшего другими членами коллектива.

Таким образом, результаты исследования говорят о том, что в эпоху раннего средневековья в лесном Зауралье с целью излечения людей, страдающих длительными головными болями, генерализованными судорожными припадками и психическими нарушениями, возможно, применяли трепанацию. Данное наблюдение свидетельствует о значительных медицинских знаниях, наличии инструментария и хирургического опыта у средневековых сибирских целителей или шаманов. Не меньшее мастерство и знания древних целителей предполагаются и в том случае, если данная операция проведена для лечения вдавленного перелома черепа.

Дальнейшее подробное исследование всей выборки из могильника Устюг-1 по разработанной методике позволит не только охарактеризовать состояние здоровья всей популяции, но также более полно реконструировать медицинские знания и навыки средневековых обитателей Притоболья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 81–88.
- Зайченко А.А., Коченкова О.В., Анисимова Е.А. и др. Закономерности облитерации зубчатых швов черепа человека: (Обзор) // Саратов. науч.-мед. журн. 2011. Т. 7, № 3. С. 567–572.
- Иоаннисян Л.А. Медицина в Армении в древнейшие времена: (До этнического оформления армян) // Изв. Армян. филиала АН СССР. Ереван, 1941. № 7 (12). С. 47–60.
- Коваль Г.Ю., Даниленко Г.С., Нестеровская В.И. и др. Рентгенодиагностика заболеваний и повреждений черепа. М.: Книга по Требованию, 2012. 363 с.
- Лечащий врач. 2011, май. № 5 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.lvrach.ru/2011/05/15435193>.
- Лопатин А.В., Ясонов С.А. Общие вопросы ранней диагностики краниосиноустозов [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.cfsmed.ru/is_synostos.pdf.
- Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. // АВ ORIGINE. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 38–75.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Ражев Д.И. Случаи черепных травм средневекового населения Западной Сибири // Вестн. антропологии. М.: Оргсервис-2000, 2006. Вып. 14. С. 98–101.
- Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 83–89.

С.М. Слепченко, О.Е. Пошехонова, С.Н. Скочина

Ромоданов А.П., Мосийчук Н.М. Нейрохирургия. Киев: Выща школа, 1990. 105 с.

Brothvell D. Digging up bones. L.: Trustees of the British Museum, 1972. 196 с.

Christidou R. An application of micro-wear analysis to bone experimentally worked using bronze tools // Journ. of Archaeol. Sciens. 2008. № 35. P. 734–751.

Cohen M. M., MacLean R. E. Craniosynostosis: Diagnosis, Evaluation and Management. N. Y.: Raven Press, 1986. 480 с.

Persing J. A., Babler W. J., Jane J. A. Experimental unilateral coronal synostosis in rabbits // Plast. Reconstr. Surg. 1986. 77 (3). P. 369–376.

Virchow R. Ueber den Cretinismus, namentlich in Franken, und über pathologische Schadelformen // Verh. Phys. Med. Gesamte Würzburg. 1852. № 2. P. 286–307.

Ubelaker D. H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago, Aldine, 1978. 312 p.

Тюмень, ИППОС СО РАН
*paleopatolog@gmail.com,
**ethno@ipdn.ru,
***sveta_skochina@mail.ru

The article attempts to show an extent of medical knowledge and level of surgical experience with early medieval population in the Low Tobol basin. In one of the burials from Ustyug-1 burial ground (IV–VI cc. A.D.), referring to the Bakalsky culture, they found remains of a 8–10 year-old child with an intentional skull deformation, a premature obliteration of a sagittal seam and a craniotomy hole on the left parietal bone. The combination indicates at the use of craniotomy aiming at healing or relieving the state of the child probably suffering from lasting headaches, generalized epileptic seizures and mental pathologies. This observation testifies to the existence of considerable medical knowledge, instruments and surgical experience with medieval Siberian healers or shamans.

West Siberia, Early Middle Ages, medical knowledge, paleopathology, craniosynostosis, craniostenosis, artificial skull deformation, craniotomy.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТАПЫ АДАПТАЦИИ ЮГАНСКИХ ХАНТОВ НА р. ДЕМЬЯНКЕ: ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ НОВОЙ ТЕРРИТОРИИ

В.Н. Адаев

Рассматривается процесс переселения юганских хантов в бассейн р. Демьянки и формирования новой локальной этнической группы. Реконструируются этапы и хронология переселения, первичная адаптация хантов на новой территории. Полученная информация позволяет установить мотивы миграции, маршруты переселения, историю появления отдельных фамилий на демьянской территории.

Юганские ханты, бассейн Демьянки, миграция, культурная адаптация, идентичность, локальная этническая группа.

Переселение, оставление родного очага и поиск счастья на чужой стороне — явление далеко не тривиальное в жизни человека, если он не принадлежит к обществу «чистых» кочевников. Всегда интересен толчок, способствующий принятию решения о смене места жительства, сопутствующие этому обстоятельства, проблемы адаптации к непривычным условиям и пути их решения.

Речь пойдет о хантах, проживавших на крупном правом притоке Оби, р. Бол. Юган (нынешний Сургутский р-н Тюменской обл.). В XIX–XX вв. на фоне многих территориальных групп хантов¹ юганцы отличались весьма примечательной склонностью к широкому расселению. Они освоили и заселили бассейны рек Салым, Балык, Демьянка, Васюган, где имелось свое хантыйское население, отличающееся в культурном и языковом отношении от юганцев. Тем не менее они в некоторых случаях превысили по численности, а в других — даже полностью заместили исконных жителей. Именно такая ситуация с замещением населения сложилась в XX в. в бассейнах рр. Салым и Демьянка. И если история р. Салым уже нашла отражение в масштабных исследованиях (см.: [Визгалов, 2006; Салымский край, 2000]), то Демьянка пока относится к недостаточно изученным территориям.

Цель данной работы — воссоздание общей картины переселения юганских хантов на Демьянку. В объективе исследования: этапы и хронология переселения, мотивы миграции, история появления отдельных фамилий, первичная адаптация на новой территории.

Демьянка — правый приток Иртыша, берущий начало в Васюганском болоте. Река находится к югу от Югана и Салыма, преимущественное направление ее течения — северо-западное. Демьянка вбирает в себя большое количество болотных ручьев и речек, самые крупные из которых — Кальча, Кеум, Бол. Куньяк, Имгыт, Урна и Тегус. Местное хантыйское население (*нимьян ях* — хант. «демьянский народ») в языковом и культурном отношении было наиболее близко сородичам с Нижнего Иртыша, Конды и Салыма. Иногда их всех объединяют в Прииртышский этнографический ареал [Мартынова, 1998, с. 12–14]. С хантами же Бол. Югана у демьянцев имелись довольно существенные различия в языке, хозяйственной деятельности, традиционном костюме, образе жизни. Достаточно сказать, что юганские ханты были полукочевыми оленеводами, а демьянские — просто таежными рыболовами и охотниками. Вероятно, ввиду различий отсутствуют устоявшиеся брачные контакты между соседствующими территориальными группами. В частности, перепись 1795 г. не фиксирует ни одного брака между жителями

¹ Территориальные группы хантов отличаются заметным культурным своеобразием (особенности языка, национального костюма, хозяйственной деятельности и пр.). Обычно они именуются по названиям рек, в бассейне которых расселены. В общей сложности можно говорить о не менее чем 20 хантыйских этнолокальных группах: аганская, васюганская, демьянская, казымская, сынская, юганская и т.д.

Демьянки и Югана [Мартынова, 1998, с. 18]. Не отмечены они и по нашим полевым материалам, относящимся к XX в.

История переселения хантов Бол. Югана на Демьянку началась задолго до конца XIX в., но оно не носило столь массового характера, как в XX в. В метрических списках XVIII в. среди демьянских фамилий можно встретить такие типично юганские, как Кончин (от Когончин), Тайлаков, а также Юганской [Соколова, 1983, с. 228–229]. Некоторые из этих ранних переселенцев со временем прочно влились в состав демьянских хантов. Исследователь С.К. Патканов, побывавший на Демьянке в 1880-х гг., сделал интересное замечание: семьи Тайлаковых, некогда проживавшие в крайнем селении вверх по реке, сместились в низовья и «предоставили свои обширные вотчины на произвол юганских зверовщиков» [1999, с. 136–137]. То есть для С.К. Патканова была уже неоспорима принадлежность этих Тайлаковых к демьянской, а не к юганской общности хантов.

В итоге судьба демьянцев сложилась следующим образом: став малочисленными в результате эпидемий, они к концу XIX в. сосредоточились в низовьях реки, где в первые десятилетия XX в. подверглись значительной ассимиляции со стороны русского населения. К концу 1970-х гг. эта этническая группа прекратила существование. Несмотря на имевший место контакт между представителями двух локальных групп хантов, преемственности во владении территорией не произошло. Сказывались различия в языковом, культурном и социальном отношении. Демьянские уголья в среднем течении и верховьях достались юганцам без сакрального «подтекста», с непонятными во многом топонимами. В итоге им пришлось самостоятельно осваивать и нарекать территорию, «населять» ее мифологическими персонажами (см. подробнее: [Адаев, 2004, с. 6–10].

Хронологически в истории заселения бассейна Демьянки юганскими хантами можно выделить следующие этапы:

- 1) хозяйственное освоение (до конца 1930-х гг.);
- 2) активное переселение (1940–1960-е гг.);
- 3) обратный отток населения (1970–1980-е гг.);
- 4) стабилизация состава группы (1990-е гг. — наше время).

В данной работе подробно рассматриваются два первых этапа.

Этап первый: хозяйственное освоение (до конца 1930-х гг.)

Нужно особо отметить тот факт, что юганцы с давних времен считали демьянские урманы своими охотничьими угольями. В записанной нами семейной легенде Тайлаковых «старик Акасов» (отчим деда нынешних демьянских Тайлаковых) наставляет своих пасынков, чтобы они ни в коем случае не оставляли его уголья на Демьянке, охотились там сами и не передавали их в чужие руки: «Если я помру, на Акасовых (т.е. в районе ю. Акасовых на Бол. Югане. — В. А.) не будете жить — не живите. А на Демьянку пойдете, там себе избышку построите, там охотиться будете. И мои уголья не бросайте никогда» [Сводные материалы...]. По примерным расчетам описываемые события состоялись не позднее 1870-х гг.

Промысловая ценность демьянских угодий действительно была велика: здесь находились многочисленные стада дикого оленя и лося, во множестве встречалась белка, в первых десятилетиях XX в. еще сохранялся соболь. Уездный сургутский исправник Г.А. Пирожников записал как примечательный факт, что весной 1912 г. двое хантов Юганской управы добыли в вершине Демьянки 140 оленей и 8 лосей, и «можно бы и еще добыть, но им было не под силу, так как были только вдвоем» [2002, с. 125]. Такое изобилие выглядело тем более привлекательно, если учесть, что в середине XIX в. большинство ценных лесных массивов на пространстве между Иртышом и Обью было уничтожено в результате пожаров. Так, в разговоре со шведским ученым-путешественником Ф. Р. Мартином, состоявшемся в 1891 г., один из юганцев утверждал, что единственное место, где еще можно найти хорошие леса,— это окрестности верхнего течения Демьянки [Мартин, 2004, с. 19].

Тем не менее можно с большой долей уверенности говорить, что в начале XX в. юганцы занимались лишь хозяйственным освоением края, речи о массовом переселении или продолжительном проживании на Демьянке значительной группы юганцев тогда еще идти не могло. При этом впечатляют масштабы пространственных перемещений юганских промысловиков: в

Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: хозяйственное освоение...

своих южных охотничьих экспедициях они доходили вплоть до иртышской «стены»², а некоторые достигали р. Тары (около 300–400 км по прямой). Следует отметить и такую деталь: совершенно не встречается информация об участии жителей Малого Югана (крупный правый приток р. Бол. Юган) в освоении Демьянки. В то же время ханты гораздо более дальней р. Васюган ходили на Демьянку активно, нередко бывали здесь и жители Салыма, Ваха.

Попробуем восстановить основные охотничьи маршруты на Демьянку и круг участвовавших в них жителей Бол. Югана. Среди источников, которые могут в этом помочь,— записи старшего запасного лесничего Самаровского лесничества А.А. Дунина-Горкавича (1910 г.), а также рапорты сургутского исправника Г.А. Пирожникова (1911 г.).

Первый автор, отличавшийся большой скрупулезностью в фиксации данных, сообщает в своем труде «Тобольский Север», что жители 10 большеюганских юрт (Когончиных, Каюковых, Сапоркиных, Купландеевых, Та(г)уровых, Усановых, Покачевых, Кыколевых, Тайлаковых и Ларломкиных) занимаются звероловством на Демьянке и имеют там специальные изгороди для промысла оленя и лося. Кроме того, есть юганцы, которые промышляют на притоках Демьянки: жители ю. Ярсомовых — по Кеуму, а население уже упомянутых юрт Тайлаковых и Ларломкиных — на Ютымисе (совр. Ютымас) [Дунин-Горкавич, 1996, с. 147].

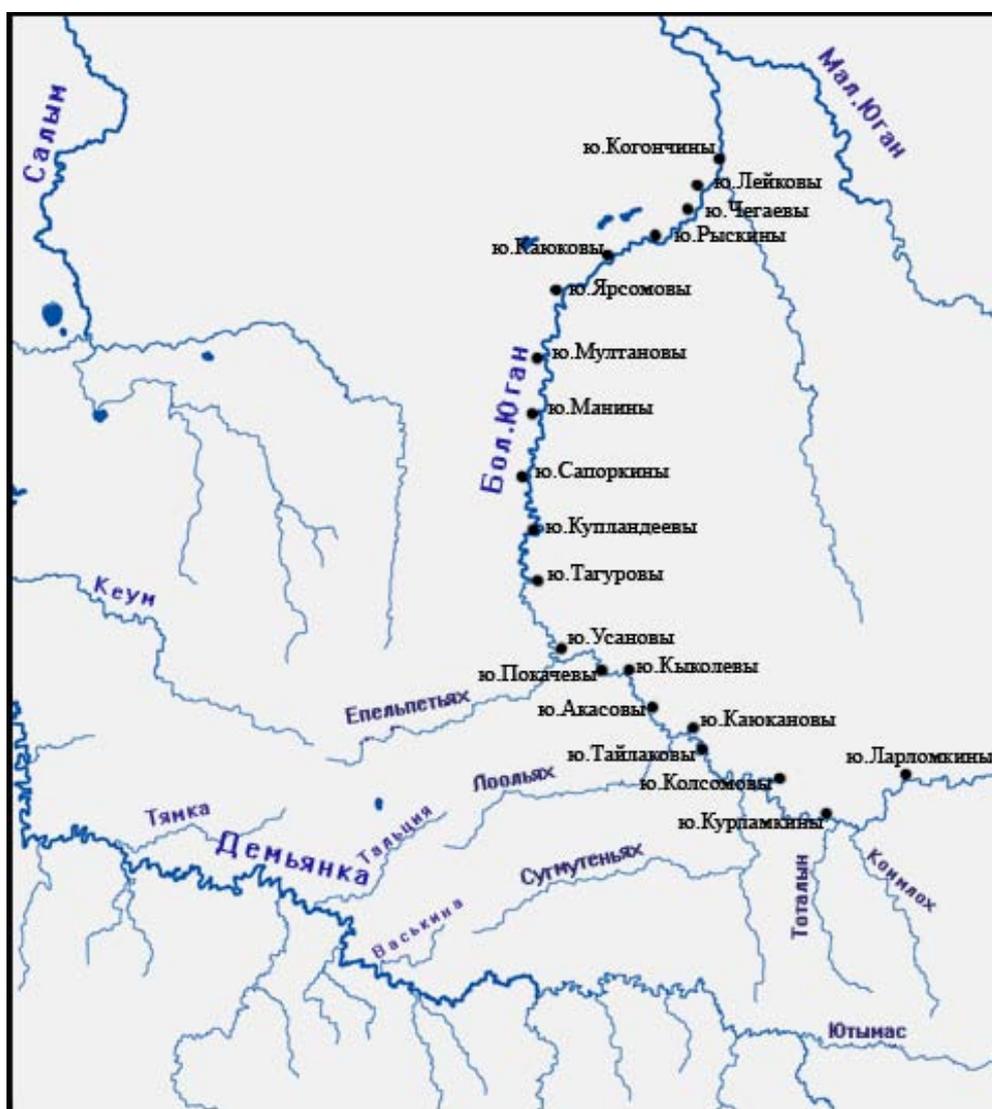

Рис. 1. Юрты большеюганских хантов в первые десятилетия XX в.

² Полоса леса вдоль речного берега.

Согласно рапорту исправника Г.А. Пирожникова, летом 1911 г. в результате пожаров близ р. Демьянки³ юганские инородцы потеряли свои промысловые избышки и лабазы со всеми запасами продуктов, одежды и охотничьих орудий (всего на сумму около 3000 руб.). Ввиду этого печального обстоятельства мы имеем составленный Г.А. Пирожниковым список юганских поселений, чьи жители понесли потери на демьянских угодьях: юрты Сапоркины, Купландеевы, Тагуровы, Усановы, Покачевы, Кыколевы, Акасовы, Каюкановы и Тайлаковы. Он подчеркивает, что *«благодаря хорошему промыслу зверя у Юганских инородцев... погорельцы считаются зажиточными»*. Более того, при первой попытке исправника оказать помощь пострадавшим хантам выдачей хлеба выяснилось, что они благодаря накопленным запасам такой острой потребности не имеют. Правда, позднее мнение хантов поменялось и Пирожникову пришлось обратиться к тобольскому губернатору, чтобы обеспечить-таки хлебом наиболее пострадавшие от пожара семьи [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 40, д. 332, л. 1–1 об., 11–12].

Важные выводы, которые можно сделать из этого сообщения, следующие: в первом десятилетии XX в. на Демьянке промышляло большое количество юганских хантов, они имели высокий доход от добываемой там пушнины, но продолжали пока проживать на Югане. Кроме того, в списке пострадавших промысловиков значатся конкретные фамилии: Каюкановы, Кыколевы, Нюгломкины, Покачевы, Сапаркины (Сапоркины), Тайлаковы, Усановы, Цыганины (Цынганин). Отметим, что некоторые из упомянутых в документе погорельцев (либо их дети) сохранились в памяти современных жителей Демьянки как самые ранние переселенцы с Бол. Югана: Тихон Павлов и Василий Наумов Усановы из юрт Усановых, а также Сидор Павлов Сапоркин с сыном Иваном из юрт Сапоркиных и Кирилл Леонтьев Купландеев из юрт Купландеевых [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 40, д. 332, л. 3–4 об., 11–12; Сводные материалы]. К этому списку можно добавить имена еще нескольких юганцев, отмеченных в известном очерке того же Г.А. Пирожникова среди лиц, промышлявших в начале XX в. на Демьянке: Алексей и его сын Петр Когончины (ю. Тайлаковы), Спиридон Немчинов (ю. Курломкины) [Пирожников, 2002, с. 125; Сводные материалы...].

В табл. представлен сводный материал, где на основе данных вышеупомянутых авторов и наших полевых материалов определены основные населенные пункты происхождения юганцев, имевших в конце XIX — XX в. промысловые угодья на Демьянке. В общем списке все установленные таким образом населенные пункты выделены жирным шрифтом.

	Юрты р. Бол. Юган (от устья к верховьям, см. рис. 1)	Упоминание у А.А. Дунина-Горкавича	Упоминание у Г.А. Пирожникова	По нашим материалам
1.	Когончины	+	—	+
2.	Лейковы	—	—	—
3.	Чегаевы	—	—	—
4.	Рыскины	—	—	—
5.	Каюковы	+	—	+
6.	Ярсомовы	+	—	+
7.	Мултановы	—	—	—
8.	Манины	—	—	—
9.	Сапоркины	+	+	+
10.	Купландеевы	+	+	+
11.	Тагуровы	+	+	—
12.	Усановы	+	+	+
13.	Покачевы	+	+	—
14.	Кыколевы	+	+	+
15.	Акасовы	—	+	+
16.	Каюкановы	—	+	—
17.	Тайлаковы	+	+	+
18.	Колсомовы	—	—	—
19.	Курламкины	—	—	+
20.	Ларломкины	+	—	—

³ Представители разных национальностей, проживавших на р. Демьянке, как правило, считали виновными в возникновении пожаров своих соседей. В частности, русские жители верховьев реки обвиняли в этом хантов-юганцев, указывая, что те якобы сознательно выжигали урманы для привлечения лося [Шухов, 1928, с. 44].

Можно выделить два района проникновения юганцев на Демьянку — приток Кеум и территория среднего-верхнего течения реки (рис. 2). Рассмотрим их отдельно.

Кеумское направление. Есть основания полагать, что наиболее ранними насельниками Демьянки из юганцев были Кончины (Когончины) и Каюковы, поселившиеся на р. Кеум. Фамилия Когончин (Кончин), как уже упоминалось, встречалась в списках демьянских хантов как минимум с XVIII в. Возможно, именно юганскому роду Каюковых обязано своим названием селение Каюкова, отмеченное на карте С.У. Ремезова по течению одного из правых притоков низовой Демьянки [Ремезов, 2003, л. 4а]. Наши полевые материалы говорят о том, что в середине XX в. по р. Кеум проживали семьи юганцев Кончиных, Каюковых, Ярсиных (Ярсомовых) и Купландеевых. Часть Ярсиных и Купландеевых впоследствии обосновалась в среднем течении Демьянки, по соседству с ними поселились также Сапоркины и Немчиновы. Все это укладывается в логичную схему: Кеум и среднее течение Демьянки заселялись прежде всего теми юганцами, чьи угодья изначально находились по соседству — на рр. Балык и Салым.

Именно группа юганских хантов, имевших угодья на Кеуме, в 1920-х гг. самым решительным образом подтвердила серьезность своих претензий на демьянские угодья. С 1925 г. в междуречье притоков Демьянки — Куньяка и Кальчи был создан заказник с целью охраны лося, дикого оленя и соболя. Несмотря на промысловый запрет юганцы несколько лет продолжали приходить на территорию заказника для загонной охоты на копытных по насту. Их ежегодные весенние рейды удалось пресечь только к 1927 г. благодаря усилиям специальных отрядов, организованных лесничеством и Демьянским охотничье-промысловым товариществом [Куклин, 1927, с. 27; Природные ресурсы..., 2005, с. 259]. Охотничьи аппетиты юганцев были таковы, что могли свести на нет все усилия по охране промысловых животных в Демьянском заказнике. Так, в марте 1925 г. семь юганских охотников с семьями прибыли на оленях в названный район и в короткий срок убили свыше 70 лосей [ГАСО, ф. Р-239, оп. 1, д. 565, л. 159].

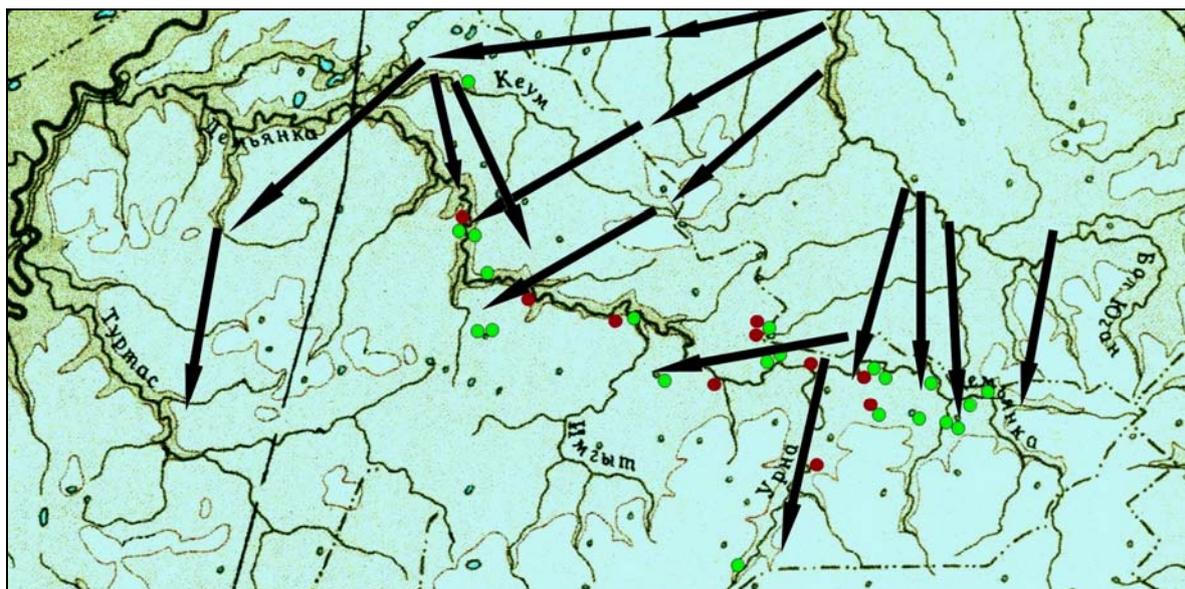

Рис. 2. Маршруты заселения Демьянки юганскими хантами в первой половине XX в. Красным цветом (темным) отмечены существующие ныне поселения, зеленым (светлым) — исчезнувшие

Ютымасское направление. В данном направлении верховья Демьянки заселялись жителями верховых поселений р. Бол. Юган. Примечательно, что р. Ютымас (в дореволюционном варианте «Ютюмис») является сравнительно небольшим притоком Демьянки, тем не менее она уверенно отмечалась под самостоятельным названием на географических картах конца XIX — первых десятилетий XX в. Своей известностью Ютымас, очевидно, обязан исполняемой им ролью связующего звена на пути с Югана к Демьянке.

Через Ютымас в верховья Демьянки зашли семьи Усановых, Тайлаковых, Кыколевых, Лянтинных. Эти группы хантов проникли дальше всех на юг, продвигаясь вверх по течению демьян-

ских притоков Урна и Тегус. Нельзя исключать, что попытки их оседания на Демьянке относятся к периоду начала XX в. И.Н. Шухов, основываясь на рассказах русских промысловиков, сообщает, что в верховьях р. Урна (левый приток Демьянки, исток которого примыкает к иртышскому водоразделу) в первых десятилетиях XX в. жило несколько семей безоленных остяков. Крайней юго-западной точкой их пребывания было селение на Урне в двух верстах ниже впадения в нее Тигияра, среди жителей Тарского Прииртышья на протяжении около 50 лет известное как Остяцкие избушки. После «голодных» 1915 и 1919 гг. (ввиду перебоев в снабжении продовольствием) оставшиеся в живых ханты ушли. И.Н. Шухов полагал, что они ушли на Демьянку, он их, собственно, и именовал «демьянскими остяками». Кстати, и потеря оленей скорее всего была связана с их забоем на мясо [Шухов, 1927, с. 201–207]. Продвижение хантов в южном направлении было остановлено наплывом переселенцев в Среднее Прииртышье. Известно, в частности, что в первое десятилетие XX вв. русские промышленники, зыряне вытеснили «остяков» с озер, примыкающих к р. Туй [Балкашин, 1911, с. 7].

Обратимся к наиболее ярким историческим фактам и событиям, связанным с первым этапом освоения юганцами бассейна р. Демьянки. О торговле русских купцов с юганскими хантами на Демьянке известно с дореволюционного времени. Так, А.А. Дунин-Горкавич со слов самих юганцев отмечал, что те, промышляя в бассейне Демьянки, почти треть своей пушнины сбывают местным русским торговцам Корякину и неким Егору и Якову, проживающим ниже устья р. Ютюмиса, приблизительно против юрт Юганских, Кыколевых и Усановых. Причем оттуда «к ним ходу с пустой нартой осенью 3, а весной 2 дня». Торговцы ставят там сено, и из Демьянска к ним существует конная дорога [Дунин-Горкавич, 1996, с. 148]. Так как конная дорога соединяла с. Демьянское лишь с селениями низовьев Демьянки, можно предполагать, что местом пребывания упомянутых торговцев могли быть ю. Лумкоевские, где эта дорога (общей протяженностью около 100 км) и заканчивалась. По архивным данным известны и другие русские, торговавшие с юганцами в низовьях Демьянки, все это были выходцы из Уватского Прииртышья, большинство из которых попало под репрессию в 1930-е гг. Так, например, в списке кулачества Демьянского сельсовета за 1932 г. значился некий Н.Н. Перевалов из с. Мал. Яр, который *«здравних времен до 1912 года ездил в Демьянку возил остякам юганцам муку, мануфактуру, чай и прочее»*. От них он забирал ценные меха и продавал их в Тобольске [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 788, оп. 1, д. 4, л. 65].

Юганцы, промышлявшие в среднем и верхнем течении Демьянки, посещали также торговые ярмарки в Тарском Прииртышье, в частности в сс. Усть-Ишим и Слободчики (25 км к югу от Усть-Ишима). По воспоминаниям местных жителей, *«на ярмарки они приезжали на оленях, обменивали пушнину у местных торговцев на необходимые им товары — водку, табак, охотничий провиант, муку, сахар, соль, яркие ситцы, бисер и т.д.»* [Фатеев, 1996, с. 42, 84–85].

Перебои в торговых отношениях с русскими промышленниками произошли в период 1915–1924 гг., следствием чего стал упоминавшийся уже голод среди юганцев, имевших угодья в верхнем течении Демьянки. Однако в дальнейшем выгодная пушная торговля с хантами была восстановлена. Так, уже в январе 1931 г. Тевризская районная контрольная комиссия рассматривала вопрос о неэффективной работе фактории Сибторга, которой «на реке Демьяне» был построен специальный барак для ведения заготовок у богатых остяков и тунгусов. Однако продукция фактории из года в год оставалась нереализованной, так как ассортимент не учитывал запросы коренного населения. Среди требуемых хантами товаров первоочередными были отнюдь не пищевые продукты: «им надо сукно, белой бязи, цветной ситец, листовой табак» [ЦДННОО, ф. 944, оп. 1, д. 2, л. 22]. Еще более подробный список товаров, необходимый для завоза юганским хантам, был составлен в Сургутском районе (претензии по неэффективной работе в этом направлении адресовались Юганскому интегралкооперативу и факториям «Уралпушнины»). Член бригады обкома ВКП(б), побывавший в районе с проверкой, писал, что данные организации *«не учитывают спроса туземцев и не завозят товара для их домашнего обихода, так рамы со стеклами, медные изделия, цветные ткани, сукна, шали, платки с кистями, брезент / для чумов, железные печки, листы, маленькие топоры, чайная посуда, кольца, бусы, браслеты, цепочки, сыромятная кожа для упряжи, бродниц, чайников медных, котлов цинковых малого и большого размера, краски для окраски сетей, ниток для сетей черных и белых. Заброска указанных товаров явилась бы стимулом наибольшего сбора заготовок»* [ГАСПИТО, ф. 23, оп. 1, д. 21, л. 21–21 об.]. В 1933 г. Тевризская районная контрольная комиссия постановила, ввиду нахождения заготовок пушнины под угрозой срыва, мобили-

Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: хозяйственное освоение...

звать всех бывших работников системы Экспортных заготовок и дать указание с/советам о массовой проверке выполнения договоров о выходе на охоту, а также предупредить о недопустимости задержки охотников на других работах [ЦДНИОО, ф. 944, оп. 1, д. 8, л. 109, 111].

Кроме охотничьих интересов тяготение юганцев к Демьянке в первые десятилетия советской власти стала предопределять и сложная политическая обстановка. В середине 1920-х гг. была осуществлена попытка военного призыва коренного населения Сургутского округа. На Бол. Югане она привела к волнениям среди хантов и была признана ошибочной [Чилим, 1926]. В 1933–1934 гг. на Бол. Югане началась кампания по выявлению среди местных хантов кулаков и шаманов. Часть преследуемых нашла надежное убежище на Демьянке. Чрезвычайно интересную информацию о юганских хантах относительно 1930-х гг. дает «Общая характеристика Угут-Юганского тузсовета Сургутского района», составленная одним из членов бригады обкома ВКП(б). В ней сообщается, что в 26 населенных пунктах Югана 137 чел. жителей «ведут полукочевой образ жизни, заключающийся в переезде из зимних в летние юрты, расположенные по преимуществу по берегам рек и речек». Работник обкома сетовал, что до его приезда всех юганских охотников «считали исключительно бедняками и малый процент середняками», однако после проведенной соответствующей работы тузсоветом по выявлению чужаков заготоворганизации в числе 15 выявленных в 1930-х гг. по Сургутскому району кулаков и шаманов значились:

Купландеев Николай Кириллович — из ю. Купландеевых большой шаман, отец его Кирилл лишенец, тоже шаман.

Усанов Василий Степанович — из ю. Усановых, шаман, эксплуатирует бедноту [ГАСПИТО, ф. 23, оп. 1, д. 21, л. 17 об.–21].

Не удивительно, что оба они, а также их ближайшие родственники оказались одними из первых юганцев, окончательно осевших на Демьянке.

Этап второй: активное переселение (1940–1960-е гг.)

Знаменательными событиями 1940-х гг. стали попытки перевода юганцев на оседлый образ жизни и привлечение их к трудовой повинности в годы войны. Часть юганских хантов упорно уклонялись от этих работ.

В 1940 г. в округе начались первые работы по переводу коренного населения на оседлость. Поначалу были хорошие результаты, но в 1944 г. работы по сселению прекратили, и в скором времени большинство несостоявшихся колхозников вернулись в свои юрты. Так, в 1942–1944 гг. в Угутском сельсовете Сургутского района в хозцентры сселилось по 20–30 хозяйств, а в 1947 г. в них осталось: Угут — 7 хозяйств, Тауровы — 3, Тайлаковы — 4, Каюковы — 8, Кинямины — 7 [ГАСПИТО, ф. 107, оп. 1, д. 1390, л. 1, 2].

По нашим полевым материалам, не менее 10–15 семей юганцев скрывались в годы войны на р. Демьянке. Впечатляют усилия, которые предпринимались хантами, чтобы остаться вне поля зрения властей. Русские старожилы рассказывают, что в годы войны семьи демьянских юганцев Тайлаковых и Усановых намеренно выходили в крупные поселки за продуктами, когда шел снег — чтобы их нельзя было найти по следу. Свой сезонной поселок близ устья Ардянки ханты Тайлаковы поставили таким образом, чтобы он был абсолютно не виден со стороны Демьянки. По этому, наиболее «скрытому» периоду демьянской истории юганцев имеется еще один интересный источник информации — опубликованная история из жизни обского ханта И.А. Саторина. В 1945 г. он демобилизовался с военного завода в Омске и отправился на родину пешком. Его путь проходил по маршруту: Омск — Тевриз — р. Туй — верховья Демьянки (хантыйский поселок) — верховья Салыма — Саторино. Выйдя из Тевриза, он через пять дней достиг р. Демьянки, где ему повстречался хантыйский поселок. Здесь он прожил у местных хантов несколько суток. Сделал там себе широкие лыжи, оставил жителям немного пороха, они ему дали в дорогу дробь, сушеной рыбы и вяленого мяса. Через 15 дней он вышел к д. Саторино [Редикульцев, 2004, с. 15].

Советская система управления экономикой была весьма противоречива. В 1950-х гг. оказался в опале охотничий промысел северных народов, так как он стал помехой проводившейся кампании «по сселению и оседанию коренного населения». Когда в 1955 г. на Бол. Югане началась кампания по «укрупнению» поселков и организации коллективного летнего лова рыбы на Оби, свой упрямый нрав показали наиболее авторитетные представители родов Тайлаковых и Усановых. Михаил Тайлаков и Александр Усанов изначально не подчинились приказу колхозно-

го начальства и не выехали на Юган. Они проигнорировали даже переданные с нарочным угрозы большого денежного штрафа и «персональной ответственности перед судом» [Протоколы собраний...]. Тем самым ими был продемонстрирован выбор в пользу новой территории проживания — наглядный пример для соплеменников. С этого времени можно говорить о начале формирования демьянской группы юганских хантов. Однако еще продолжительное время состав ее был очень нестабилен.

Для юганцев проживание на Демьянке в течение нескольких лет и последующее возвращение в Сургутский край было обычной практикой. Восстановить общую картину таких перемещений, их направленность, ритм и частоту довольно сложно, так как информация об этом в памяти нынешних демьянских юганцев чрезвычайно путаная и противоречивая.

Высокую пространственную мобильность хантов обеспечивал оленный транспорт. Именно олени, позволившие хантам освоить значительные демьянские территории, невольно способствовали тому, что юганцы долгое время не могли прочно закрепиться на новых землях. В течение почти 30 лет представители нескольких десятков хантыйских семей периодически меняли место жительства, то возвращаясь на Юган, то вновь поселяясь на Демьянке. По-разному определяя свой выбор, разделялись и воссоединялись родители и дети, родные братья. Численность юганских поселенцев на Демьянке соответственно постоянно колебалась в результате этих перемещений, но вряд ли выходила за пределы 150 чел. Способствовали непрекращавшимся переездам и трудности содержания домашних оленей на демьянской территории: недостаток хороших пастбищ, опасное соседство местных стад диких оленей и сопровождавших их стай волков. Кроме того, домашние олени нередко сами убегали обратно на Юган. Для поддержки поголовья хантам приходилось периодически покупать оленей на соседних территориях, устраивать протяженные деревянные заграждения, уделять много сил и времени призору за животными. В 1960-е гг. поголовье домашних оленей у демьянских юганцев значительно сократилось, а к середине 1970-х гг. оно практически угагло. Примечательно, что аналогичный процесс почти синхронно произошел и на Бол. Югане. Однако эти события, приведшие к существенному снижению пространственной мобильности юганцев, были уже предвестниками следующего этапа истории их адаптации на новых землях.

Подводя итог данного исследования, отметим, что на протяжении первых двух этапов освоения демьянской территории юганскими хантами был осуществлен лишь начальный уровень установления контроля над пространством, включивший практику свободного передвижения по территории, познание ее условий и географии, активное потребление местных природных ресурсов и основание поселений. При этом Демьянка продолжала оставаться для юганцев в общем смысле чужой землей: местом сезонного промысла, временным (пусть даже на продолжительный период) убежищем на случай серьезных проблем. На Югане находились священные места и могилы предков, там жили близкие родственники, и именно там пока была их родина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАСО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 565.
ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21; Ф. 107. Оп. 1. Д. 1390.
ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 332; Ф. 788. Оп. 1. Д. 4.
Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929): Сб. док. / Сост. Е.И. Гололобов. Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005. 290 с.
Протоколы собраний рыбацкой артели им. Кирова Сургутского района // Фонды Угутского краеведческого музея им. П.С. Бахлыкова. Инв. № 935.
Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. М.: Картография, 2003. Т. 1. 98 с.
Сводные материалы полевых сборов по Уватскому району, 2000–2012 гг. / В.Н. Адаев
ЦДННАО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 2, 8.

Литература

- Адаев В.Н. В поисках священного (сакральное освоение территории р. Демьянка хантами в XX в.) // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных зонах Российской Федерации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 6–10.
Балкашин М.И. Казенные лесные дачи Тарского уезда Тобольской губернии: Материалы к изучению колонизационных районов Азиатской России / Под ред. проф. К.Д. Глинки. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1911. 31 с.

Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: хозяйственное освоение...

- Визгалов Г.П. Населенные места Салымского края. Екатеринбург, 2006. 304 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
- Куклин С.А. Охотничьи заказники Уральской области в начале 1927 года // Урал. охотник. 1927. № 11. С. 25–30.
- Мартин Ф.Р. Сибирика: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2004. 144 с.
- Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Тип. РАН, 1998. 236 с.
- Патканов С.К. По Демьянке: Бытовой и экономический очерк // С.К. Патканов. Соч.: В 2 т. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 123–183.
- Пирожников Г.А. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север: Ист.-краевед. сб. Сургут: Северо-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. 250 с.
- Редикульцев В.Ф. Марш-бросок трудармейца Саторина // Тюм. изв. 2004. 13 мая. С. 15.
- Салымский край: Науч.-худож. изд. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.
- Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 326 с.
- Фатеев В. В краю таежном: Очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района. Омск: Омич, 1996. 208 с.
- Шухов И.Н. Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Тр. Сиб. ветеринар. ин-та. Омск, 1927. Вып. 8. С. 201–207.
- Шухов И.Н. Охотничий промысел в Северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. 2. С. 33–98.
- Чилим И. Юганская «война» // Урал. рабочий. 1926. 15 янв.

Тюмень, ИПОС СО РАН,
whitebird4@yandex.ru

The article considers a migration process of Ugansk Khanty into basin of the Demyanka river and formation of a new local ethnic group. The paper reconstructs stages and chronology of the migration, as well as the initial adaptation of Khanty on the new territory. The obtained information makes it possible to establish motives of the migration, migration routes, and history of emergence of certain family names on the Demyanka territory.

Ugansk Khanty, the Demyanka basin, migration, cultural adaptation, identity, local ethnic group.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АЛЯСКИ: КУЛЬТУРНЫЙ СДВИГ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭТНИЧНОСТЬ

П.А. Филин

Статья посвящена проблемам заимствования культурных традиций коренными народами Аляски. В основу исследования положены материалы экспедиции Л.А. Загоскина 1841–1843 гг. и полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиции по следам Л.А. Загоскина в 2009 г. В 40-х гг. XIX в. наблюдался быстрый процесс заимствования коренными народами бытовых элементов из русской культуры. Распространение православия и оседлости принципиально изменили культурные паттерны в жизни местных племен. Активное бытование заимствований зафиксировано автором и на современном этапе (в языке, духовной культуре, элементах быта — постройках, захоронениях, одежде и др.). Ряд общин считают православие основой своей идентичности. Таким образом, в диахронии наблюдается процесс смены культурной парадигмы, который не приводит к утрате этнической идентичности, более того, заимствованные элементы становятся ее основой.

Аляска, коренные народы, атабаски, эскимосы-юпик, Российско-американская компания, Загоскин, русские заимствования, культурный сдвиг.

Летом 2009 г. состоялась международная экспедиция «По следам Лаврентия Загоскина. Юкон-2009». Экспедиция повторила часть исторического маршрута по р. Юкон исследователя Аляски Лаврентия Алексеевича Загоскина (1808–1890), русского офицера, который в течение двух лет в 1840-х гг., пешком, на лодках и собачьих упряжках, прошел 5000 км, исследовал и положил на карту среднее и нижнее течение крупнейших рек Юкон и Кускоквим. Длина пройденного в 2009 г. маршрута составила около 1400 км (рис. 1).

Рис. 1. Маршрут экспедиции «Юкон-2009» по Аляске

Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски...

Экспедиция проходила под руководством известного путешественника, героя России, почетного полярника Михаила Малахова. В рамках данной экспедиции автор являлся научным руководителем исследовательских работ¹.

Экспедиция имела следующие основные цели:

1. Выявление и изучение русских заимствований в современной культуре коренного населения Аляски.
2. Сравнительное этнографическое описание того, что видел Загоскин, с современным состоянием общин коренных народов.
3. Сбор материалов для создания музея, посвященного Русской Америке, на базе сохранившегося дома Загоскина в г. Рязани.

Формат экспедиции (сплав на байдарках) не позволял надолго задерживаться в населенных пунктах (обычно пребывание в поселках продолжалось от нескольких часов до 1–2 дней). В связи с этим основными методами исследований являлись наблюдение, сбор статистической информации в администрации поселков (*tribal office*) и полуструктурированные опросы и беседы с лидерами местных общин. Несмотря на то что в ходе экспедиции не было возможности провести глубинные исследования, благодаря широкому охвату территории удалось выявить и зафиксировать крайне любопытные этнографические факты, а также обозначить перспективные направления для дальнейших исследований.

Местное сообщество глазами Л. Загоскина. Фиксация культурного сдвига

Лаврентий Загоскин являлся пионером освоения внутренних территорий Северной Аляски. До него на данной территории фактически были лишь единицы русских и креолов; совсем недавно стали появляться постоянные поселения Российско-американской компании — Нулато на Квихпаке, Икогмют (совр. Рашен Мишен), Колмаковский редут и Хулитновская одиночка на Кускоквие. Ценность наблюдений Загоскина заключается в том, что он застал местные племена в момент самого начала контакта с европейской (русской) цивилизацией. При этом его труд содержит как описание племен до контакта, так и описание собственно этого процесса и его первых итогов.

Не вдаваясь в этнографические подробности традиционного быта различных племен до начала контакта, отметим, что Загоскин неоднократно испытывал ощущение «культурного шока» от встречи с «дикарями». Загоскин застал местные сообщества кочующими (летние и зимние *жила*), живущими в традиционных жилищах (*бабробрах*), собирающимися для различных общественных целей в больших постройках — *кажимах*, использующими народные средства гигиены и носящими традиционные одежды, соблюдающими свои, непонятные европейцу, ритуалы.

Вот несколько примеров описаний Загоскина: «Степень чистоты приготовления пищи туземцами можно выразить словами Крашенинникова о коряках: “Котлы и лотки у них, вместо мытья, лижут собаки. Бабы и собак бьют уполовником, и в котле мешают”. Впрочем, опрятность здесь понимают: посуду и руки женщина перед стряпаньем моет в квашеной человеческой урине, потом обливает водой или обтирает снегом. Мы не научили их готовить и употреблять мыло и потому не можем осуждать, что от грязи они очищаются по-своему» [1956, с. 97]. Или: «Для входа в зимники выкапывается в земле узкий и низкий коридор, сажени в полторы или две длиной. Коридоры, или, вернее, сени, обставляются тыном и также обваливаются землей. Проход в зимник через такие сени возможен не иначе, как ползком по нечистоте, невообразимой для просвещенного человека и невыразимой словами: тут собачий кал, замерзшая человеческая урина, пепел, кости, шерсть и пр.». «Вползя с 32° мороза в кажим, 2,5 сажени в квадрате и с лишком 40° тепла, вскоре после обращения его из бани в гостиную, набитый по крайности 40 человеками мужчин, оканчивавших свой туалет, у меня захватило дух от едкой жидкости, которой туземцы недавно мылись,— я был еще новичок» [Там же, с. 129].

Пример описания ритуала: «...молодые туземцы, выдернув из кос ястребиные перья и держа их в обеих руках, запели одну из незнакомых нам песен, слегка наклонясь всем телом вперед и в такт голоса приступая на правую ногу; средний, пожилых лет со всклокоченными, орлиным пухом посыпанными волосами, после первых звуков начал дико озираться во все стороны, скоро зашатался и в судорожных движениях сначала бормотал какие-то слова, потом залаял, затыкал, завыл по-волчьи, закричал по-вороньи, по-сорочьи...; пена клубом била из его рта... Пляска продолжалась минут десять, и дикари уехали» [Там же, с. 163] (р-н Нулато). «Все

¹ Работы на Аляске по разработанной методике были продолжены в 2010–2012 гг.

общественные или частные увеселения устраиваются в кажимах... Невзирая ни на какой жар, ни при каких обстоятельствах ни в кажиме, ни у себя в зимнике, я не видал женщин в натуральном костюме. Напротив, мужчины запросто в кажимах или при плясках наиболее являются совершенно в природном виде, но соблюдая условное приличие» [Загоскин, 1956, с. 100–101] (Михайловский редут).

В то же время Загоскин к моменту своего приезда уже наблюдал некоторые элементы европейской культуры: «В заливе Нортон русские при водворении нашли туземцев на той же степени просвещения, на которой они и поныне находятся. При основании редута туземцы знали употребление табака, железа, имели котлы, ножи, копыя, огниво. Откуда? Частью с юга, из нашего Александровского редута, в заливе Бристоль, но большей частью из Колымы, через посредство чукчей и последовательную передачу» [Там же, с. 76].

По мере включения в местное сообщество Загоскин начинает фиксировать происходящий на его глазах процесс контакта: «Со времени основания Михайловского редута и заселений, учрежденных по Квихпаку, физический быт туземцев осмотренных нами мест, видимо, улучшился. Не упоминая о предметах роскоши, к которым можно причислить и табак, употреблению которого они научились с севера от чукчей, а с юга от наших поселений при берегах Великого океана, мы приведем, что не прошло еще 10 лет, как туземцы оставили каменные топоры, каменные ножницы или пеколки, палочки для доставания огня, костяные иглы и многие другие предметы, заменив их европейскими. Некоторые, убежденные опытом в удобствах наших материи и одежды, где видят умеренность цен, охотно берут рубахи, брюки, шапки, одеяла и прочее. ...Приморцы кухонную посуду, состоящую в медных и железных котлах, кружках, ковшах и пр., ввели у себя во всеобщее употребление со времени основания Михайловского редута; до того лепили горшки, как то и теперь ведется на Квихпаке и Кускоквине» [Там же, с. 197–198].

Загоскин отмечает проникновение русских песен и плясок в традиционную культуру: «Русский человек со своими нравами, привычками, верованием занес на север и русскую песню. Несколько раз мне удавалось слышать молодых туземок, распевающих чисто: “Я по сенюшка гуляла”, “В темном лесе” или “В осемьсот третьем году, на Кадьяке острову” — песню, сложенную промышленниками былых годов на возврат Баранова из Ситхи. Конечно, они не все понимают, что поют, но тем объясняются их музыкальные наклонности. Некоторые мастерски отпрыгивают и казачка, но так, частно, не в обществе» [Там же, с. 100] (Михайловский редут).

В то же время отношение к русским оставалось как к чужакам: «Доселе кускоквимские старожилы помнят военное хозяйничество косяков, приходивших к ним с Илямны. В верховье этого озера, близ нынешней одиночки Слатин, и теперь, по рассказам туземцев, видны срубы изб, построенных в те времена промышленниками». Косяк — от слова «казак», «под которым русские известны вообще всем диким народам северо-западной Америки» [Там же, с. 44]. Кроме того, считалось за удачу у русского что-нибудь украсть. Загоскин отмечает некоторые суеверия, связанные с русскими: «Несмотря на то, что туземцы Приморья оставили многие свои суеверия и во многом обрусели, колоть белуг еще не решились железом. Металл этот считается нечистым, потому что идет от русских» [Там же, с. 93]. Загоскин зафиксировал и такой этнографический факт: «Так, многие из них при заселении русских в Михайловском редуте хвастались своим землякам, что вошли в сношения с духом русских, который с тех пор почитается сильнейшим» [Там же, с. 104]. Важным моментом прихода русских было прекращение междоусобных войн: «Нам также известно, что во всех местах, в которых основываются заселения Компании на материке, междоусобные вражды туземцев потухают сами собой или прекращаются посредством русских» [Там же, с. 281]. Кстати, подобный процесс отмечался и в Сибири в XVII в., где по актовым документам данного периода зафиксированы многочисленные междоусобные войны, прекращавшиеся с установлением и укреплением государственной власти Москвы [Обдорский край..., 2004].

В процессе принятия европейских/русских традиций особую роль играли местные посредники-торговцы. Вот один из примеров: «Кантельнук, “Бесчашный” (имя нашего знакомца) — один из важнейших торговцев с редутом Колмакова, в сообщениях с русскими занял некоторые наши обычаи. В чистом обширном его кажиме мы нашли скамейки и стулья, а самого в полном европейском наряде, то есть в рубахе, в нижнем платье и картузе: доказательство, что туземцы в домашнем быту начинают понимать удобство нашей одежды... В кажиме мы нашли особое украшение — люстру, весьма замысловато сделанную из таловых обручей; в ней горело шесть жирников» [Загоскин, 1956, с. 236–237].

Мощными проводниками новой культуры являлись приказчики-креолы. «...До нашего обзора... один человек — говорим о С. Лукине — успел многих дикарей и просветить светом христианства, и ввести между ними такой порядок, всякое изменение которого не приведет к лучшему; вспомним, что этот человек — креол, безо всякого научного воспитания. Не достоин ли он полного уважения?» [Загоскин, 1956, с. 257].

Наиболее важным фактором принятия новых культурных явлений, согласно Загоскину, было распространение христианства. По этому поводу в его книге можно встретить удивительный пассаж: «Обширное поле остается после нашей скудной жатвы тому, кто будет иметь более средств и способностей к описанию нравов и обычаев народа, с которого нам удалось приподнять завесу. Если захотим сохранить память их первобытной жизни, не мешает поторопиться: с распространением христианства, в столкновении с нашим образом жизни туземцы так скоро теряют народность, что через десяток-другой лет старики будут таить или стыдиться рассказывать прежние свои обычаи, поверья и прочее, и весь общественный быт их изменится (выделено нами. — П.Ф.). В настоящее время мы заметили это на Кускоквиге у новокрещеных. Это же видим у алеутов и кадьякцев» [Там же, с. 233–234].

«В главнейших наших заселениях в колониях, как и в столицах, тип народности сглажен. Алеуты ходят в куртках и сюртуках, жены их и дочери в ситцевых платьях и камлеях, то есть длинных тиковых или китайчатых рубашках, обшитых по вороту и подолу красным сукном; замужние, под опасением греха, всегда ходят с покрытой головой; девушки — с распущенными волосами, перевязанными у затылка лентой. Сильнейшая страсть последних — выйти замуж за русского или даже креола, или, иными словами, выйти из родового своего сословия. Несмотря на грамоту, алеуты Уналашкинского отдела прежде своих собратий утратят народность. Особое составление словосочинения языка, благодетельное в настоящем, не может быть упрочено в будущем: христианская вера сблизила алеутов по духу с нами; наши обычаи перенимаются ими с жадностью; введение обучения русскому языку доставило бы им более источников к образованности и облегчило бы непосредственные с ними сношения колониального начальства» [Там же, с. 54].

Подводя итог описанию культурного сдвига, наблюдавшегося Загоскиным, можно отметить следующее:

— первый этап влияния — посредством чукотской торговли не привел к кардинальным изменениям в структуре сообщества;

— второй этап — появление постоянных поселений Российско-американской компании на территории. Отмечается поразительно высокая скорость культурных изменений. В течение одного поколения старые традиции утрачиваются, появляются новые культурные формы. При этом скорость принятия традиций и мощность воздействия трудносопоставима с единичностью русского населения на фоне многотысячного местного населения;

— третий этап — планомерное освоение территории и принятие местным населением христианства. Распространение христианства привело к смене идеологии и культурных ценностей. В соответствии с Загоскиным, происходила «утрата народности».

Местное сообщество на современном этапе (по итогам наблюдений 2009 г.)

Социально-экономические условия. Большинство обследованных поселений малонаселенные — 200–500 жителей, в этническом плане отличаются высокой степенью моноэтничности (90–95 % — коренные жители). Поселки полностью отрезаны от других поселений (только авиасвязь, за исключением Manley Hot Springs). Для жителей поселков характерна четкая самоидентификация по этническому признаку и разделение на своих и чужих. Так, в п. Анвиг на Юконе практически все, с кем мы общались, не преминули сообщить, что дальше вниз по течению начнется территория юпиков и мы увидим совершенно другую, в отличие от них — атабасков, культуру².

В период с 50–70-х гг. XX в. шел процесс сокращения числа населенных пунктов и их укрупнения. За указанный период число населенных пунктов сократилось в 2 раза. Причем населенный пункт, как правило, прекращал существование после того, как в нем закрывали школу.

Основное занятие коренных народов — самообеспечение («self-subsistence») — охота и рыболовство. Местным жителям разрешено ловить рыбу сетями практически без ограничений, но без права продажи рыбы. При желании можно взять лицензию на коммерческий лов рыбы и

² На практике отличия культур в значительной мере стерты и выявляются только при применении специальных методов исследования.

занияться бизнесом. Важными источниками дохода являются заработки на вахтах, а также доходы, получаемые от деятельности корпораций коренных народов, образованных в 1970-х гг. в рамках закона о признании исков коренных народов. Интересно, что для доказательства прав коренных народов на землю в качестве источника привлекались труды Л. Загоскина.

На родных языках говорят единицы, в основном старшее поколение. Люди среднего возраста могут понимать язык, но говорят крайне редко. Молодежь, несмотря на обязательное обучение языку в школе, знает лишь отдельные слова и предложения.

Во всех селах отмечается высокий уровень технической оснащенности домохозяйств. Все семьи имеют квадроцикл, снегоход, дюралевую лодку с мотором (чаще в нескольких экземплярах). В селах эскимосов можно встретить множество сломанной техники. При этом официально регистрируемый уровень доходов низкий (в среднем 30–40 тыс. дол. в год на домохозяйство). Среди коренных народов сильны иждивенческие настроения: «Трудно понять, почему правительство нас содержит,— да, наверное, из стратегических соображений. Аляска сейчас абсолютно убыточна, и многое, что здесь делается, не имеет прямого смысла (т.е. экономического смысла)» — из рассказа жителя п. Галена на р. Юкон.

Поселки оснащены современной инфраструктурой — аэропорт, освещение, связь, здание почты, медпункта (больницы), огромные школы, магазин, community hall (клуб), церковь. Как правило, в поселках рядовая планировка вдоль улицы, дома представляют собой одноэтажные деревянные срубы, обшитые сайдингом, или более современные щитовые дома. Рядом с домом располагается, как правило, несколько хозяйственных построек. Участки между домами не огорожены. Летняя одежда типично американская — джинсы, футболка, кепка и кроссовки. В пищевом районе значительную часть составляют местные продукты — прежде всего рыба, дичь, ягоды.

Основные этнические группы. Исследования проводились на территории проживания двух этнических групп: атабаски (коюконы, ингалики) и эскимосы-юпик, незначительно — эскимосы-инупиат.

Сплаваясь по р. Юкон, мы обратили внимание на наличие четкой в этнокультурном плане границы между двумя группами — атабасков и юпиков. Пограничным пунктом является п. Холи Кросс со смешанным населением, но преимущественно эскимосским.

При беглом осмотре поселков человеком, не погруженным в проблемы этнографии, внешние различия между атабасками среднего течения Юкона и юпиками нижнего течения практически не видны, тем не менее они имеются. Наиболее заметные отличия: 1) разные языки; 2) ориентация на разные биоресурсы: атабаски — река и лес, юпики — река — море — лес — тундра (отсюда, кстати, разные типы лодок — у атабасков современные плоскодонки, у юпиков — более килеватые лодки для выхода в море); 3) у юпиков распространена традиция строить и париться в банях (маккивик), у атабасков — душ в доме; 4) существенно большее число культурных заимствований от русских у юпиков и меньшее у атабасков.

В ходе сплава по Юкону автор собирал демографическую статистику и обратил внимание на интересную деталь: в поселениях атабасков заметно меньше детей, чем у юпиков, различается и динамика численности в этих этнических группах за последние 8 лет. У атабасков за период 2000–2008 гг. она отрицательная и по всем населенным пунктам варьируется в узких пределах — от -11,3 до -13 %. В отличие от атабасков, в поселениях эскимосов по р. Юкон динамика численности положительная и варьируется от +9,4 до +9,6 %.

Удивительно, что столь принципиальная разница демографических тенденций проявилась у двух соседствующих групп, живущих в сходных условиях на одной реке (Юкон) и ведущих схожий образ жизни. С целью изучения данного явления автор провел анализ динамики численности населения за период 2000–2009 гг. по населенным пунктам Аляски. За основу для анализа были взяты данные U.S. Census Bureau [Annual Estimates..., 2009]. При картографировании полученных значений обнаружилось, что карта их распределения практически точно совпала с этнической картой Аляски (рис. 2, 3).

Полученный результат крайне странный. Он может свидетельствовать о следующем: 1) либо о странностях учета населения на Аляске, фактически — неких проблемах в методологии подсчета; 2) либо о том, что, действительно, у этнических групп, живущих в сходных условиях, могут проявляться разные демографические стратегии. Этот результат требует тщательной проверки и, несомненно, заслуживает серьезного изучения и этнодемографического анализа.

Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски...

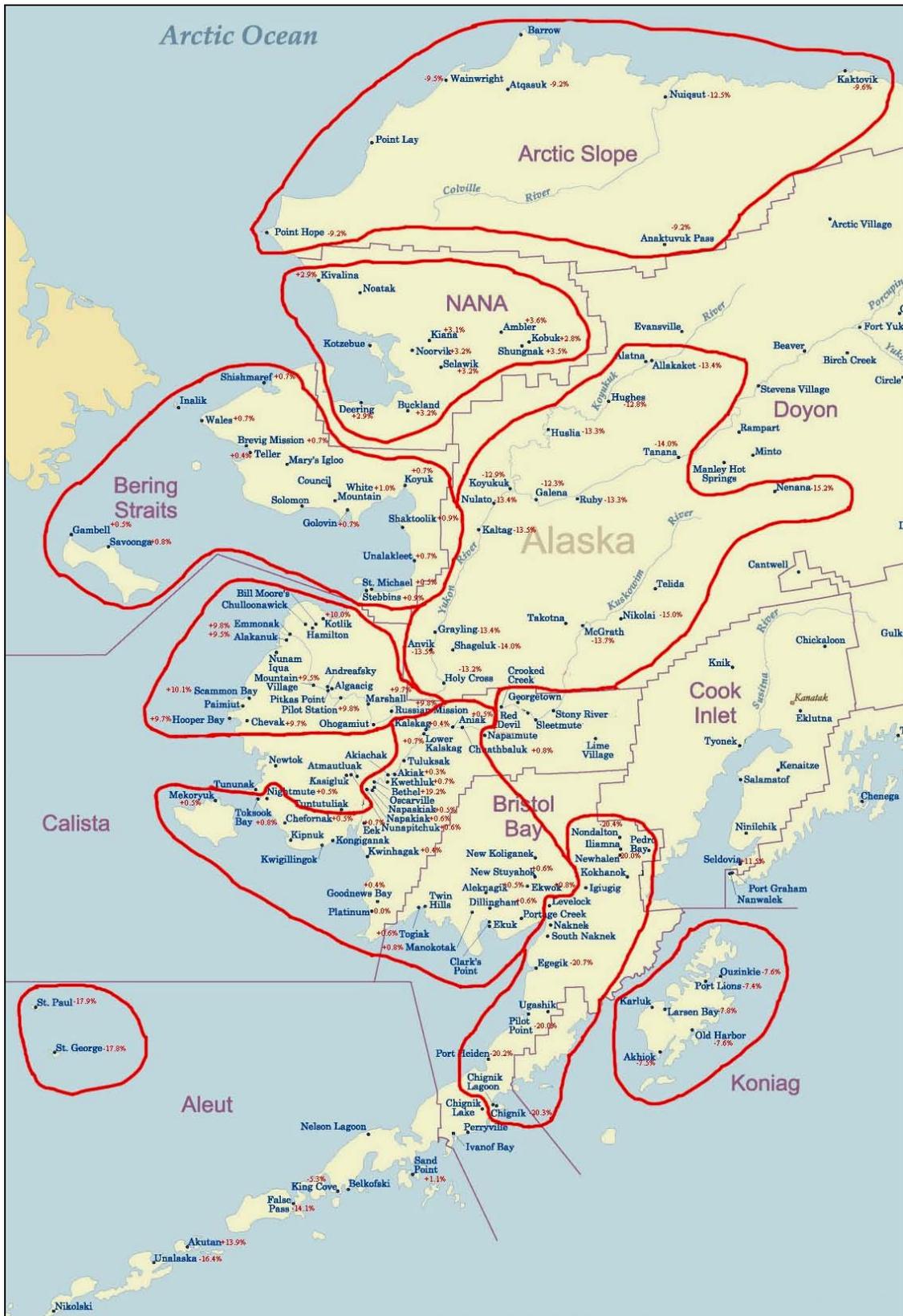

Рис. 2. Географическое распределение значений динамики численности населения в населенных пунктах Аляски, 2000–2009 гг.

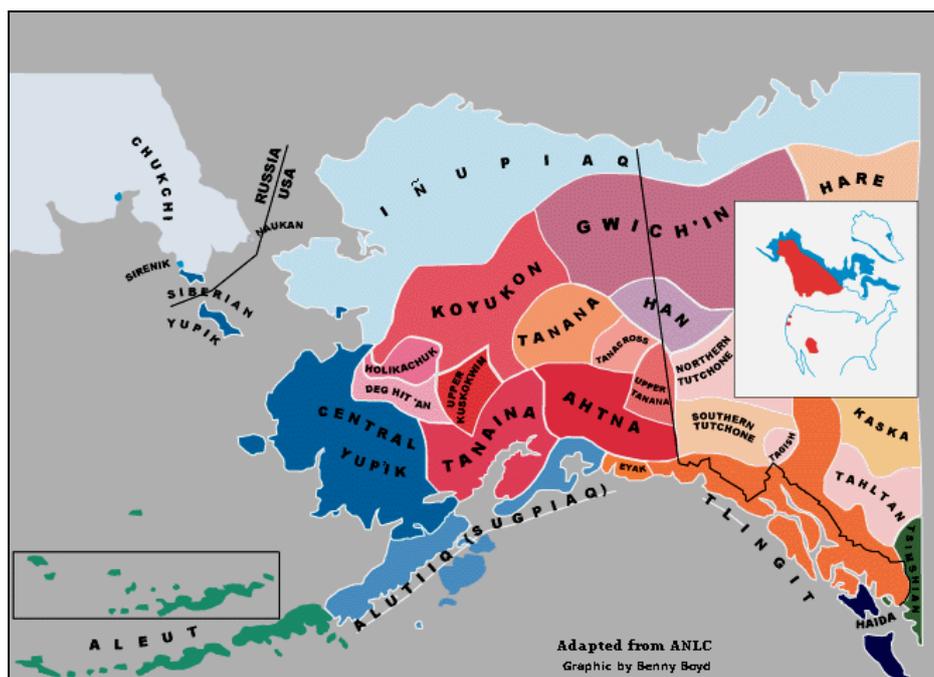

Рис. 3. Основные этнические группы Аляски

Традиционная культура. За последние 100 лет культура коренных народов претерпела кардинальные изменения: от кочевания в середине XIX в. и использования каменных орудий к оседлому хозяйству и новейшим техническим средствам к концу XX в. В воздействии на культуру местного населения выделяется два основных этапа: русский (40–60-е гг. XIX в.) и американский (с 1867 г.). На современном этапе большинство традиций, которые описывают исследователи XIX в., утрачены. Национальные языки практически забыты (говорят только старшие), дети изучают язык в школе, что является формальностью. Быт и одежда американизированы. Сохранился пласт культуры, связанный с традиционными промыслами.

Среди явлений традиционной культуры активно функционирует *потлач*, представляющий собой традиционный обряд поминовения с раздачей подарков, традиционными танцами и песнопениями, большим столом с яствами. Экспедиция подробно зафиксировала обряд потлача в п. Танана. Метод «вживания», примененный в ходе экспедиции, натолкнул на интересную и перспективную мысль о функции и значении потлача. Известно, что важнейшей частью процедуры потлача является широкая раздача всего накопленного имущества. О смысле этой процедуры есть разные мнения (способ «закабаления», повышения собственного престижа, ритуальной духовной практики и др.). Достаточно сложные бытовые условия экспедиции, постоянные перемещения и желание свести к минимуму объем перевозимой клади привели к следующему логическому рассуждению. Потлач был широко распространен в эпоху, когда племена были кочевыми, семьи постоянно перемещались и не имели стационарной базы. Еще Загоскин отмечал, что «...туземец, зная, что куда ни придет, везде будет накормлен, не возит с собой много пищи — две-три юколы и только». В условиях постоянного перемещения имущество является обузой. Вполне возможно, что было существенно выгоднее обменять это имущество на «активы долга», когда одаренный чем-либо человек чувствовал необходимость отблагодарить. Таким образом, раздавая имущество, человек создавал на большой территории подобие сетевой системы, в рамках которой он всегда мог рассчитывать на помощь, почет и уважение. С переходом к оседлому образу жизни, вполне вероятно, такой «утилитарный» смысл потлача был утрачен, но он сохранен как традиция и ритуализирован.

Религиозные конфессии. В регионе исследования представлены различные церкви и направления в христианстве, среди которых ключевую роль играют Католическая, Епископальная, Православная церкви, различные протестантские — Ковенант, Библейская церковь, баптисты и др. При этом в ряде сел ведущая роль принадлежит православию (Russian Mission, Marshall, Pitka's Point, значительные православные общины в Pilot Station, Mountain Village, St. Michael и

Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски...

др.). Православные общины имеются преимущественно в селах эскимосов. Среди племен атабасков православие распространено на Кускоквиге. В селах атабасков, располагающихся выше по течению Юкона, православие на современном этапе практически нигде не представлено. Ведущую роль здесь играют Католическая и Епископальная церкви.

Русские заимствования. Результаты исследования показали следующее. Несмотря на то что русский этап на Юконе был по продолжительности совсем незначительным (40–60 е гг. XIX в.), многие влияния русской культуры сохранились до нашего времени и играют активную роль в жизни коренных народов. Далее перечислены основные виды заимствований. В рамках данной статьи они лишь обозначены. По каждому виду заимствований требуются дополнительные работы, которые вполне могут стать темами самостоятельных исследований.

1. *Заимствования в языке.* В ходе экспедиции собран небольшой словарь русских слов, бытующих в народной культуре. В одном из Tribal Office на территории Юпик встретился современный перекидной календарь, где дни недели названы по-русски. Вопрос о русских заимствованиях в языках коренных народов сейчас является темой интенсивных исследований лингвистов (М. Краусс, А. Кибрик, Е. Головки), и можно надеяться, что в ближайшем будущем по этой теме появятся серьезные работы.

В п. Russian Mission среди документов местной церкви обнаружены тетради священника, в которых православные молитвы записаны на языке юпик с использованием кириллицы (рис. 4). В целом история кириллической письменности для языков коренных народов Аляски требует более глубокой проработки. Остаются открытыми вопросы масштабов и периодизации истории использования русской графики, и в частности вопрос о том, пользовались ли русской графикой только миссионеры/священники или также миряне.

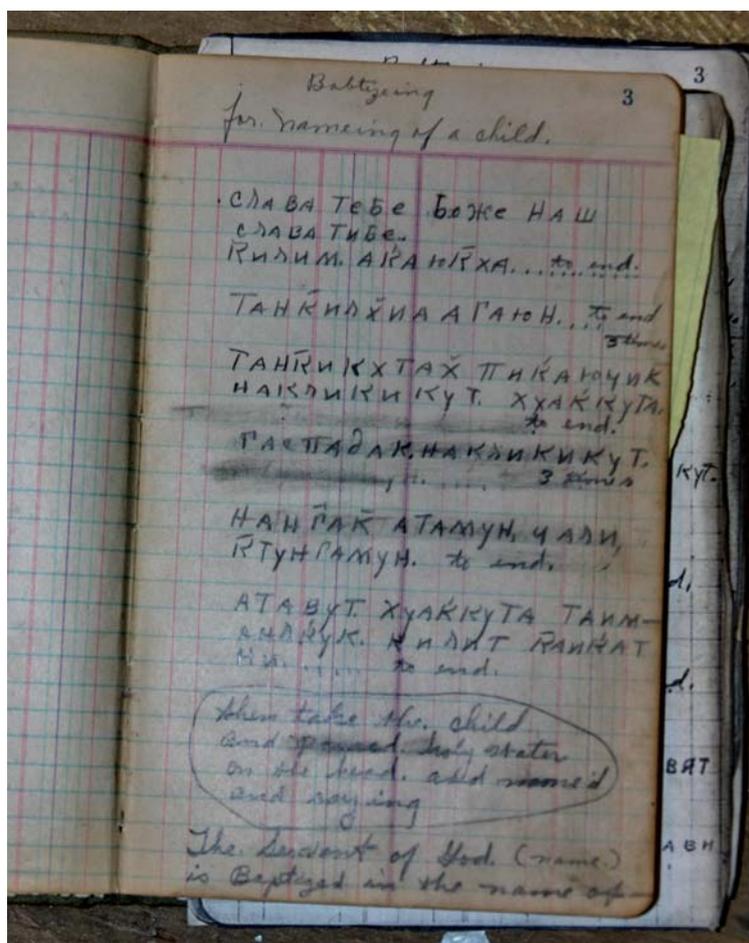

Рис. 4. Из дневника православного священника эскимоса (50-е гг. XX в., п. Russian Mission). Текст молитвы на русском, юпик и английском

2. *Широкое распространение русских фамилий и имен.* В изучаемом районе (среднее, нижнее течение Юкона) среди атабасков наиболее распространенными фамилиями являются Nikolai, Alexie, Esmailka, Kriska, Yaska, Pitka, Waskey, Egnaty, Evan (Ivan), Demientief и др. У эскимосов нижнего течения Юкона и залива Нортон — Kozevnikoff, Belkoff, Shelikoff, Odinzoff, Mercurief, Ivanoff, Fitka, Pitka и др. Интересно, что роль фамилий зачастую выполняют русские имена. Достаточно легкому вхождению русских имен способствовали и местные традиции. Загоскин отмечал: «В течение жизни туземец меняет несколько раз свое имя, смотря по тому, сколько он сделал больших поминок по умершим: многие с охотой удерживают данные им от русских прозвища. Соседи с редутами все помнят и называют себя именами, полученными при святом крещении» [1956, с. 248]. В перспективе требуется фиксация основных русских фамилий в масштабах Аляски, их картографирование с целью выявления родственных межрегиональных связей, что, в свою очередь, может способствовать пониманию межкультурных взаимодействий на Аляске.

3. *Заимствования в религиозной жизни.* Ключевую роль в распространении православия во внутренних регионах Аляски сыграли православные миссионеры из креолов. Как правило, они были и проводниками русских традиций. Зафиксированы случаи осознанного принятия православия общинами, которые, вероятно, никогда не контактировали с русскими,— таковой является община верхнекусоквимцев в п. Николай. По данным исследователя языка верхнекусоквимцев А. Кибрика, «православие, которое было, по-видимому, поголовно принято верхнекусоквимцами в середине XIX века, составляет сейчас единственный зримый компонент их традиционной культуры» [2008, с. 143].

Известен факт широкого распространения православия, которое активно стало распространяться после продажи Аляски как способ сопротивления сегрегации и насильственной американизации (знание церковно-славянских текстов молитв — зафиксировано знание Иисусовой молитвы, широкое распространение православных икон (современных печатных), православные праздники, православные песнопения на русском, рождественские колядки и пр.).

Большинство сохранившихся зданий православных церквей были возведены уже после продажи Аляски. В регионе исследования почти все они построены в XX в. Как правило, это либо срубы, обшитые фанерой, выкрашенной в белый цвет, с голубым куполом-маковкой на крыше, либо современные панельно-щитовые дома также традиционно белого цвета с голубым куполом, например новая церковь в Russian Mission и в Marsall (рис. 5). Интересно, что, по отзывам местных жителей, Православная церковь на Аляске на современном этапе развивается наиболее динамично. Так, в п. Marshall новая православная церковь строилась при наличии еще одного здания церкви. Местный священник отметил, что все больше детей крестят в православии.

Рис. 5. Церковь и кладбище в п. Russian Mission

Всего сейчас на Аляске немногим более 100 православных церквей, из них 30 значатся в Реестре исторических мест Службы национальных парков (National Register Of Historic Places) и 6 имеют статус Historic Landmarks (данные инвентаризации 1979 г.), кроме того порядка 65 церквей не значатся как объекты культурного наследия.

Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски...

Попытка картографирования местоположения церквей показывает территорию наиболее интенсивного влияния православной и русской культуры — это береговые зоны и территория расселения эскимосов-юпик и частично территория атабасков на Северной Аляске.

Здания церквей других конфессий, как правило, также выполнены в виде срубов. Установить их возраст достаточно затруднительно. Вполне возможно, некоторые из них построены еще в XIX в. Имеются свидетельства, что для постройки церквей неправославных конфессий уже после продажи Аляски привлекались русские мастера.

Важно отметить, что на современном этапе ряд общин коренных народов (Russian Mission, Nikolai и др.) считают, что именно православие является основой идентичности их сообществ. На вопрос о том, чем они отличаются от других народов Аляски, они говорят, что именно православными традициями.

Особо следует отметить заимствования в похоронном обряде. К таковым относится бытование православных восьмиконечных крестов и оградок на могилах (рис. 5). Восьмиконечные кресты, как правило, делаются правильных, красивых пропорций, хотя появляются и разные «вольности». Наличие оградок само по себе очень интересно. Ограды не свойственны неземледельческим культурам, к которым относятся группы коренных народов Аляски, в поселках они встречаются крайне редко — в основном на кладбищах. Это очевидное русское заимствование, переосмысленное местной культурой. Для могил характерны украшения разными пластиковыми цветочками и венками, что делает кладбище как две капли воды похожим на обычное среднерусское кладбище. Возникает вопрос — как в культуре столь далекой, подвергавшейся влиянию русской культуры не более 30 лет и далее никогда не соприкасавшейся с последней, могли сформироваться настолько «чистые» ее формы?

Еще одним удивительным проявлением русских заимствований является бытование на Аляске у коренных народов «домов мертвых». Как правило, это маленькая постройка в виде домика, размером в длину около 1,5–2 м, в ширину 0,5–1 м, в высоту до 0,5 м, с двускатной крышей (рис. 6). Иногда крыша снабжается подобием резного фриза и коньками-охлупнями. Данные постройки обычно красятся в яркие цвета. Такие надгробия нам встречались преимущественно на территории юпиков. Очень интересный комплекс «домов мертвых», сходных с русскими домовинами, сохранился в Еклутне недалеко от Анкориджа. Очевидно, что подобные надгробные памятники являются заимствованием, скорее всего северорусским. Во-первых, в традиционной кочевой культуре не могла появиться сама идея дома с двускатной крышей. Во-вторых, такие постройки в точности копируют широко распространенные на Русском Севере домовины, являвшиеся важным атрибутом православной старообрядческой культуры. Бытование домовин в культуре народов Аляски является удивительным этнографическим фактом, требующим детального изучения и осмысления.

На территории атабасков бытуют несколько отличные от эскимосских домовин надгробные сооружения — те же «дома мертвых», но, как правило, представляющие собой куб из жести 1×1×1 м с четырехскатной крышей, шестом с флюгером или крестом. Интересно, что очень похожие могильные надгробия существовали у якутов (чардат).

4. *Заимствования в жилище и промысловых постройках* — срубные постройки, избы, лабазы. Большинство домов XX в. представляет собой срубные постройки. Их изучение затруднено тем, что большинство из них на современном этапе обшито сайдингом. По р. Юкон встречаются промысловые избы, грубо срубленные «в обло», с нечищенной корой, мощной крышей из бревен на самцах. На территории атабасков большинство деревянных домов срублены способом, отличным от отмеченного на территории нижнего Юкона. Как правило, используется четырехгранный брус, который соединяется шипами. Помимо изб встречались типичные для сибирского региона лабазы — небольшие срубные постройки на четырех высоких столбах для хранения провианта и его защиты от грызунов и других животных.

На данном этапе достаточно трудно говорить о прямом заимствовании русских сибирских технологий деревянного домостроения на Аляске, но элементы такого заимствования очевидны. Данная тема требует детального изучения и более глубокой проработки.

5. Сами по себе *поселки коренных народов* очень сильно напоминают сибирские деревни. Важно учесть, что изначально коренные народы были кочевыми и идея постоянного поселения впервые привнесена русскими колонистами. По всей видимости, именно они и сформировали облик и планировочную структуру современных поселков. Конечно, с течением времени многие из них подвергались существенной перепланировке, но общая идея сохранялась.

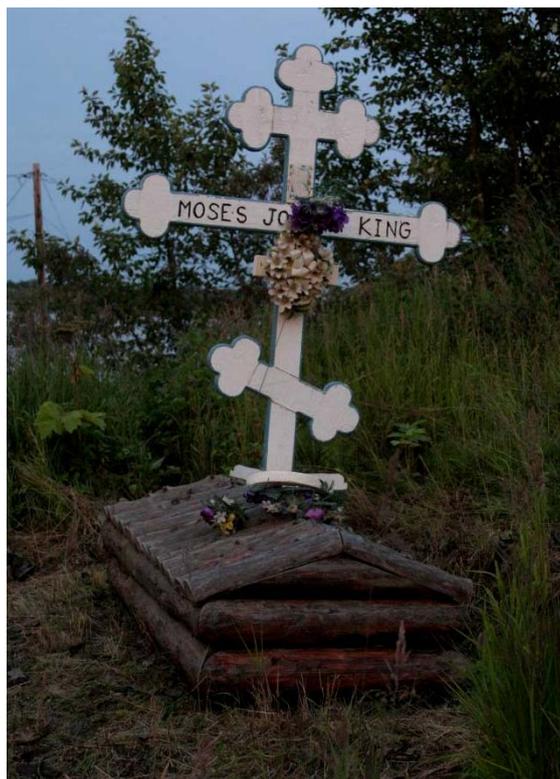

Рис. 6. Домовина на кладбище в п. Pilot Point

6. *Некоторые заимствования в бытовой культуре (бани).* Банная культура, по нашим наблюдениям, характерна для юпиков и совершенно не характерна для атабасков. На территории атабасков проблема решается наличием душа в доме. У юпиков до сих пор большой популярностью пользуются крохотные бани (по-местному, «макИвик»). Конструкция бани состоит из двух частей — предбанник примерно 2х2 м и парилка 1,8х2 м; высота в предбаннике 1,7 м, в парилке — 1,5 м. Стены сделаны из фанеры в два слоя, между которыми проложен пенопласт, пол — из фанеры. Из бревен бань почти нет, хотя, по-видимому, первоначально бани накатывались из бревен. Подобные бани нам встречались в Pitka's Point и Pilot Station. Печка в виде бочки с приваренной трубой, обложена камнями, и к ней примыкает котел на 15–20 л, постоянно кипящий. Рядом с котлом — емкость с водой, которая от общей жары почти горячая. Этой водой моются. В предбаннике — ведро с холодной водой. Баня натапливается «до безумия» (проверено автором). Моются в парилке, где температура явно больше +150°. В парилке можно сидеть только на полу, голову поднять невозможно: и жарко, и некуда — потолок. Юпики с явным удовольствием обсуждают, у кого самая жаркая баня. Еще Загоскин описывал, что эскимосы в своих традиционных полуземлянках-кажимах парились каждый день. В данном случае мы встретились с типом постройки, явно напоминающим русские бани. Возможно, под русским влиянием произошла трансформация традиции.

7. *Некоторые заимствования в одежде.* Несмотря на почти полную американизацию одежды (единый стиль для всех от мала до велика — джинсы, футболка, кепка, кроссовки), среди женщин старшего возраста распространено ношение головных уборов — платочков. Платки у женщин так и называются — *платок*. В Рашен Мишен нам назвали и другой вариант наименования головного убора — *бабушка*, но, возможно, это просто наложение двух логически связанных терминов.

8. Следует наметить еще ряд заимствований, которые зафиксированы, но в связи с экспресс-форматом исследования не могли стать предметом глубокого рассмотрения:

Распространение «русских историй» в традиционной устной фольклорной традиции.

Все эскимосы и атабаски обязательно говорят, что в них «течет русская кровь», и это считается предметом гордости.

Бытование огородов, выращивание картофеля. Загоскин писал, что «на картофель следует в здешнем месте смотреть как на благодеяние для всех окрестных племен» [1956, с. 176]. Широко эта традиция не распространилась, тем не менее изредка, в единичных случаях, нам встречались небольшие огороды с картофелем. Кстати, именно эти огороды были обнесены оградами — это второй случай их использования (помимо кладбищ).

Существование комплексов письменных источников на русском языке.

Широкое распространение русских микротопонимов и гидронимов на местности.

В ходе экспедиции сделано уникальное открытие — обнаружен комплекс метрических книг на русском языке, который содержит информацию по статистике и истории сел практически всей внутренней части Аляски. Данные книги не были известны научной общественности Америки и России. В состав комплекса входит порядка 30 книг периода 1852–1950-х гг. Первая книга (1852 г.) содержит автографы и, возможно, написана рукой священника Якова Нецветова, причисленного к лику святых Американской православной церковью. Последние книги, относящиеся к середине XX в., написаны на английском языке. До конца 30-х гг. XX в. книги велись на русском языке. После нашего посещения весь архив был перевезен в Анкоридж в «Orthodox museum». Недавно этот музей, к большому огорчению, был расформирован, и местонахождение уникального комплекса книг автору неизвестно.

Тем не менее предварительный анализ книг свидетельствует о том, что Аляска и после продажи оставалась в сфере интересов России: осуществлялась поддержка православных общин. Вплоть до конца XIX в. в поселки Аляски присылались отпечатанные типографским способом метрические гербовые книги, члены общин награждались грамотами и подарками из России, издавалась и привозилась духовная литература на русском и языках коренных народов с использованием русской графики.

Памятники истории русского освоения. На Аляске сохранилось большое число памятников истории русского освоения, многие из которых никак не изучены и не поставлены на охрану. В ходе экспедиции были выявлены могилы и могильные плиты русских колонистов (в Рашен Мишен), сохранились остатки русских фортов и одиночек (форт в Нулато, Рашен Мишен, Сент-Майкле, Колмаковский редут и др.). Требуется составление реестра объектов, связанных с русской колонизацией, нанесение их на карту и детальное изучение.

Основные выводы

1. В ходе экспедиции 2009 г. исследователи наблюдали традиции, несравнимые с тем, что описал Л. Загоскин. По его мнению, с принятием христианства местные племена должны были утратить свою «народность». Наше исследование свидетельствует о несколько ином процессе. Действительно, в результате контакта с европейской культурой от традиционной культуры не осталось практически ничего, принципиально изменилась идеология. Чтобы найти какие-то признаки культуры, описанной Загоскиным, требуются специализированные исследования. Тем не менее этничность не утрачена. Границы этнических групп и самоидентификация сохранены. Более того, православие, которое полностью изменило духовный мир коренных жителей, стало осознаваться ими как важнейший (а в некоторых случаях как основной) фактор национальной самоидентификации. Из данного наблюдения следует более глобальный вопрос: что же является основой идентичности? Почему при полной смене культурных ориентиров и реалий не произошла утрата идентичности? Возникает и провокационный вопрос в сфере национальной политики — а так ли уж связаны между собой национальная идентичность и традиционная культура?

2. Удивляют скорость и глубина проникновения новых традиций в культуру коренных народов в середине XIX в. при условии достаточно слабого внешнего воздействия. Число русских и креолов было несопоставимо с численностью местного населения. По данным Загоскина, на исследуемой территории проживало порядка 27 000 чел. Русских и креолов на этой же территории было не более трех десятков. Соотношение почти 1:1000.

3. На современном этапе в жизни коренных народов существует уникальный пласт культуры, заимствованный из русской культуры. После продажи Аляски ряд традиций подверглись сильной трансформации — языковые, некоторые бытовые явления (в частности, постройки); другие мало изменились (элементы похоронного обряда). Несомненно, что данная тема должна стать предметом целенаправленного, глубинного изучения.

4. В ходе анализа демографических тенденций за период 2000–2009 гг. обнаружено странное явление — той или иной этнической группе свойственна определенная тенденция измене-

ния численности. Данное наблюдение требует серьезного изучения — либо это ошибка в методике сбора и подсчета статистической информации, либо явление, характеризующее имманентные свойства этнической группы. Даже если две этнические группы проживают в сходных природно-географических и экономических условиях, ведут схожий образ жизни, они могут иметь разные демографические показатели. Данный вывод противоречит теории хозяйственно-культурных типов, с подобным явлением автор сталкивается впервые, и оно, несомненно, требует более глубокого изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956. 454 с.

Кибрик А.А. Русские заимствования в верхнекусоквимском языке и экспедиция Л.А. Загоскина // Русский путешественник и общественный деятель Лаврентий Загоскин: Исследования и материалы / Сост. Ю.Ю. Гордова, П.А. Филин; Отв. ред. Л.В. Чекурин. Рязань, 2008. С. 141–147.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. документов. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.

Annual Estimates of the Resident Population for Incorporated Places in Alaska: April 1, 2000 to July 1, 2009 // Places in Alaska listed alphabetically [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://quickfacts.census.gov/qfd/states/020001k.html>.

Санкт-Петербург, филиал Музея Мирового океана — «Ледокол «Красин»,
raf@front.ru

The article is devoted to problems of borrowing cultural traditions by Alaska native people, basing on analysis of expedition materials by L.A. Zagoskin in 1841–1843, as well as on field materials by the author collected during his expedition, tracing L.A. Zagoskin, in 2009. In the 1940s, one fixed a rapid process of borrowing everyday elements from Russian culture by the native people. Dissemination of the Orthodox faith and rootedness tended to principally change cultural patterns in the life of the local tribes. An active life of the borrowings was fixed by the author at the modern stage as well (in the language, spiritual culture and in elements of everyday life, i.e. buildings, burial places, clothing, and others). A number of communities believe the Orthodox faith to be the basis of their identity. Thus, in the diachrony one observes a process of changing a cultural paradigm with no loss of ethnic identity. Moreover, the borrowed elements tend to become its basis.

Alaska, native people, Athabasks, Eskimos-Yupik, Russian-American Company, Zagoskin, Russian borrowings, cultural shift.

КЕДРОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ ТОБОЛЬСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ¹

Д.А. Мягков

На основе полевых этнографических материалов исследуется адаптация кедрового промысла тобольских татар к кризисным экономическим явлениям на рубеже XX–XXI вв. Предлагается рассмотрение и объяснение различных аспектов кедрового промысла с точки зрения их экологической обусловленности. Прослеживаются прямые и обратные связи между состоянием локальных природных ресурсов и характером, свойствами, динамикой промысловой деятельности в современных условиях.

Тобольские татары, кедровый промысел, экология, адаптация.

Кардинальные социально-экономические трансформации 1990-х гг., связанные с переходом от планового хозяйства к рыночной экономике, оказали наиболее глубокое воздействие на такие сферы культуры сельских сообществ, которые напрямую связаны с производством, потреблением и распределением материальных благ, а именно хозяйственный комплекс и систему жизнеобеспечения. Этнографическое исследование последних, помимо научного, имеет практическое значение: во-первых, для этнических и локальных групп, поскольку добытые конкретные знания и выводы позволяют рационализировать и оптимизировать экономическую деятельность их представителей; во-вторых, для государственных органов, поскольку полученные сведения могут использоваться в практике регионального правотворчества для совершенствования правового регулирования соответствующих социальных процессов.

В 1960–1980-х гг. экономической основой жизнедеятельности татар Западной Сибири, расселенных в сельской местности, являлась работа на государственных предприятиях сельского хозяйства и лесной промышленности. При этом важным источником средств к существованию населения были личные подсобные хозяйства; лесные промыслы и рыболовство играли вспомогательную роль в системе жизнеобеспечения. После распада СССР совхозы и леспромхозы прекратили деятельность, в связи с чем перед населением встала задача поиска альтернативных источников существования. В результате в 1990-х гг. у сельского татарского населения Тюменской области сформировалось два основных механизма адаптации к кризисным социально-экономическим реалиям. Первый из них состоял в переходе на новую работу: часть жителей татарских сел переехали с этой целью в городские центры — Тюмень, Тобольск; часть — устроились на работу вахтовым методом на севере Тюменской области; в населенных пунктах, расположенных вблизи предприятий нефтяной промышленности, многие жители перешли на работу на этих предприятиях (например, д. Нижние Аремзяны Тобольского р-на). Вторым механизмом адаптации состоял в переводе хозяйственной активности людей в сферу личных подсобных хозяйств и лесных промыслов, которые стали экономической основой жизнедеятельности населения. В данном случае происходили увеличение поголовья домашнего скота и земельных площадей для производства огородных растений, рост числа людей, занятых сбором дикоросов, рыболовством, охотой, что вело в итоге к существенному увеличению объемов продукции этих отраслей хозяйства. Результаты хозяйственной деятельности практически полностью удовлетворяли потребности татарского населения в соответствующих продуктах питания, а излишки сбывались на рынке и служили главным источником денежных средств.

Резкий рост экономического значения лесных промыслов в системе жизнеобеспечения тоболо-иртышских татар в 1990-е гг. был обусловлен совокупным действием социальных и природных факторов. Экономические потребности татарского населения в новых источниках дохода не могли бы быть удовлетворены за счет лесных промыслов, если бы окружающая естественная среда не содержала достаточного количества доступных для присвоения природных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Модернизационные процессы в системе жизнеобеспечения тоболо-иртышских татар в 1990–2000-е гг.»), проект № 12-31-01273.

ресурсов. Ландшафты Вагайского района Тюменской области, в рамках которых располагались населенные пункты тобольских татар, благоприятствовали сбору дикоросов, поскольку включали в свой состав обширные болота или леса сибирского кедра, а зачастую характеризовались совместным присутствием тех и других. Особенности ландшафтов определяли локальную специфику промысловой деятельности населения, выраженную в преобладании того или иного направления собирательства. В целом указанные свойства окружающей среды обеспечивали (а) наличие значительных запасов природных ресурсов (ягод, орехов, грибов), (б) территориально доступных для жителей близлежащих населенных пунктов и (в) предоставляющих возможность свободного сбора, границы которого в отсутствие действенного правового или обычного регулирования определялись практически исключительно размером запасов ресурсов. Наконец, поселения тобольских татар и их промысловые территории находятся в непосредственной близости от развитых транспортных коммуникаций, связывающих север и юг Тюменской области, и от города Тобольска, что гарантирует (г) широкий рынок сбыта местной продукции.

Настоящая статья посвящена исследованию одного из основных видов лесных промыслов тобольских татар — кедрового промысла в период 1990–2000-х гг. Источником исследования послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в ходе экспедиционных работ в местах компактного проживания сибирских татар в Вагайском р-не Тюменской обл. в 2011 г. [Мягков, 2012]. Данные материалы хранятся в архиве Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

Анализ кедрового промысла в статье основан на обследовании двух кустов поселений тобольских татар. Первый куст включает населенные пункты, расположенные вдоль русла р. Агитки, — села Казанское, Митькинское, д. Сулейменская, с. Тукуз (общая протяженность 30 км). Все эти поселения размещаются на узкой пятикилометровой полосе земли, пригодной для занятия земледелием и животноводством, по обеим сторонам которой тянутся обширные болота. Второй куст включает три поселения, расположенные на высокой террасе рядом с Иртышом напротив устья р. Вагая, — с. Второвагайское, деревни Кобякская и Юрты-Бегишевские (общая протяженность 5 км).

В рамках настоящей работы анализ современного кедрового промысла тобольских татар будет проводиться в двух аспектах — «внутреннем», историческом, и «внешнем», экологическом. Исторический аспект состоит в сопоставлении современных и традиционных форм кедрового промысла, его реализация позволит определить, насколько «традиционным» является современный промысел. Экологический аспект состоит в установлении связей между промысловой деятельностью и природной средой с целью определить воздействие кедрового промысла на состояние природных ресурсов, стабильность экосистемы и, следовательно, устойчивость самого промысла в будущем.

Состояние ресурсов кедрового промысла

Кедровый промысел («шишкование») тобольских татар состоит в заготовке орехов сибирского кедра (сосна сибирская кедровая, *Pinus sibirica*; далее — кедр). Поскольку для кедра характерно чередование периодов повышенных урожаев с периодами пониженных (например, Митькинский кедрач «*три года дает урожай, три года отдыхает*»), кедровый промысел татар тоже носит периодический характер. В основном шишкование производилось татарами в «деревенских» борах, т.е. расположенных рядом с соответствующими поселениями.

Казанское. Достаточно крупный бор располагался на левом берегу Агитки, напротив села. К настоящему моменту не сохранился. Бор сгорел в 1950–1960-х гг. в результате верхового пожара, который возник, скорее всего, из-за неосторожного обращения с огнем. Остатки леса были использованы местными жителями для заготовки дров.

Сулейменская. Рядом с деревней находилось два кедровых бора, из которых к настоящему времени сохранился один. «Малый кедрач» (*Малый кускут*) площадью 50 га располагается вдоль берега Агитки на расстоянии 0,3 км к юго-западу от деревни. «Большой кедрач» (*Большой кускут*) ранее примыкал к населенному пункту с северной стороны, занимая, по оценкам местных жителей, площадь 500 га. В 1980-х гг. «Большой кедрач» погиб в результате вспышки массового размножения сибирского шелкопряда.

Митькинское. В советское время рядом с Митькинским располагался крупный кедровый бор площадью до 600 га, который, как и Сулейменский, был уничтожен в 1980-х гг. в результате нападения сибирского шелкопряда. В настоящее время рядом с населенным пунктом располо-

жены три небольших кедровых бора. «Пилорамовский» бор площадью 10 га лежит к западу от села с северной стороны автотрассы, бор «Перемянка» площадью 20 га — с западной стороны села между автотрассой и р. Агиткой, бор «Пускут» площадью 25 га — с восточной стороны села между автотрассой и р. Агиткой.

Тукуз. В советское время вблизи села находился кедровый бор, который по истощению в ближайшей округе лесных ресурсов в 1970-е гг. был вырублен местным леспромпхозом. В настоящее время вблизи Тукуза встречаются одиночные кедры в смешанных лесах, а также кедровые «острова» на болотах. После исчезновения своего бора жители Тукуза, так же как жители Казанского и Сулейменской, ведут кедровый промысел в Митькинском боре.

Второвагайское, Кобякская, Юрты-Бегишевские. Крупный кедровый массив площадью более 300 га располагался между названными населенными пунктами. Границы кедрача отстояли на 0,8 км к северу от Второвагайского, на 1,6 км к юго-востоку от Кобякской, на 0,6 км к западу от Юрт-Бегишевских. В массиве выделялось несколько участков, считавшихся отдельными борами, имевших собственные названия и относившихся к соответствующим (близлежащим) поселениям: *Ярковский* бор с одной стороны относился к русской д. Ярковой, с другой — к с. Второвагайскому, *Сосновый бор* — к д. Кобякской, бор *Утрау (Бегишевский)* — к д. Юрты-Бегишевские. В свою очередь, местные жители различали в названных борах еще более мелкие участки, имевшие традиционные названия по именам людей, занимавшихся там кедровым промыслом, или по биологическим особенностям. Так, например, жители Второвагайского выделяют в большом Ярковском бору более мелкие боры *Курманак-кыр* (назван по имени человека), *Косок-юл (Косок-кыр)*, там проходила большая конная дорога — *юл*), *Сайдулла-кыр* (по имени человека), *Урман-кыр* (там росло много елей — *урман*), разделенные оврагами Салях-куак, Кисьма-куак, Муклецу-куак, переходящим в болото Муклецу (названное так, потому что на нем заготавливали мох — *мук*). В середине 1980-х гг. кедровый бор подвергся нападению сибирского шелкопряда, в результате чего основная часть деревьев погибла (выжили преимущественно кедры, расположенные по периметру бора, которые были химически обработаны против вредителя).

Помимо описанного бора, местное население занималось ореховым промыслом в крупных кедровых борах, последовательно расположенных вдоль летней лесной дороги, ведущей на оз. Царево, которое находится в 35 км к северу от Юрт-Бегишевских, на так называемой *уве* — террасе. Из них *Коревой бор* располагался в 20 км к северу от Юрт-Бегишевских, бор на Черной речке (*Черный бор*) — в 30 км, бор на Белой речке (*Белый бор*) — в 35 км. На сегодняшний день названных кедрачей не сохранилось, все они были вырублены леспромпхозом в советское время.

Масштабы рубок сибирской кедровой сосны и соответственно их влияние на состояние кедровых ресурсов в исследуемом регионе изменялись на протяжении XX в. Традиционно среди тоболо-иртышских татар бытовал и соблюдался обычай, запрещающий порубку кедров. Государственные предприятия, до тех пор пока были доступны ресурсы смешанных лесов, также воздерживались от заготовки леса в кедрачах. Ситуация изменилась в последней трети XX в. Организация совхозов потребовала масштабного строительства хозяйственных сооружений для содержания большого количества скота и жилых помещений для переезжавших в совхозные центры рабочих из окрестных деревень. Для удовлетворения потребностей в строительной древесине стали прибегать к рубкам близлежащих кедровых лесов, причем рубкой обычно занимались бригады рабочих из других регионов, для которых было несвойственно бережное отношение к кедру, характерное для местного татарского населения. Кроме того, по мере истощения иных лесных ресурсов предприятия лесной промышленности переходили к рубкам кедровых лесов. В результате были уничтожены кедровые боры вблизи с. Тукуз и боры, лежавшие на «уве» в зоне «иртышского» куста деревень. После гибели кедровых боров в результате нападения шелкопряда жители окрестных деревень обоих кустов начали осуществлять массовую рубку погибших деревьев для удовлетворения личных потребностей в стройматериалах и дровах.

В целом приведенные выше сведения позволяют сформулировать следующую закономерность: все рассмотренные населенные пункты сибирских татар располагались в непосредственной близости от кедровых боров, в связи с чем последние можно рассматривать в исторической ретроспективе как возможный фактор, определявший выбор татарами мест для основания поселений. Этот же факт дает основания полагать, что кедровый промысел являлся неотъемлемым элементом хозяйственного цикла местных тобольских татар. Во второй половине XX в. часть из описанных кедрачей была уничтожена в результате пожаров и промышленных выруб-

бок, другая часть — катастрофически сокращена по занимаемой площади в результате нападения сибирского шелкопряда. В связи с этим стало невозможно удовлетворять экономические потребности населения традиционным методом, т.е. за счет имевшихся привычных местных природных ресурсов. Реакцией населения на эту проблему стали поиск и освоение новых промысловых территорий, т.е. альтернативных пространств, на которых возможно было заниматься кедровым промыслом в желаемых масштабах. С 1990-х гг. население татарских деревень по р. Агитке стало вести коммерческий промысел кедрового ореха в крупном кедровом бору, расположенном вблизи д. Шевелевой Вагайского р-на (*Шевелевский бор*, 62 км по трассе к северо-западу от Митькино), а население «иртышского» куста деревень — в бору рядом с д. Шабры Вагайского р-на (33 км по трассе к востоку от Юрт-Бегишевских; в 2010 г. значительная часть этого бора была уничтожена ураганом). Часть жителей поселений, расположенных по Агитке, заготавливают орехи в кедровых «островах» на болотах.

Традиционные нормы природопользования

В экологической культуре тобольских татар бытовал комплекс норм и принципов, регулировавших взаимодействие местного населения с природной средой, в том числе использование кедровых ресурсов. Данные нормы были нацелены на обеспечение устойчивости, возобновимости природных ресурсов, что, в свою очередь, являлось гарантией стабильности системы жизнеобеспечения локальных коллективов. Обычаями, регулировавшими поведение тобольских татар в отношении кедровых ресурсов, были запрет на рубку кедров, запрет на преждевременный сбор шишек, требование поддерживать порядок в кедровом лесу.

С детского возраста в семьях сибирских татар воспитывалось бережное отношение к кедру, формировалось представление о необходимости поддерживать в надлежащем, «чистом» и «хорошем», состоянии кедровые леса. Информаторы старшего поколения вспоминают, что *«испокон веков нельзя было рубить кедр, потому что это второй или третий хлеб (второй — картофель. — Д. М.)», «никто кедр не трогал, потому что мы им кормились»*. Кедровые леса регулярно очищались от кустарника, высохших деревьев, других пород дерева (березы, осины, ели), так, что в кедровых лесах *«было чисто, как в заповедниках»*. Такая ситуация резко контрастирует с сегодняшним днем, когда в кедровых лесах активно ведется заготовка высохших или живых кедров и других деревьев. Изменения отмечают сами информаторы: *«сейчас норм никто не соблюдает; и ломают, и спливают кедр»*; *«раньше в кедровом лесу на велосипеде можно было кататься, а сейчас на болотоходе еле проедешь»*; *«раньше кедровые леса чистые были, хорошо все было видно в них, а сейчас ходить невозможно — мусор, валежник»*.

Одним из ключевых принципов был ежегодный всеобщий запрет на занятие кедровым промыслом до наступления момента созревания орехов, который обычно наступал в середине августа. Шишки, достигшие зрелого состояния (*каракабык*), легко падают на землю при ударе или отряхивании ветвей, поэтому их заготовка не сопряжена с причинением вреда деревьям. И наоборот, заготовка шишек в незрелом состоянии, когда они крепко держатся на ветвях, является более трудоемкой и насильственной, требует активного применения шестов для сбивания шишек, как правило, сопряжена с разрушением веток, что, естественно, снижает последующую продуктивность кедров.

Сезон промысла

Традиционно, в том числе в советское время, сезонное начало кедрового промысла наступало после созревания орехов, которое в исследуемой местности обыкновенно приходилось на середину августа. Такой выбор временного рубежа промысла был экологически мотивирован и обеспечивал баланс между потребностями населения и воспроизводством природных ресурсов. В связи с ликвидацией советской модели хозяйствования и поиском населением альтернативных источников существования, значительно возросло количество людей, занятых кедровым промыслом. В сочетании с неблагоприятными экологическими изменениями (сокращением площади лесов сибирского кедра) это привело к резкому увеличению промысловой нагрузки на кедровые ресурсы, чрезвычайному усилению человеческой конкуренции за пользование ими. Под воздействием названных факторов в 1990–2000-х гг. начало промыслового сезона переместилось на более ранний срок и теперь приходится на Прокопьев день — 21 июля (Прокопий-жнец). К этому сроку кедровая шишка не успевает созреть, поэтому ее сбор ведется более разрушительными, а зачастую и хищническими методами, что сопряжено с причинением существенного вреда деревьям. «Активный» промысел продолжается до тех пор, пока не бывают сби-

ты все физически доступные людям шишки, обычно завершаясь к началу сентября. Второй этап промысла, «пассивный», приходится на осень после наступления ветреной и дождливой погоды, когда оставшиеся несбитыми, растущие на самом верху деревьев, зрелые шишки падают на землю под воздействием сил стихии, а не человека.

Методы и техника промысла

Заготовка кедрового ореха представляет собой сложный и многоступенчатый технологический процесс, в котором в последние десятилетия произошли изменения. Наиболее ответственным и трудоемким является первый этап — сбор кедровых шишек. В классическом варианте «ломовщики» забираются высоко на дерево и при помощи шестов (*шиштэм*) сбрасывают шишки на землю, а «подборщики», работающие под деревом, собирают их в мешки. «Ломовщиками» преимущественно становились молодые люди, однако в настоящее время ими бывают и пожилые мужчины, и даже женщины. Шесты *шиштэм*, при помощи которых сбивались шишки, обычно изготавливались из наиболее прочного дерева — ели или сосны; достигали в длину, в зависимости от необходимости и времени промысла, от 4 до 8 м; на своей вершине имели характерную развилку из двух необрубленных сучков (чтобы эффективнее сбивать шишки); у основания имели сквозное отверстие, через него продевалась веревка длиной 40–50 см, которая фиксировалась на руке человека (для предотвращения падения шеста). Иногда, в случае достаточной зрелости шишек, их сбор мог обходиться без использования шестов: в этих случаях люди забирались на дерево и сбрасывали шишки, потрясывая ветви руками или ногами.

Однако основным и наиболее распространенным традиционно был способ добычи шишек с применением шестов. Нюанс заключается в том, что этот метод одновременно эффективен и не причиняет существенного физического урона деревьям только в том случае, если шишки достаточно зрелые и соответственно легко отделяются от веток при несильном или умеренном воздействии. Как уже упоминалось, в последние десятилетия начало кедрового промысла передвинулось почти на месяц раньше обычной нормы. В этих условиях, чтобы сбить шестами не вполне созревшую шишку, «ломовщикам» приходится прикладывать слишком интенсивные физические усилия, что зачастую ведет к разрушению веток или уничтожению *озимей* — шишек первого года (т.е. тех, которые созреют на следующий год).

Снижение эффективности описанного метода сброса шишек в последние десятилетия привело к распространению среди татарского населения хищнических приемов промысла, сопряженных с разрушением или уничтожением деревьев и причиняющих, таким образом, существенный вред состоянию кедровых ресурсов. Часто «ломовщики», чтобы добыть шишки, преднамеренно ломают ветки деревьев. Известны случаи, когда в стволы деревьев врезались тяжелой техникой или спиливают деревья.

С 1990-х гг. по настоящее время, когда в обиход тобольских татар вошли болотоходы, ставшие практически непременным атрибутом промысловой деятельности, собранная и упакованная в мешки шишка, как правило, в день сбора транспортируется домой. В советское время, в отсутствие болотоходов, вывезти шишку из болотистых мест было возможно только по зимнику. Соответственно в период времени от окончания заготовки до начала заморозков шишка хранилась в специально устроенных в лесу лабазах. Лабазы (*клед/клеть*) одного типа у тобольских татар представляли собой различного размера деревянные срубы, установленные углами на четырех пнях или деревянных сваях высотой около 50 см. Щели между бревнами закрывались мхом или землей. Наполненный продуктами лабаз сверху накрывался рубероидом или пленкой, которые плотно фиксировались жердями, веревкой или гвоздями. Срок службы таких лабазов мог достигать 5 лет, в случае если бревна, которые использовались для его сооружения, были очищенными от коры. Лабазы другого типа (*мосхак*) были более просты в изготовлении, но менее долговечны. Для их устройства по углам прямоугольника в землю вбивались 4 деревянных кола с развилками, попарно соединявшихся жердями, поверх которых укладывался настил, также из жердей. На описанный лабаз укладывались мешки с орехами или ягодой, которые укрывались хвойным лапником или березовыми ветками, а сверху — рубероидом или пленкой. С наступлением холодов продукты, хранившиеся в лабазах, вывозились по зимнику в деревню. Оба типа хозяйственных построек продолжают использоваться в современной промысловой практике тобольских татар (сбор ягод и орехов, охота), особенно в местах с плохим состоянием проселочных дорог.

В настоящее время, в связи с преждевременным началом промысла, привезенную домой шишку на пару недель помещают в затененное место, для того чтобы орехи дозрели и из шишек стекла смола. После этого производят шелушение шишек, растирая их о доски или корыто при помощи валька — деревянного плоского рубчатого бруска. В прииртышских деревнях тобольских татар получил распространение специальный станок для обмолота кедровых шишек — *косок истергец*. Приведем описание станка, зафиксированного нами в д. Кобяжской. Станок имеет вытянутую прямоугольную форму, состоит из несущей конструкции — четырех брусчатых ножек, скрепленных между собой посредством деревянных планок, и рабочей части, которая крепится к верхней части ножек. Рабочая часть состоит из бортов — двух параллельных длинных плах — и соединяющего их днища, представляющего собой длинный последовательный ряд коротких цилиндрических деревянных фрагментов, расположенных не вплотную друг к другу, а с зазором в несколько сантиметров. Общая длина станка составляет 210 см, высота — 60 см, ширина рабочей части — 25 см. Орудием, посредством которого на станке производится измельчение шишек и извлечение из них орехов, является терка (валек) — вытянутая массивная деревянная плаха, на рабочей поверхности которой нанесены глубокие поперечные насечки. С обратной стороны к вальку прикреплена длинная жердь, оба конца которой выступают в роли рукоятей орудия. Общая длина терки — 320 см, ширина — 20 см. Процесс шелушения шишек на описанном станке выглядит следующим образом: на рабочую поверхность станка высыпаются шишки, теркой, которую приводят в действие два человека по разные стороны станка, они растираются о днище станка, измельченные фрагменты шишек и семена просыпаются в отверстия на предварительно разложенные под станком половики или целлофан.

После вышелушивания орехи подвергаются провеиванию, которое производится вначале при помощи сита. Обычное сито имеет прямоугольную форму, состоит из плоского днища из металлической сетки и невысоких стенок из деревянных плах. Зафиксированное нами в д. Кобяжской сито составляло 80 см в длину, 50 см в ширину, 12 см в высоту. В процессе провеивания орехи опадают через сито, а измельченные остатки шишек остаются. Затем очищают орехи от мелкой шелухи, просыпая их из ведра при умеренном ветре. В отсутствие ветра для создания потоков воздуха используют вентиляторы, подключая их к электромоторам. После провеивания очищенные кедровые орехи отправляются на хранение в затененное сухое место, часто на чердак.

Масштабы промысла и реализация продуктов

Объем продукции кедрового промысла значительно варьируется по годам, в соответствии с циклическими изменениями урожайности кедров. В год средней урожайности с одного среднего кедра обычно собирают один мешок шишки, в менее урожайные годы — 2–3 ведра (полмешка), в наиболее урожайные годы — 2–3 мешка шишки. Из 5–6 мешков шишки после переработки получается 1 мешок чистых кедровых орехов. Сегодня семейная бригада из 3–4 чел. в начале промыслового сезона за день заготавливает 3–4 мешка шишки, позднее, когда шишка дозревает и начинает падать, — по 5–7 мешков, в конце сезона — по 7–10 мешков. При благоприятных условиях за один промысловый сезон бригада из нескольких членов семьи, занятая коммерческим шишкованием, обычно заготавливает 10–15 мешков чистых орехов, в зависимости от урожая. Вся собранная продукция находится в распоряжении самих людей, занимавшихся промыслом. Сбыт орехов, как правило, осуществляется закупщикам. В среднем в 2008–2010 гг. стоимость 1 кг кедрового ореха составляла 150–250 руб., 1 мешка ореха — 5–8 тыс. руб. Люди, заготавливающие орех для потребления внутри семьи, добывают от нескольких ведер до 2–4 мешков кедровых орехов, в зависимости от размера семьи.

В советское время кедровый промысел также носил преимущественно коммерческий характер. Жители «агитских» поселений отдавали долю собранных орехов государству (по воспоминаниям информаторов, 1/5 или 1/10 урожая), а оставшуюся часть продавали. Из жителей Кобяжской, Второвагайского и Юрт-Бегишевских формировались совхозные бригады «ломовщиков» и «сборщиков», которые заготавливали шишку в деревенском бору и сдавали ее государству. Для себя члены бригад могли заготавливать шишки в нерабочее время. Заготовка ореха для личных нужд осуществлялась жителями этих деревень преимущественно в борах, расположенных на «уве» — в Черном, Белом, Коровом борах.

Кедровый промысел тобольских татар в конце XX — начале XXI в. ...

Завершая рассмотрение современного кедрового промысла тобольских татар, сформулируем некоторые положения, ориентированные на перспективу. С 1990-х гг., в условиях глубокого и затяжного экономического кризиса, кедровый промысел стал важным источником денежных средств для значительного количества семей тобольских татар, проживающих в относительной близости от лесов сибирского кедра. Однако в работе выявлена обратная корреляция между динамикой запасов ресурсов и количеством их потребителей: существенный рост, по сравнению с советским временем, числа людей, занятых кедровым промыслом, сопровождается катастрофическим сокращением площадей, которые занимают кедровые леса. Попытки ликвидировать дефицит ресурсов с помощью интенсивных методов (отказ от норм, ограничивающих присвоение; применение более эффективных и разрушительных техник эксплуатации) ведет к еще большей деградации природных ресурсов. С учетом возросшей зависимости населения от кедрового промысла при длительном периоде воспроизводства кедровых ресурсов, данная тенденция представляет угрозу для системы жизнеобеспечения тобольских татар в перспективе, поскольку способна подорвать один из ее ключевых компонентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Мягков Д.А. Хозяйственный комплекс и экологическая культура тобольских татар во второй половине XX — начале XXI века: Отчет о проведенных экспедиционных работах в 2011 г. Омск, 2012. 127 с. // Музей народов Сибири Омского филиала ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-4.

Омский филиал ИАЭТ СО РАН
tomich-84@mail.ru

Basing on field ethnographic materials, the author describes adaptation of gathering cedar nuts to crisis economic events with Tobolsk Tartars at the border of XX–XXI centuries. It is advised to consider and comment on different aspects of gathering cedar nuts from view point of their ecological causation. Subject to tracing being direct and inverse correlations between state of the local natural resources and character, properties, and dynamic of gathering activity under modern conditions.

Tobolsk Tartars, gathering cedar nuts, ecology, adaptation.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПРИБАЙКАЛЬЕ¹

Р.Ю. Федоров, А.А. Богордаева

Статья посвящена обобщению результатов экспедиционных исследований в местах компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев на территории Баяндаевского р-на Иркутской обл. Рассмотрены этнокультурные взаимодействия белорусов и бурятов, исследованы принципы сохранения и трансформаций традиционной культуры переселенцев.

Белорусские переселенцы, белорусы в Сибири, аграрные переселения, традиционная белорусская культура, этнокультурные взаимодействия, Баяндаевский район Иркутской области.

В августе 2012 г. нами была проведена экспедиция в места компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев, проживающих в Баяндаевском р-не Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской обл.² Большинство белорусских переселенцев прибыло сюда в результате аграрной реформы П.А. Столыпина в период с 1905 по 1909 г. преимущественно из Гродненской и Могилевской губерний. На необжитых землях, отведенных под переселенческие участки, ими было основано несколько поселений. Современные центры компактного расселения белорусов в Баяндаевском районе — деревни Тургеневка, Толстовка, Васильевка и Лидинск, расположенные на расстоянии около 5–8 км друг от друга.

Основным мотивом крестьянских переселений на территорию Прибайкалья являлось малоземелье. Вот как описала историю переселения в Сибирь своих предков информатор Н.Ф. Кирпиченко, 1925 г.р., проживающая в д. Толстовке: *«Бабушка моя приехала сюда без мужика, у нее было пятеро сыновей. Там все было панским, сыновьям надо жениться, а земли так мало, что ее между ними не поделить. Приехали двое сыновей ходоками, им понравилось что земли здесь много. Здесь жили лишь буряты, у них не было бань, ходили во всем шубном, у всех были воши, люди часто болели разными заразными болезнями. Многие приехавшие сюда переселенцы померли от тифа».*

На момент начала переселений отведенные крестьянам участки территориально относились к Баяндаевской волости Верхоленского уезда Иркутской губернии. Большого интереса заслуживают названия основанных белорусами деревень. Название деревни Лидинск указывает на его связь с местом выхода переселенцев, которые могли проживать неподалеку от г. Лида, расположенного в Гродненской губернии. Среди основателей д. Тургеневки большинство переселенцев было из Пружанского уезда Гродненской губернии (прил.). По преданию, сохранившемуся среди жителей Тургеневки, деревня могла быть так названа в честь бурятского князя Тургена, якобы проживавшего на этих землях. Однако эту версию ставит под сомнение соседство деревни с Толстовкой и не сохранившейся ныне Гоголевкой. Объяснение названий тем, что переселенцы были знатоками и любителями отечественной литературы, в определенной степени правдоподобно, так как значительная часть поселившихся здесь крестьян были грамотными и с первых же лет жизни в Сибири стремились привить грамоту своим детям. Об этом свидетельствует тот факт, что, основав Тургеневку в 1909 г., уже через год ее староста Давид Гурин направил прошение губернским властям об открытии в деревне школы. В 1913 г. школа начала работу, получив статус народного училища. Но существует и другая, более правдоподобная версия происхождения названий этих деревень. Среди местных земских чиновников, отводивших участки для заселения крестьян, было много представителей интеллигенции, которые могли хорошо знать и ценить русскую литературу. Учитывая то, что участкам, отводимым переселенцам, чиновники нередко давали названия (ими могли быть «Тургеневский участок», «Толстовский участок» и т.д.), можно предположить, что некоторые из последних могли унасле-

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 12-21-01000 а(м).

² Авторы статьи выражают глубокую благодарность председателю Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского О.В. Рудакову за активное содействие в организации экспедиции.

довать и основанные на их месте деревни. К этой версии склоняется прожившая долгие годы в Тургеневке краевед и основатель местного народного музея Т.М. Мыльников³.

Отведенные белорусам участки по природно-климатическим условиям можно отнести к зонам рискованного земледелия. По данным Т.М. Мыльниковой, на территории Баяндаевской волости Верхоленинского уезда, к которой на момент переселений относились эти земли, для прибывавших сюда крестьян выделили 40 участков, но занято из них было только 10. Это можно объяснить тем, что земли здесь были не самыми лучшими, а климат оказался слишком суровым для воспроизводства традиционных форм хозяйствования, сложившихся в местах выхода переселенцев. На Даниловском участке сезонное промерзание грунтов достигало трех метров. В середине июня и середине августа там случались заморозки, что препятствовало выращиванию картофеля и овощей. Из злаковых культур можно было сеять только ячмень, рожь и овес: пшеница нередко замерзала. Также земли, расположенные на территории современного Баяндаевского района, были не очень привлекательны для крестьян ввиду значительной удаленности от железной дороги.

Прибыв на выделенные участки, переселенцы начали раскорчевывать стоявшую на них тайгу под жилища и пашни. Из срубленных деревьев сразу строили дома. Вот как описывался процесс возделывания переселенцами земли в экспозиции историко-этнографического музея д. Тургеневки: *«Чтобы повернуть во время вспашки пласт земли, нужны были огромные усилия. Лошадей было мало, пахали на быках, которых покупали в бурятских улусах. Запрягали волов в плуг. К плугу привязывали большой нож, который резал землю, а плуг с лемехом переворачивал пласт, поэтому верхний черноземный слой сохранялся. После вспашки боронили деревянной бороной с железными зубьями. Во влажную землю кидали зерно и прикатывали ее, чтобы не выбило дождем, не склевали птицы»*. Примечательно, что традиционное хозяйство живших здесь ранее бурятов было основано на минимальном вмешательстве в жизнь окружающих их экосистем. Например, в улусах, где проживали буряты, существовала традиция не топтать новой дороги, по возможности используя естественно сложившиеся пути передвижения. Поэтому белорусы здесь первыми начали обрабатывать землю, вводя ее в хозяйственный оборот. С родины они привезли в Сибирь картошку, семена льна и конопли. Из льна и конопли вплоть до 1960-х гг. местные женщины ткали холсты на одежду. Первые поколения переселенцев плели березовые лапти. Они были не столь крепкими, как липовые, и быстро приходили в негодность. Позднее, ввиду сильных зимних морозов, белорусские переселенцы стали приобретать у бурят меховые унты и другие виды их традиционной обуви. Запасы дичи в тайге способствовали тому, что жители белорусских деревень активно занимались охотой. Также на территории исследованных деревень было развито собирательство лесных ягод, грибов, дикого лука и черемши, которое, по рассказам информаторов, не раз спасало многие семьи в голодные годы коллективизации и Великой Отечественной войны.

Большинство опрошенных потомков белорусских переселенцев отмечают, что их предки всегда жили обособлено от бурятского населения. Но в то же время, по их словам, белорусы и буряты не испытывали друг к другу взаимной неприязни и конфликты между ними были редки. Значительные различия в культурно-хозяйственных типах белорусских и бурятских поселений в отдельных случаях способствовали развитию экономических контактов между представителями двух народов. Во многих рассказах информаторов описываются примеры торговли между белорусами и бурятами, которая чаще всего носила характер натурального обмена. Буряты, ведущие полукочевой образ жизни и не занимающиеся возделыванием земли, были заинтересованы в приобретении выращиваемых белорусами злаков и овощей в обмен на такие продукты животноводства, как одежда и обувь из кожи и меха. Однако оба народа ограничивались лишь торговыми контактами, помимо которых большинством опрошенных не отмечалось серьезных культурных взаимодействий между ними. Опираясь на аналогичный пример расположенной неподалеку польской д. Вершины, Н.Г. Галеткина охарактеризовала данную ситуацию следующим образом: *«Можно говорить о сложившейся к 1920-м годам своеобразной модели отношений, характеризуемой следующим образом: автономное друг от друга культурное развитие при стабильных контактах в хозяйственной сфере»* [1996].

³ Авторы статьи выражают благодарность Т.М. Мыльниковой за предоставленные ею фактические материалы об истории белорусских деревень Баяндаевского района.

Информатор Н.К. Докучиц (Самосюк), 1937 г.р., проживающая в Тургеневке, вспоминает: *«Помню, во время войны к маме приезжала одна бурятка. Каждую зиму придет — навезет всякой кожи. Сидит, шьет рукавицы, унты. Мама ее называла своей теткой. Если что — говорила “ты мою тетку не тронь”. Она обменивала эти изделия на продукты. Такие примеры у нас часто встречались».*

Браки между белорусами и бурятами не практиковались вплоть до послевоенного времени, но и во второй половине XX в. они не приобрели массового характера. Несмотря на это на территории Баяндаевского района сохранились устные предания, указывающие на отступления от этого обычая, которые имели место на ранних этапах переселения сюда белорусов. По рассказу Г.В. Истомина, 1952 г.р., родившегося в ныне не существующей д. Игоровке, основанной белорусами, в ней встречались прецеденты вынужденных браков между белорусами и бурятами. Они обуславливались тем, что у проживавших здесь бурят в то время стали все чаще отмечаться признаки вырождения из-за кровосмешения, повлекшего истощение их генофонда. Среди населения местных бурятских улусов отмечалась высокая заболеваемость сифилисом и частые случаи врожденных физических аномалий у детей. Местные власти стали убеждать бурят в том, что, если они начнут вступать в браки с переселенцами других национальностей, это спасет здоровье их рода. По преданию, бурятами было принято следующее решение: если кто-то из переселенцев хочет поселиться на их землях, один из представителей их рода должен жениться на бурятке. Г.В. Истомин рассказывал о том, как четыре брата, прибывшие из Белоруссии, были поставлены перед фактом необходимости жениться на бурятке. Никто не хотел этого делать. Тогда они стали тянуть жребий, и вытянувший его брат был вынужден жениться на «инородке». По другой версии, рассказанной М.А. Осечкиной, 1960 г.р., живущей в д. Тургеневке, для улучшения рода буряты лишь предлагали приехавшим сюда белорусам зачать с их женщинами совместных детей, не вступая с ними в брак. Достоверность подобных рассказов вызывает сомнение: в ходе экспедиции в Баяндаевский район нами не выявлены информаторы, которые могли бы быть метисами, родившимися в результате описанных взаимодействий между бурятами и белорусскими переселенцами. В рассмотренном нами районе браки чаще всего заключались между жителями деревень, основанных белорусами. По словам Т.М. Мыльниковой, «тургеневские» женились на «лидинских», «лидинские» на «толстовских» и т.д.

В Тургеневке, как и в соседних деревнях, основанных белорусами, так и не была построена церковь. Для выполнения церковных обрядов жители деревень ездили в расположенное на значительном удалении с. Баяндай. По рассказам информаторов, поездки в церковь чаще всего были связаны с такими исключительными жизненными ситуациями, как крещение младенцев, венчание или отпевание. По рассказу информатора Н.К. Докучиц (Самосюк), проживающей в Тургеневке, после войны церковь в Баяндае была перестроена в столовую и с этого момента крестить детей в их деревне перестали.

Примечательно, что на фронтонах первых домов, построенных переселенцами, был вырезан крест. Эта интересная традиция нуждается в отдельном изучении и сопоставлении с аналогичной практикой в местах выхода переселенцев (рис. 1). По предположению Т.М. Мыльниковой, украшение крестами домов могло символизировать своеобразное благословение жителей деревни на новом месте и одновременно означать приверженность народным православным традициям вдали от воцерковленной жизни. Примерно в 1930-х гг. в этноконфессиональной жизни белорусских деревень стали происходить изменения. Многие информаторы указывали на то, что в эти годы в ряде семей уже перестали крестить детей и отмечать все церковные праздники. В то же время несколько жителей д. Тургеневки в советское время были обращены в пятидесятническую веру. В 1930-е гг. большое количество пятидесятников сослали в Иркутскую область из западных областей Советского Союза. В Тургеневке и соседних деревнях во времена культа личности ссыльных не селили, и их обитатели продолжали жить довольно обособленной жизнью. Поэтому до конца не ясно, откуда в деревню мог попасть староста, обративший часть ее жителей в новую веру, которой ряд старожилов придерживается по сей день.

Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали достаточно поздно. Рассказы большинства информаторов свидетельствуют о том, что среди их предков первоначально решающую роль играли региональные факторы идентичности. К примеру, переселенцы делили друг друга на «гродненских» и «могилевских» по губерниям, откуда они были родом. Данную ситуацию можно назвать характерной для большинства других мест компактного расселения белорусов в Сибири. Информатор Н.Г. Рупеко, 1941 г.р., отмечала, что поговору

человека ее предки всегда могли определить, из какой деревни он родом. В Тургеневке и Лидинском говорили одинаково, потому что в них преобладали переселенцы из Гродненской губернии. В соседней Толстовке говор был другой: там в основном, жили выходцы из Могилевской губернии.

Рис. 1. Фасад хаты с отдушиной в виде креста (1907 г. постр.), д. Черлены, Мостовский р-н, Гродненская обл., 1954 г.

(фото из архива Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси)

По рассказам информаторов, наиболее часто их осознанию себя белорусами способствовали оставшиеся родственные связи на родине предков, поездки к ним в гости. Информатор Нина Докучиц (Самосюк) так охарактеризовала ситуацию, в которой она стала считать себя белорусской: *«Я в детстве не знала, что я белоруска. Родители всегда называли свою родину (Гродненскую губернию. — Прим. авт.) «Россией». По документам я была русской. Осознание своей национальной принадлежности пришло тогда, когда я поехала после школы работать швеей в ателье в тогдашний окружной центр Усть-Орду. Там все обращали внимание на мой говор. Как я ни старалась, но не могла говорить как остальные. Надо мной хохочут бурятки, что-нибудь у меня все равно выскочит при разговоре. Я и сама до этого не понимала, что говорю неправильно. Я потом вернулась домой и спросила у родителей, в чем дело. Бабушка говорит — “потому что мы нездешние, мы приехали с Белоруссии”. Это было в 1950-х годах перед моим замужеством. Дед и бабушка говорили на чистом белорусском. А у нас уже язык сломался (стали говорить на трасянке. — Прим. авт.).»*

Рассказы многих информаторов свидетельствуют о том, что период коллективизации явился для их семей тяжелым потрясением, повлекшим за собой не только разрушение традиционного хозяйственного уклада, но и утрату многих специфических элементов национальной культуры. По словам информатора Н.Ф. Кирпиченко, 1925 г.р., живущей в Толстовке, лишения, выпавшие на долю их семьи в голодные годы коллективизации и войны, способствовали тому, что ее родственники стали придавать существенно меньше значения традициям в семье, связанным с проведением национальных праздников и обрядов.

Несмотря на утрату многих элементов традиционной белорусской культуры, некоторые элементы и сейчас продолжают бытовать на территории Баяндаевского района. К примеру, достаточно стойкими здесь оказались привнесенные из Белоруссии традиции похоронного обряда. После похорон и в поминальные дни, такие как Радуница, могильные кресты до сих пор принято обвязывать рушниками. Ввиду отсутствия в окрестностях Тургеневки реки, на Купалу местные жители ставят в установленном месте бочки с водой, в которых совершают омовения. Также на Купалу было принято прыгать через костер. Н.К. Самосюк вспоминала, что 25 марта, на Благовещение, в их семье женщинами было не принято заплетать косы: *«Бабушка вечером нас расчесет, платочки наденем и спим, чтобы на завтра не чесать голову. У нас в этот день всегда говорили “Птичка гнездышка не вьет, а девка косу не плетет”»*. Среди распро-

страненных в Белоруссии народных праздников в семье информатора 15 февраля отмечали «Грамницы». Праздник соответствует церковному «Сретению Господню», но имеет праславянские корни, связанные с культом жены бога Перуна — Грамницы, которая считалась богиней лета [Белорусское товарищество...]. В этот день обычно говорили: «Грамницы — петух напьется водицы». По словам Н.К. Самосюк, к концу 1950-х гг., после смерти ее бабушки и бабушки, все эти праздники в ее семье перестали отмечать.

По описанию Т.М. Мыльниковой, у первых поколений белорусских переселенцев женский комплекс костюма состоял из рубахи с отложенным или стоячим воротом, полосатой или клетчатой юбки, передника и безрукавки. Поверх рубах надевали полотняную (*спидница*) или суконную (*андарак*) юбку. Также в одежде были распространены безрукавки (*кабат, гарсет, каптан*). Одежда, как правило, украшалась вышивкой из красных узоров. У мужчин и женщин встречались такие виды распашной одежды, как *свита, охабень, епанча*. Замужние женщины прятали волосы под чепец, предварительно накручивая их на лубяной обруч, а поверх чепца навивали «наметку» — старинный головной убор в виде длинного льняного полотенца. Девушки заплетали косы, ходили с непокрытой головой или носили венки, оставляя непокрытой макушку. На свадьбу невеста также надевала венок из бумажных цветов, украшенный шелковыми лентами.

В настоящее время среди белорусских старожилов Баяндаевского района еще можно встретить традиционные приемы пряжи из шерсти животных, а также изготовление рушников с национальными орнаментальными мотивами (рис. 2).

Рис. 2. Старейшая жительница Тургеневки Ф.М. Мартинович (1915 г.р.) за пряжей (фото Р.Ю. Федорова)

Говоря о современной этнокультурной ситуации в изучаемых населенных пунктах, можно отметить высокую степень белорусского национального самосознания у их жителей, включая представителей молодых поколений. Данная ситуация заслуживает большого интереса, так как является скорее исключением из общих тенденций к нарастающим в жизни каждого нового поколения выходцев из Белоруссии процессов ассимиляции в иноэтничном окружении, которые были ранее зафиксированы нами в ряде мест их компактного проживания на территории Западной Сибири [Багашев, Федоров, 2012].

Попробуем рассмотреть подробнее, опираясь на материалы, полученные методом включенного наблюдения и обобщения жизненных историй потомков белорусских переселенцев, причины сохранения здесь на протяжении последних ста лет ряда элементов их традиционной культуры и национального самосознания.

Рис. 3. Экспозиция историко-этнографического музея д. Тургенеvки, посвященная быту белорусских переселенцев (фото Р.Ю. Федорова)

Так, в ходе проведенного нами опроса многие жители Тургенеvки отмечали, что от начавшегося «забвения» своих национальных корней их спасла поддержка Иркутского товарищества белорусской культуры им. Яна Черского. На протяжении последнего десятилетия активистами товарищества был предпринят ряд шагов, направленных на возрождение и поддержку белорусского самосознания разных поколений жителей деревни. В деревне открыли историко-этнографический музей, посвященный истории и традиционной культуре белорусских переселенцев Баяндаевского района (рис. 3). В средней школе Тургенеvки введены факультативные занятия по белорусскому языку, которые стали посещать все учащиеся. Также в деревне создано два фольклорных коллектива — детский «Рушничок» и взрослый — «Варенички». Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского организует реконструкции таких белорусских праздников, как Каляды, «Жаніцьба Цярэшкі», Гуканье Вясны, «Сёмуха», Купляе, Дзяды и др. [Рудаков, 2003]. На въезде в Тургенеvку установлен указатель на белорусском языке с надписью «Беларуская вёска Тургенеvка», который на сегодняшний день является единственным в Сибири (рис. 4). Благодаря этим мерам у детей и молодежи, проживающих в Тургенеvке, можно отчетливо проследить присутствие белорусской национальной самоидентификации, возрождение интереса к традиционной культуре предков.

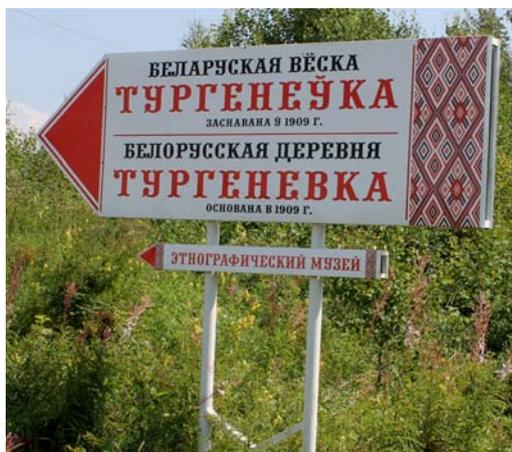

Рис. 4. Дорожный указатель на въезде в Тургенеvку (фото Р.Ю. Федорова)

Р.Ю. Федоров, А.А. Богордаева

Полевые материалы, собранные в деревнях Баяндаевского района, дают возможность глубже раскрыть многие общие закономерности сохранения и трансформаций традиционной культуры белорусских крестьян-переселенцев в Сибири. Одной из перспектив этнографических исследований этого района является сопоставление зафиксированных нами устных историй с архивными материалами, которые могут дать детальную информацию о местах выхода переселенцев и особенностях демографических процессов в их среде.

Приложение

**Список избранных переселенцев, водворенных на Тургеневский участок в 1909 г.
(составлен Т.М. Мыльниковой по материалам Государственного архива Иркутской обл.)**

И.О.Ф. домохозяина, получившего ссуду	Из какой губернии, уезда, волости прибыл	Время водворения	Дата выдачи ссуды	Размер ссуды (руб.)
Федор Александрович Александров (он же Баранов)	Костромской губ., Варнавинского уезда, Макарьевской волости, д. Пытушихи	26 апреля	28 апреля 2 мая	5 20
Григорий Трофимович Тюшкевич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Молочской волости, с. Олехновичи	8 мая	28 апреля 28 июня	50 50
Никон Тимофеевич Тюшкевич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Молочской волости, с. Олехновичи	8 мая	25 мая 28 июня	40 35
Степан Мартынович Жук	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селизкой волости, д. Сошииы	8 мая	11 мая 25 мая 28 июня	25 25 50
Иван Николаевич Сазанович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селизкой волости, д. Селезень	8 мая	11 мая	25
Каленик Никитин Леонович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Малочанской волости, с. Кабаки	8 мая	11 мая 24 мая 28 июня	25 50 25
Иван Иванович Потапович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Малочанской волости, с. Кабаки	8 мая	11 мая 25 июня 28 июня	30 25 45
Григорий Кириллович Колодинский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Малочанской волости, с. Кабаки	8 мая	11 мая 28 июня	25 75
Онуфрий Лаврентьевич Заремба	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Артемий Петрович Дакуциц	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Николай Петрович Гуревский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Кирилл Мартынович Самосюк	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Хайники	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Василий Михайлович Шкилевич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Андрей Леонтьевич Подоровский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Мальча	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Никифор Григорьевич Макаревич	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Кабаки	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Емельян Терентьевич Карпинчик	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Олехновичи	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Иван Федорович Оскирко	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Олехновичи	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Илья Иванович Гронский	Гродненской губ., Пружанского уезда, Мальчинской волости, с. Кабаки	8 мая	25 мая 28 июня	50 50
Петор Семенович Драга	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Семен Леонович Лихушко	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Иван Кондратьевич Зданович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Василий Кондратьевич Зданович	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60
Михаил Исидорович Жебрун	Гродненской губ., Пружанского уезда, Селецкой волости, д. Сошицы	8 мая	25 мая 28 июня	40 60

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.

Белорусское товарищество отмечает праздник «Грамницы» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/tpp-article/article/6861.html>.

Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестн. Евразии. М., 1996. № 1 (2). С. 62–77.

Рудаков О.В. Белорусские обрядовые праздники. Иркутск: ASPrint, 2003. 58 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
r_fedorov@mail.ru
bogordaeva@mail.ru

The article is devoted to generalizing results of expedition investigations in the places of compact residence of Byelorussian peasants-the-migrants on the territory of Bayandayevo District, Irkutsk Oblast. The paper considers ethnocultural interactions between Byelorussians and Buryats, investigating principles of preservation and transformations of traditional culture of the migrants.

Byelorussian migrants, Byelorussians in Siberia, agrarian migrations, traditional Byelorussian culture, ethnocultural interactions, Bayandayevo District of Irkutsk Oblast.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ВОТЧИНА ТОБОЛЬСКОГО СОФИЙСКОГО ДОМА В КОНЦЕ XVII — XVIII в.

С.Н. Щербич

Статья посвящена истории Воскресенской вотчины Тобольского Софийского дома, особенностям повседневной жизни вотчинных крестьян в условиях частых территориальных конфликтов с башкирами и киргиз-кайсаками (казахами), в том числе уделено внимание архитектурным особенностям поселений, создаваемых в оборонительных целях. Дан обзор занятий крестьян, системы налогообложения населения вотчины и форм их протеста против вотчинной администрации.

Крестьяне, вотчинное хозяйство, Тобольский Софийский дом, башкиры, киргиз-кайсаки, фортификация, система налогообложения, крестьянские волнения.

При изучении истории Тобольского Софийского дома, который сыграл заметную роль в земледельческом освоении территории Зауралья, нельзя обойти вниманием историю его вотчин. Данный вопрос не являлся самостоятельным предметом исследования, но в ряде обобщающих и тематических работ он получил частичное освещение. В этом ряду заслуживают внимания труды В.И. Шункова [1946], Л.П. Шорохова [1983], М.М. Громыко [1962], в которых рассматривается становление и развитие монастырского вотчинного землевладения в Сибири, социально-экономическое и правовое положение монастырских крестьян в XVII–XVIII вв. Собранный историками материал не потерял своей актуальности. Ценность обобщающих работ заключается в том, что они дают представление о политике государства и местных властей в отношении корпоративно-вотчинного землевладения в Сибири и открывают перспективу дальнейшего изучения данной проблемы.

В цикле специальных, посвященных колонизации территории Зауралья XVII–XVIII вв. и вопросам межэтнического взаимодействия русского населения с башкирами, калмыками, татарами и киргиз-кайсаками (казахами), стоит отметить работы В.В. Менщикова [2004], Г.Х. Самигулова [2010], В.Д. Пузанова [2009]. Эти исследования позволяют составить определенное мнение о возникновении самой дальней вотчины Тобольского архиерейского дома в с. Воскресенском Окуневского дистрикта Оренбургской губернии и особенностях жизни крестьянского населения в условиях территориальной конфронтации.

Интерес представляют работы Н.В. Горбань [1949], А.А. Кондрашенкова [1962], И.В. Побережникова [1989], посвященные протестам крестьян духовных вотчин в XVII–XVIII вв., в том числе Тобольского Софийского дома. Авторы на основе широкого круга источников анализируют динамику, формы, типы протеста крестьянского населения, что позволяет нам охарактеризовать условия повседневной жизни, раскрыть характер взаимоотношений между крестьянским миром и архиерейским домом.

В настоящее время изучение жизни населения вотчин Тобольского архиерейского дома вновь становится предметом отдельных исследований. В них раскрываются вопросы миграции населения в Зауралье в рамках государственной колонизационной политики, прослеживается динамика роста и спада численности населения вотчин, выявляются причины, изучается этнический состав крестьянского населения [Щербич, 2008, 2010]. В 2012 г. было подготовлено диссертационное исследование Н.С. Хариной, которое полностью посвящено истории Тобольского архиерейского дома в XVII — 60-х гг. XVIII в. Автор определяет структуру управления, рассматривает штат и средства Тобольского архиерейского дома, сравнивает его с архиерейскими кафедрами европейской части России; раскрывает предпосылки формирования и развития церковно-корпоративного землевладения в Западной Сибири; сущность и особенности вотчинного хозяйства Тобольского архиерейского дома; процесс заселения церковных вотчин и т.д. [Харина, 2012]. Несмотря на имеющиеся исследования, характеристика вотчинного хозяйства Тобольского Софийского дома требует конкретизации и введения в научный оборот новых данных, которые позволят восполнить пробелы в освещении проблемы.

К концу XVII в. вотчинное хозяйство Тобольского архиерейского дома включало значительные земельные угодья. Вот как об этом пишет Л.П. Шорохов: «...в 80-х годах XVII в. архиерей-

Воскресенская вотчина Тобольского Софийского дома в конце XVII — XVIII в.

ский дом владел пятью вотчинами, в них было 862 дес. пашни, 475 дес. перелугу, сенокосных угодий на 35 518 копен. Во всех вотчинах митрополита насчитывалось 3 слободы, 3 села и 22 деревни: села Преображенское и Ивановское с тремя деревнями, Покровская слобода с пятью деревнями, Усть-Ницынская слобода с пятью деревнями и село Воскресенское с восемью деревнями» [1983, с. 45].

Безусловно, история каждой из этих вотчин имеет свою специфику, которая определена условиями проживания и хозяйствования на конкретной территории. В данной статье автор предпринимает попытку ответить на ряд вопросов об истории возникновения, условиях развития вотчины в с. Воскресенском Окуневского дистрикта Оренбургской губернии.

Центром вотчины Тобольского Софийского дома являлось с. Воскресенское, основанное по указу митрополита Павла в 7191(1683) г. [РГАДА, ф. 199, оп. 3, портф. 481, ч. I, д. 6 (3), л. 142] игуменом Успенского Далматова монастыря Исааком и сыном боярским Яковом Фадеевым [Самигулов] и находившееся в 450 верстах от Тобольска в Исетской провинции.

Выписки из писцовых книг 1683 и 1684 гг. свидетельствуют, что в состав данной вотчины входило 8 деревень (Шаламова, Куликовская, Купаинская, Грязнуха, Мезенцева, Березов мыс, Качагорова, Дубровная), земельный фонд составлял «165 десятин в поле во дву потому ж и сенных покосов на 7288 копен, кроме того, были рыбные ловли и хмелевые угодья» [РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 481, ч. I, д. 6 (3), л. 17]. Количество деревень, входивших в вотчину, к 1762 г. увеличилось почти в пять раз и включало 37 деревень [Там же, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 24].

Территория вотчины выступала предметом постоянных территориальных споров между русскими, башкирами и киргиз-кайсаками. Основной причиной, по мнению В.В. Менщикова, является то, что во второй половине XVII в. в Зауралье произошли изменения в системе межэтнических отношений и возникло два встречных колонизационных потока — башкирский с запада и русский с севера. Столкновения русских с башкирами были постоянными в первой половине XVIII в., вызывались ущемлением вотчинных прав башкирского населения. И это повлекло важные изменения в военно-политической ситуации в Зауралье вплоть до конца XVIII в. [Менщиков, 2004, с. 60–61]. Кроме того, «в 1690-х гг. в пределах Зауралья появляется еще один грозный соперник русских поселенцев — киргиз-кайсаки (казахи). Их кочевья подошли вплотную к русским поселениям на юге региона» [Там же, с. 62].

Условия жизни на этой территории определяла постоянная внешняя угроза. Неудивительно, что с. Воскресенское и относящиеся к нему деревни выглядели как крепости, о чем свидетельствуют их описания, сохранившиеся в портфелях Г. Ф. Миллера. Например, в с. Воскресенском «церковь деревянная во имя Воскресенья Господня, кругом оной церкви крепость, город рубленной в клетках под крышкою мерою 40 сажень поперек 30 сажень, вышины оная крепость 5 аршин 3 четверти, по углам в том городе 4 башни, пятая проезжая, круг одного города ров и рогатки мерою 103 сажени, да кругом одного села крепость забран заплот, 3 караульные каланчи, кругом оной крепости рогатки мерою 800 сажень» [РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 481, ч. I, д. 6 (3), л. 141 об.]. Стены этой крепости были выстроены в 1685 г. по типу «тарасных» укреплений: два ряда рубленых стен, поставленных на расстоянии полутора-двух сажен друг от друга, соединенных через определенные промежутки перерубами, в результате чего возникали ячейки или «клетки» [Самигулов]. Как отмечает Г.Х. Самигулов, «сами клетки могли использоваться как хозяйственные помещения, жилье в случае осады, а двери, соединяющие соседние клетки, позволяли защитникам передвигаться внутри стены. При высоте в 5 м стена, скорее всего, была двухъярусной — собственно клетки, в которых были оборудованы бойницы нижнего боя, перекрывались крышей на уровне 2–2,5 м, и верхний ярус, с бойницами верхнего боя (для стрельбы сверху по атакующему противнику), мог иметь только наружную стену и крышу» [Там же]. Им же приводятся данные о времени и сроках возведения крепости и ее строителях: «34 человека из разных монастырей Зауралья строили ее с 16 апреля по 21 июня (по старому стилю). Ров и линия рогаток имели протяженность 103 сажени, что очевидно меньше даже просто периметра крепости (120 сажен), а с учетом бегмы (пространства между основанием стены и краем рва) длина их должна была быть явно больше. Очевидно, дополнительные укрепления окружали крепость лишь с напольных сторон, необходимости обнести стены рвом со стороны реки просто не было. Кроме центрального укрепления, существовала оборонительная стена, окружавшая все село, представлявшая собой заплот протяженностью около 1700 м. Были ли какие-либо сооружения, усиливавшие устойчивость заплота, неизвестно». Ввиду того что три башни не могли прикрывать весь ломаный периметр такой протяженной стены и обеспечивать огонь

вдоль стен, автор делает предположение о возведении строителями «облегченного» типа башен, которые должны были служить не столько оборонительными сооружениями, сколько наблюдательными пунктами — «караульными каланчами» [Там же]. Данная крепость была завершенным фортификационным сооружением, типичным для XVII в.

Центр вотчины требовал особой охраны, так как в нем было сосредоточено все управление, представленное конторой с подьячим, осуществлявшим надзор за казной, крестьянами и хозяйственными работами. В его функции входило ведение всей документации, также он владел серебряной печатью, на которой значилось: «печать архиерейская вотчины села Воскресенского казенная». В селе в конце XVII — начале XVIII в. находился казенный архиерейский двор, включавший в себя дворы «поповских — 2, дьяконовских — 2, пономарских — 2, отставных солдат — 4, подьяческий — 1» и 122 двора крестьянских, всего 134 двора [РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 481, ч. I, д. 6 (3), л. 141–141 об.]. В 1762 г. штат управляющих вотчиной включал «одного иеромонаха, одного комиссара, одного подьячего, три пищика» [Там же, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 24].

Для защиты в селе располагался форпост Оренбургского полка, драгуны которого несли в нем службу [Там же, ф. 199, оп. 2, портф. 481, ч. I, д. 6 (3), л. 143 об.]. При описании артиллерийских запасов сельский приказчик отмечал: «...артиллерии в оном селе имеется: одна пушка медная, вторая чугунная, третья пушка медная фунтовая, четвертая чугунная полуфунтовая, две пушки железные, 136 самопалов, турок и фузей годных к стрельбе, да негодных 18, бердышев больших и малых 17, пороха 4 пуда 23 фунта, мелкого 2 пуда 7 фунтов, пороха 7 пудов 30 фунтов, пуль свинцовых разных калибров 2 пуда 15 фунтов, пушечных свинцовых 2 ядра весом два фунта, свинцу 4 пуда 37 фунтов, ядер гранатных чиненные 12, пушечные, чугунные 474 ядра...» [Там же, л. 147].

Подобным же образом были выстроены часть деревень. Вооруженной охраны у деревень, входивших в вотчину, естественно, не было, эта обязанность возлагалась на самих крестьян. Поэтому деревни, которые по предположению чаще всех подвергались разбойным нападениям и имели крупное хозяйство, строились по типу крепостей, позволяющих держать оборону. Кроме того, удаленность деревень от центра вотчины не позволяла вовремя оказать им помощь, самая близкая деревня находилась в 5 верстах (5,3 км), а самая дальняя — в 35 верстах (37,3 км). Как правило, деревенское крепостное строение было более упрощенным, например: «д. Малетина 30 дворов, при той деревне крепость заплот забран в столбах и рогатки кругом той крепости мерою 100 сажень» [Там же, л. 142]. При нападениях многие деревни, не имеющие укрепления, просто сжигались, например: «Воскресенского села деревни Клоповую, Березовый мыс, Качагарову, Черемную, Куликову и того пять вору башкирцы выжгли, а в тех деревнях людей не было, а выведены были в крепости и в Баминную деревню где надолобами и рогатками укреплено» [Там же, л. 204 об.].

Регулярные нападения со стороны башкир и киргиз-кайсаков заставляли епархиальное руководство обращаться с жалобами в Сенат с просьбой разрешить создавшуюся ситуацию. Это косвенно подтверждает текст экстракта, адресованный тайному советнику В.Н. Татищеву и генералу-майору Ф.И. Соимонову, отправленный из Сената в Казанскую Сибирскую губернию и Уфимскую провинцию. В нем содержится указание: «дабы от нападений Киргиз-кайсацкой орды и от воров башкирцев иметь крепкую в предосторожности и как возможно стараться, чтоб их воровских жилищ и к соединениям с ворами башкирцами не допустить у тех, российских подданных от разорения охранять» [РГАДА, ф. 248, оп. 5, кн. 313, л. 151–151 об.]. В конце XVII — XVIII в., по мнению В.В. Менщикова, «все большую опасность для русских поселений в Зауралье стали создавать набеги киргиз-кайсаков. Если борьба с башкирскими восстаниями шла путем военного подавления восставших фактически внутри границ Российского государства, то борьба с киргиз-кайсаками носила характер приграничных конфликтов, так как южнее линии р. Уй к середине и даже к 80-м гг. XVIII в. русских поселений практически не было» [2004, с. 70].

Воскресенская вотчина одной из первых подверглась нападению со стороны киргиз-кайсаков, а именно «в 1690 году в результате нападения “Казачьей орды” было убито 70 человек, а 20 взято в плен, отогнали рогатого скота 300 голов и 200 лошадей» [РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 481, ч. I, д. 6 (3), л. 143]. В 1706 г. «от воров башкирцев убито 60 чел., в полон взято 40 чел., рогатого скота и лошадей отогнали без остатку» [Там же]. И такие сведения носят не единичный характер. Например, 31 июня 1736 г. «воры башкирцы человек 500 Воскресенского села прибежали в поскотину и лошадей и скота отогнали не малое количество. Из того села,

Воскресенская вотчина Тобольского Софийского дома в конце XVII — XVIII в.

стоящие тут на форпосте драгуны и крестьяне с человек 60 ходили за ними ворами в погоню и, догнав, был бой, причем воров несколько побито и ранено и воры убили крестьян 24, ранили 2-х» [Там же, л. 204 об.–205]. В этот же день «приступили они воры башкирцы под д. Юрхневскую, и был бой с полудни до полуночи, только оную деревню взять не смогли, а скота отогнали», кроме этого пять деревень Воскресенской вотчины сожгли, но людей там не было, их вовремя перевели в крепости. Столкновения эти происходили часто и носили ожесточенный характер, и, как справедливо отмечает В.В. Меншиков, «страдали не только русские поселенцы, периодически подвергающиеся набегам, убиваемые и угоняемые в Среднюю Азию для продажи в рабство. Не менее жестокими были и ответные меры русских властей» [2004, с. 65].

Таким образом, развитие вотчины происходило в условиях постоянной внешней опасности, что не могло не отразиться на численном составе крестьянского населения. Об этом свидетельствуют данные о количестве крестьянских дворов и душ (табл.).

Данные ревизии 1719 г.*

Название вотчины	Крестьянских и бобыльских дворов	Зависимое население, душ м.п.	Площадь пашни, дес.	Сенных покосов, копен
с. Преображенское	28	162	504	5220
Тавдинская слобода	142	554	123,5	6170
Покровская слобода	81	370	284	9400
Усть-Ницынская слобода	214	767	261	10440
с. Воскресенское	200	82	165	7288
<i>Итого</i>	665	1935	1337,5	38518

* Табл. составлена по: РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 481, д. 4, л. 14–24.

Данные свидетельствуют о том, что по числу крестьянских и бобыльских домов с. Воскресенское располагалось сразу же после Усть-Ницынской слободы, крупного вотчинного хозяйства Тобольского Софийского дома, но по количеству зависимого населения уступало ей почти в 9 раз. Одной из причин такого положения, на наш взгляд, и являлись особенности крестьянской жизни в условиях постоянных территориальных конфликтов с башкирами и киргиз-кайсаками. Подтверждением нашего мнения может служить приведенная далее динамика численности мужского и женского населения с. Воскресенского, где пики роста и спада приходится именно на те годы (1736 и 1740), когда происходили массовые нападения со стороны башкир и казахов (рис.).

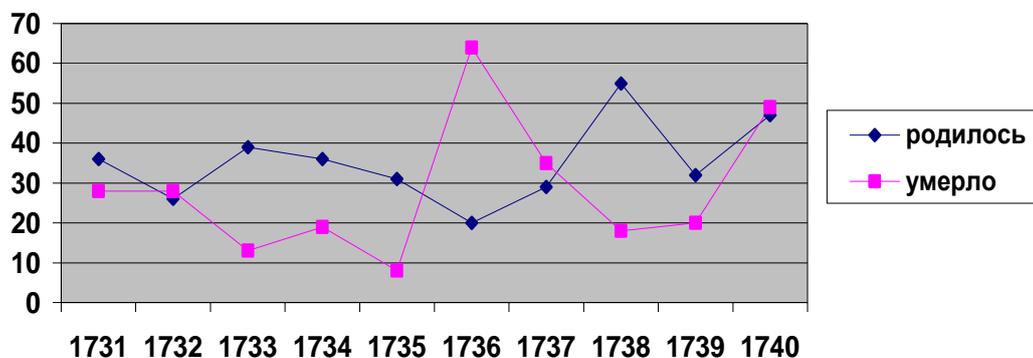
В 1736 г. уровень смертности мужского населения превысил уровень рождаемости в 3,2 раза, а у женщин — в 1,7 раза. В 1740 г. показатели рождаемости и смертности мужчин практически совпали (47 чел./49 чел.), а среди женской части населения сохранялась тенденция спада рождаемости (в 1,5 раза). Безусловно, определенный процент смертности должен быть связан с естественной убылью, но внешние факторы, на наш взгляд, также играли свою роль. Интересно было бы сравнить эти данные с общей численностью населения села за период 1731–1740 гг. и выявить динамику соотношения этих показателей, но пока такие сведения не обнаружены, поэтому вывод о причинах смертности носит вероятностный характер.

По ревизии 1744 г. к с. Воскресенскому с 37 деревнями было приписано 1116 чел., из них тяглых крестьян — 600 чел. [РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 15 об.]. Возраст мужчин, способных нести тягло, законодательством определялся от 16 до 50 лет. Кроме ведения собственного хозяйства, крестьяне несли повинности, определенные архиерейским домом. В частности, для содержания казенного и своего скота крестьяне имели покосы более чем на 2000 копен, а также «зверинные промыслы на которых вотчинные крестьяне ловят горностаев, волков и в борах белок и для своей пищи и на продажу разных снедных птиц» [Там же, л. 17].

Основным занятием воскресенских крестьян было выращивание зерновых культур, переработкой которых им приходилось заниматься самостоятельно, так как казенной мельницы в селе не имелось. По данным той же ревизии, личных мельниц насчитывалось 17, располагались они по рекам Миясу, Окуневке, Карасулке, на Карасьей пади. Почти все они находились в оброке, кроме четырех. Крестьянин обязан был платить оброк и в том случае, если мельницы уже фактически не было: «...на р. Окуневке при д. Шибановой крестьянина Семена Шибанова с детьми был на одной плотине один амбар об одном поставе, который назад тому четыре года вешней водой снесло и плотину размыло только спуста платят оброк» [Там же, л. 17 об.]. Существовала также практика передачи оброка с пустой мельницы на действующую, например,

крестьяне Мосей и Тимофей Друшковы, Потап Фартыгин и Иван Моторин держали мельницу при д. Окуновой и обязаны были платить «вместо пустой мельницы, которая была в окладе за воскресенским попом Степаном Максимовым» [РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 17]. Платить оброк крестьяне могли как самостоятельно в Окуневскую канцелярию, так и через вотчинную администрацию.

Мужское население

Женское население

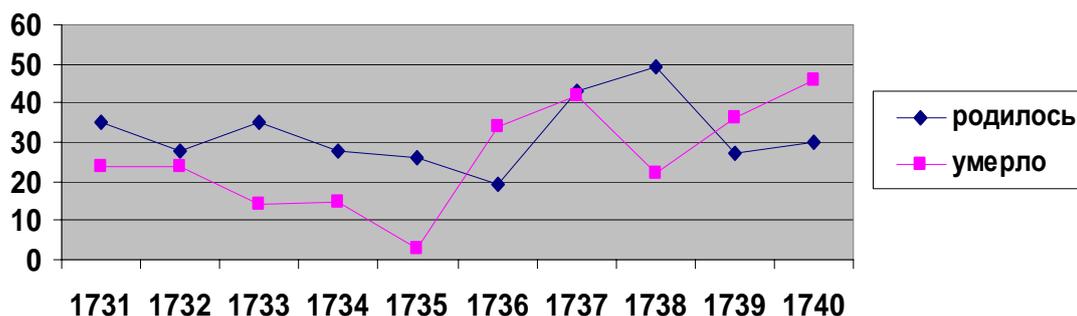

Рис. Показатели рождаемости и смертности населения с. Воскресенского в 1731–1740-х гг.

В вотчине имелись рыбные ловли, которые располагались по р. Миясу и другим речкам и на озерах. Крестьяне в основном ловили щук, язей, плотву, еленей и карасей. Особенно прибыльным это занятие было весной: «...когда в озерах наводнения бывают, от этого хороший прибыток получают, в дом и в казну с них ничего не берется», т.е. оброк выплачивался пойманной рыбой [Там же, л. 18].

Кроме этого имелись и другие промыслы, на которых были задействованы архиерейские крестьяне, — сбор хмеля, заготовка древесины. Наибольшей ценностью пород древесины отличался Елецкий бор, находившийся более чем в 15 верстах от с. Воскресенского. В остальных шести борах «дельного на хоромное строение лесу ныне нисколько нет» [Там же, л. 19], скорее всего, это связано с тем, что находящиеся вблизи лесные угодья были выработаны и уступали по качеству древесины.

При с. Воскресенском содержали конный завод, который принадлежал Тобольскому Софийскому дому, по данным 1744 г. в нем насчитывалось: «приплодных жеребцов — 2; кобыл приплодных — 32; мерин для работ — 14; жеребят, кобылок и жеребчиков от 3-х лет и моложе — 58», помимо лошадей содержали «коров и быков больших и малых — 27; овец и баранов больших и малых — 174» [Там же, л. 18]. Крестьяне должны были следить за казенным скотом, для этого выделялось ежегодно 30 чел., которые «скотские дворы чистили в каждое лето по три дня, а в зимнее время через неделю и две подчищали в один день и возили на своих лошадях».

Нередко крестьяне привлекались к продаже казенных лошадей, например, летом 1761 г. 9 чел. были посланы для продажи архиерейских кобыл «в башкирские жительство до вершин Яика реки, расстоянием от с. Воскресенского не менее 300 верст и возвратились они в дома через 6 недель» [РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 21 об.].

Занимались архиерейские крестьяне и другими работами. Их обязанностью являлась перевозка собранного хлеба в Тобольск в житницы Софийского дома. Для этого крестьяне ежегодно строили пятиугольные барки наймом на общие сборные деньги. Перевозка хлебных припасов была сложным делом, так как требовала внимания из-за мельничных плотин на реках, поэтому от с. Воскресенского до Усть-Мияской слободы, в 70 верстах, груз сопровождали от 20 до 40 чел., а по маловодью — и до 100 чел. крестьян. На самих барках находились два целовальника и десять работников и крестьян. Целовальникам давалось «подмога» от крестьян в размере 2 руб. После доставки груза барки разламывались, а работники использовались на разных работах: «...при доме архиерейском поделки исправляют и в сенокос употребляются и возвращаются в сентябре и бывают в Тобольске на архиерейской пище».

Отправляли вотчинных крестьян и на добычу бутового камня. Например, с 1 по 9 февраля 1759 г. вверх по р. Нижний Тагил было отправлено из села 854 подводы, которые «по 21 марта добыв того камню отвезли в состоящую от того места во 108 верстах в архиерейскую Устьницынскую слободу 17 сажень, весом на каждой подводе по 18 пуд» [Там же, л. 20 об.]. Весной бутовой камень сплавляли в Тобольск. Бывали случаи, когда груз приходил не в полном объеме, например, «в 1759 году из Устьницынской слободы на покупном крестьянами дощанике за 15 рублей отправлено 1800 пуд. по реке Туре и будучи ниже г. Тюмени в верстах в семи тот дощаник и с камнем потонул. Однако ж того камню с половиною, т.е. с 900 пуд достали и на покупной в Тюмени на их же крестьянские деньги за 4 рубля барке до Тобольска сплавили» [Там же].

В осеннее время крестьяне привлекались и к строительным работам. Например, осенью 1759 г. 50 чел. были отправлены в Усть-Ницынскую слободу, которая находилась в 225 верстах от села, для проведения из болота «перекопа» и работали 2 мес. Кроме того, осенью того же года 300 конных и 300 пеших крестьян закладывали у с. Воскресенского сад, «в коего разные деревья садили и поливали, и садили загороженной ими ж огород хмелю, в коей работе находились два месяца» [Там же, л. 21].

Должны были архиерейские крестьяне заниматься заготовкой различных трав и ловлей птиц и зверей. В июне 1760 г. «20 человек крестьян накопили корения осолотки и нарвали богородской травы в один день и нагрузили 2 бата и сплавили в Тобольск» [Там же, л. 21 об.]. В это же время 49 крестьян были посланы для ловли полевых птиц и зверьков, в результате поймано было 206 разных птиц и этим же обозом с заготовленной травой отправлено в Тобольский архиерейский дом.

К тому же в селе имелось производство кирпича, который поставлялся и в другие вотчины, например в Усть-Ницынскую слободу в декабре 1761 г. было отправлено 10 000 кирпичей на 230 подводах [Там же, л. 21 об.]. В этом же году крестьяне Воскресенской вотчины занимались изготовлением соломенного пепла, который был необходим для архиерейской стеклянной фабрики в Усть-Ницынской слободе: «...нажжено соломенного пеплу 300 четвертей и отвезено зимою на крестьянских 60 подводах» [Там же, л. 22].

Помимо общественных работ в пользу архиерейского дома тяглые крестьяне ежегодно платили подушный семигривенный налог в Окуневскую управительскую канцелярию, а «четвертного провианта с оных крестьян не собирается для того, что от дому архиерейского положена на них пятинная пашня» [РГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 481, д. 6 (3), л. 144]. Кроме денежного оброка крестьяне облагались натуральным сбором архиерейского дома. Например, в 1762 г. с каждого тягла: сена — 1 копна; куриных яиц — 10 шт.; дров березовых пиленных со всех тяглых крестьян — 30 сажень; кто пашню пахал — пятинный хлеб; масла с каждой большой коровы по 2 ½ фунта, а с молодой — 1 ¼ фунта. Кроме того, «по требованию из дому архиерейскому непоровну в год со всех крестьян колеса, ушаты, ведра, шайки, лопаты, заступы, и ягоды вишня и от кого брусника и клубника, грузди, мешки холщевые и масло конопляное собирались» [РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 24].

Платили крестьяне денежное и хлебное жалование и представителям вотчинной администрации. Например, «комиссар И. Богданов по 1753-й год с пашенных тяглых крестьян с 500 чел. с каждого в год получал по пуду ржи, овса, трем подьячим заплатили в общем 7 рублей денег и 6 четвертей хлеба, пищикам полагалось 2 рубля деньгами и три четверти ржи и овса пополам,

конюху с двумя сыновьями платили 9 рублей денег, ржи и овса по 6 четвертей, да с трех их душ крестьяне платили подушные деньги миром в размере 2 рубля 14 копеек. Управитель иеромонах Вонифатий довольствовался хмельными припасами с казенных архиерейских магазинов, сколько на его пропитание потребуется» [РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 682, л. 26]. Собирались налоги и с крестьянских промыслов, с содержания мельниц, кузниц. В архиерейский казенный приказ поступали от крестьян вотчины «выводные деньги» за баб и девок, за каждую по 5 руб. [Там же, л. 24 об.] и т.д.

Нормы сборов могли меняться, и это вызывало вполне понятное недовольство крестьян действиями властей, перераставшее в протесты. Выступления воскресенских крестьян не были единичными и происходили неоднократно в 1726, 1727, 1731, 1740, 1746, 1750, 1758, 1760 гг. [Побережников, 1989, с. 34]. Учитывая, что выступления крестьян духовных вотчин составляли 14 % от всех подобных случаев в Западной Сибири XVIII в., можно сделать вывод о высокой активности крестьян с. Воскресенского. Например, в 1726 г. крестьяне отказались подчиняться приказчику Лузину, прогнали его и прекратили барщинные работы. Протест продолжался более года [Кондрашенков, 1968, с. 43].

Наибольшее внимания заслуживает волнение, которое охватило вотчину после указа Екатерины II от 12 августа 1762 г., возвращающего духовным феодалам право собственности на землю и крестьян. При оглашении данного указа, а также указа Тобольской духовной консистории о приеме обратно вотчинного имущества в приказной избе, крестьяне данное указание не приняли и не подписали его. В дальнейшем они отказались выполнять вотчинные работы и возвращать имущество, которое когда-то принадлежало архиерейскому дому. Крестьянский мир с. Воскресенского разрешил пахать земли, пользоваться рыболовными и лесными угодьями крестьянам, проживающим поблизости, и в результате по жалобам управляющих вотчиной «по всей округе внутрь воскресенского чертежа леса опустошены, что целыми борами и дубравами искоренено и вытаскано, а иное и пожжено» [Побережников, 1989, с. 44]. Крестьяне, которые отказывались протестовать, вызывали у общинников негодование. Например, «31 декабря было решено послушных вотчинной власти бить нагими на снегу палками» [Там же]. Крестьяне крайне негативно реагировали на все попытки властей их усмирить: например, когда в с. Воскресенское прибыл подканцелярист П. Попов для «истолкования» указа от 8 января 1763 г. о послушании властям, они собирались «бить его, и одежду на нем изодрать намерения имели», кроме того, «и ворами как его, так и... иеромонаха Вонифатия... называли» [Там же, с. 45]. Протест крестьян имел непростой характер и продолжался до 1764 г., принимая новые формы. По мнению И.В. Побережникова, здесь сыграла роль цепная реакция, так как протесты архиерейских крестьян были организованы и существовала коммуникация между «бунтовщиками» и другими селениями одной вотчины [Там же, с. 76].

Таким образом, нахождение Воскресенской вотчины Тобольского Софийского дома в зоне постоянных территориальных конфликтов с башкирами и киргиз-кайсаками, на наш взгляд, существенным образом определяло повседневную жизнь крестьян. Это выразилось в их активной позиции в отстаивании права на освоение и заселение новых земель, а также права на их управление, что ярко проявилось в волне протестов второй половины XVIII в. В истории Воскресенской вотчины остаются «белые пятна», которые требуют продолжения исследовательского поиска. Он позволит выяснить социальный, этнический состав населения, выявить общее и особенное в развитии по сравнению с другими архиерейскими вотчинами, а также определить роль Тобольского Софийского дома в освоении территории Зауралья в условиях территориальной конфронтации с коренными народами Южного Урала и Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Выписки* из писцовых 1683 и 1684 годов книг. О вотчинных пашенных и сенокосных землях и разных недвижимых имуществах, принадлежащих архиерейскому дому // РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. I. Д. 6 (3).
Описание Архиерейского дома в Тобольске на верхнем посаде // РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. I. Д. 4.
Описание Тобольского архиерейского дома по форме Коллегии экономии // РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 682.
Следственная комиссия по Оренбургской экспедиции // РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 313.

Воскресенская вотчина Тобольского Софийского дома в конце XVII — XVIII в.

Литература

- Горбань Н.В.* Движения крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. // Учен. зап. Омск. пед. ин-та. 1949. Вып. 4. С. 75–195.
- Громыко М.М.* Церковные вотчины Западной Сибири накануне секуляризации // Сибирь в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 152–186.
- Кондрашенков А.А.* Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган: Изд-во газеты «Сов. Зауралье», 1962. 177 с.
- Кондрашенков А.А.* Крестьянское движение в Южном Зауралье в XVII–XVIII веках // Очерки истории Курганской области. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1968. С. 42–61.
- Менщиков В.В.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: Общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во КурГУ, 2004. 200 с.
- Побережников И.В.* Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. 176 с.
- Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). СПб., 2009. 445 с.
- Самигулов Г.Х.* Об оборонительных сооружениях слобод и деревень Южного Зауралья XVII — начала XVIII веков [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://uralhistory.livejournal.com/2602.html>.
- Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 25 с.
- Шорохов Л.П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск: Изд-во КГУ, 1983. 164 с.
- Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.
- Щербич С.Н.* Источники формирования земельного фонда Тобольского архиерейского дома в XVII веке // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 9. С. 81–86.
- Щербич С.Н.* Население вотчин Тобольского архиерейского дома по переписным книгам XVII в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 137–141.

Тюменский государственный университет
sofia-sh@mal.ru

The article is devoted to a history regarding Voskresensk votchina of Tobolsk St. Sophia House, detailing everyday life of the votchina peasants under frequent territorial conflicts with Bashkirs and Kyrgyz-the-Kaysaks (Kazakhs), including comments on architectural details of the settlements created for defensive purposes. The paper revises the peasants' activities, a taxation system of the votchina population, as well as forms of their protest against the votchina administration.

Key words: *peasants, votchina economy, Tobolsk St. Sophia House, Bashkirs, Kyrgyz-the-Kaysaks, fortification, taxation system, peasant unrest.*

РОДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ АЛТАЙЦЕВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ¹

Т.С. Ябыштаев

Впервые обращено внимание на семантические аспекты места и времени проведения родовых праздников алтайцев. Освещены функции возрожденного зайсаната и его общественная роль в организации родовых мероприятий. Собранные материалы позволили систематизировать маркеры сёока (тамга, коновязь, родовое знамя) и определить базовую основу родовой структуры алтайцев в сфере функционирования обычаев взаимопомощи.

Алтайцы, родовой праздник, сёок-род, зайсан, родовые обычаи, родовая территория.

Начиная с 1990-х гг. в этнической жизни алтайцев соблюдается практика проведения родового праздника (*сёоктин-байрамы*). Развернувшееся в постсоветский период родовое движение алтайцев актуализировало маркеры сёока-рода (тамга, коновязь, природные хранители), возродилась должность главы сёока — зайсана. Объясняется это сохранением в семейно-родственной среде родового сознания алтайцев. Возрожденный зайсанат призван решать внутриэтнические проблемы: соблюдения обычаев родовой взаимопомощи, экзогамии, урегулирования сватовских расходов и пр. Для живущих рядом русских, этнического большинства Республики Алтай, проблемы родового движения алтайцев остаются не понятными. Эта дистанцированность наблюдалась еще в советский период, когда родовая структура алтайцев была объявлена «пережитком». В устоявшейся традиции проведения родовых праздников местные русские видят этнокультурную удаленность алтайцев. Традиция проведения съездов-праздников была поддержана в соседнем регионе — Кемеровской области телеутами [Батьянова, 2011, с. 22].

Данная статья посвящена родовым праздникам алтайцев, ставшим символом консолидации сёоков-родов и возрождения должности зайсана. Такая форма этносоциальной практики характерна для южных алтайцев, в то время как северные группы алтайцев в своем этническом возрождении пошли административным путем — создания общественных организаций, в которых не берется во внимание родовая принадлежность их членов. Основным источником данной статьи являются полевые материалы автора, собранные на праздниках сёоков-родов тонжан (*тон-жоон*), чапты, тёлёс (*тёёлёс*) в 2011–2012 гг. Во время поездок были сделаны копии снимков из семейных фотоальбомов информаторов, дающих представление о первых родовых мероприятиях начала 1990-х гг. Одним из активных методов сбора материала выступает беседа на алтайском языке, что дает возможность выявить внутриэтнические проблемы. Для многих алтайцев, проживающих в сельской местности, русский язык остается языком официального общения, не позволяющим «углубить» ритуальный контекст. В научный оборот введены сведения о родовых праздниках конца 1980-х — начала 1990-х гг., опубликованные в региональной газете «Алтайдын Чолмоны».

О сакрализации места и времени проведения родового праздника

В каждом сёоке избран исполнительный комитет (*будуречи кюрее*), одной из обязанностей которого является разработка сценария, повестки дня и проекта решений предстоящего родового праздника. Место и время проведения его объявляется в газете «Алтайдын Чолмоны» и по региональному телевидению ГТРК «Эл Алтай». С целью придания сакральности мероприятие назначается на период новолуния и на родовой территории данного сёока или в местах проживания большинства его представителей.

Сёоки-роды майман, тодош и тёлёс проводят родовые праздники в долинах рек Урсул и Каракол (Онгудайский р-н). Первое родовое собрание сёока майман состоялось 24 июня 1988 г. в местечке Шибелик долины р. Урсул, у с. Талда Онгудайского р-на [Киндикова, 1989, с. 4]. За-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Символы и атрибуты родовой потестарности алтайцев в этнополитическом дискурсе Республики Алтай» (№ 13-11-04005 а(р), рук. Н.А. Тадина).

Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай

тем через год этот сёок собрался в долине р. Каракол, у с. Боочы Онгудайского р-на. Родовой праздник становился традиционным. В 1991 г. у с. Келей Усть-Канского р-на собрался многочисленный сёок тодош [Ойношев, 1991, с. 6]. В том же году сёок кыпчак провел родовой праздник на своей родовой территории Тоотой в долине р. Урсул, у с. Ело Онгудайского р-на [Мамадаков, 1991, с. 3]. Его примеру последовал сёок мундус, собравшийся на родовой территории у с. Чемал, так как Чемальский район считается местом его формирования. В том же районе у с. Бешпельтир в 1999 г. провел родовой праздник сёок чапты. В народной памяти сохраняются легенды о том, что этот род вышел из низовий р. Катунь, а его родовая гора Чаптыган находится на границе Майминского и Чойского районов.

Родовая территория располагается у родовой горы и/или горного хребта, называемого *бэжырган тайгазы*, что означает «тайга, которой поклоняются». Каждый сёок почитает свою гору как «покровителя рода». К примеру, у сёока тодош священной считается гора Бабырган, стоящая на границе Алтайского края, у тёлёс — горный хребет Тумечин, у кыпчак — Тоотой (у с. Ело Онгудайского р-на). Издавна родовая гора считалась местом формирования сёока, его укрытием от внешних угроз: «...гора была главным объектом родового культа у алтайцев» [Токарев, 1947, с. 150–152].

Ранним утром, в день проведения родового праздника, старейшины сёока совершают ритуал почитания родовой территории (*мүреуул*). Для этого берут с собой белые ленты (*жалама*), можжевельник (*арчын*), молоко и угощение (лепешки, сыры, сладости), поднимаются на восточный склон горы. Там, повязав белые ленты на березу, разжигают небольшой костер и четное количество раз кропят молоком в сторону восхода солнца. Этими действиями выражается почитание природы Алтая и испрашивание благополучия в предстоящем мероприятии. Посредством ритуала поклонения родовой праздник приобретает сакральность и «законность» проведения на священной территории.

Необходимым атрибутом родового праздника являются юрта (*айыл*) и коновязь (*чаки*). За несколько дней до праздника мужчины рода подготавливают место для его проведения. На всех массовых мероприятиях алтайцев строится жилище «айыл» как этнокультурный символ. В тюрко-монгольском мире основной формой жилища была юрта. По моим полевым наблюдениям, на празднике сёока тонжан (июнь, 2011 г.) в таком айыле были представлены родовые легенды, генеалогии нескольких семей и биографии знаменитых личностей рода. С постройкой айыла на месте праздника образуется «определенная зона одомашненности» [Жуковская, 1988, с. 24]. В эту зону входит установление коновязи и приготовление ритуального угощения — мясного супа *кочо* из конины/баранины и ячменной крупы. В картине мира алтайцев человек с его жильем и скотом, живущий отдельно от «дикой природы», при освоении ее пространства, заявляет о себе своими символами, каковыми выступают жилище-айыл и коновязь [Тадина, 2011, с. 151–152].

Рис. 1. Установление коновязи на родовом празднике сёока чапты.
Фото автора. 27.06.2012

Родовой праздник начинается с ритуала установления новой коновязи при соблюдении всех «правильных знаков» — четности ритуальных действий и ориентации на восток. В нем участвуют мужчины зрелого возраста, представители собравшегося сёока (рис. 1). Коновязь, отождествляемая с миром человека и его домашним очагом, имеет четыре или шесть звеньев. Ее устанавливают недалеко от айыла с восточной стороны: «будучи атрибутом культуры, коновязь служила для топографической разметки освоенного пространства» [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 25]. В мифологической трактовке родовая коновязь выражает приглашение на праздник покровителей (богатырей) сёока: таковым у кыпчак является *Бай Улгень*, а у тодош — *Каршыт*. С другой стороны, коновязь выполняет практическое назначение — приехавшие привязывают к ней своих лошадей (рис. 2). Нижние и верхние звенья коновязи остаются свободными, потому что они запретны. В героическом эпосе алтайцев коновязь соединяет три мира — нижний (подземный), средний (земной) и верхний (небесный), поэтому ее верхняя часть предназначена для ездовых лошадей Кудая (верхних духов), а нижняя — для ездовых животных Эрлик Бия (нижних духов) [Муйтуева, 2004, с. 89].

Рис. 2. Коновязь и родовое знамя на празднике сёока тёлёс. Фото автора. 29.07.2012

Коновязь остается на месте проведения родового праздника и напоминает о нем. У с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на, в местечке Сетерлу, где в июле 1996 г. прошел родовой праздник сёока тодош, стоит комплекс из четырех коновязей, расположенных полумесяцем, а в центре его стела, на которой высечены знак-тамга рода и дата события (рис. 3).

Рис. 3. Родовой комплекс сёока тодош. Фото автора. 14.08.2010

Актуализация маркеров сёока на родовом празднике

На месте родового праздника остается стела, называемая *көжө таш*. На ней высечена тамга собиравшегося сёока. Тамга означает родовой знак, у каждого сёока он свой. У кыпчак тамга именуется *сулук*, что означает «удила», потому что она изображена в виде конских удил. У сёока тодош тамга, схематически напоминающая «корыто», названа *тоскуур*; у чапты — *ай* (полумесяц). У сёока тёлёс тамга *кулжа* (орнамент), которую почтительно называют *ширее*, в смысле «трон, престол».

Тамги алтайцев имеют внешнее сходство с тамгами народов Монголии (уряньхайцев, дёрбётов), казахов, кыргызов и башкир [Екеев, 2005]. Появление тамги у народов Центральной Азии связано со скотоводческим образом жизни — тавром клеймили скот. Тамга наследовалась сыновьями от отца и дополнялась новыми ответвлениями. Кроме знака собственности, тамга выполняла оберегающие и защитные функции в ритуальной жизни [Ябыштаев, 2011; Ямаева, 2004]. После присоединения алтайцев к России тамга стала печатью на официальных документах. В наши дни тамги популяризируют на параде родовых знамен на празднике Эл Ойын, их изображения воспроизводят на футболках и даже на автомобилях.

Праздник сёока открывается торжественным поднятием родового знамени *мааны*. Эта процедура заимствована из советского времени, из которого вышло старшее поколение. На светлом (зеленом, желтом) фоне родового знамени изображены священное животное и тамга сёока. На знамени сёока тёлёс мы видим оленя и тамгу рода *ширее* (рис. 2). Если айыл, коновязь и тамга — традиционные этнокультурные элементы, то родовое знамя — *мааны* конструируется в наши дни. На родовых собраниях предлагается разработать вариант знамени сёока: оговариваются его цвет, размеры, даже материал, из которого он будет изготовлен. К примеру, сёок ирkit привлек студентов, обучающихся дизайнерскому делу. Бывают случаи, когда разработку родового знамени заказывают художникам.

О популяризации возрожденного зайсаната

Впервые об избрании на должность зайсана прозвучало на родовом празднике сёока майман в 1989 г. Однако этот титул ассоциировался с понятием «эксплуататор», распространенным в советские годы. Предлагалось заменить его терминами *абыйым*, *абаайым*, *баштык* [Кыдыева, 1994; Ойношев, 1991, с. 6]. И все же, после дискуссий в газете «Алтайдын Чолмоны», понятие «зайсан» утвердилось в жизни.

Совет зайсанов состоит из 12 глав родов [Ябыштаев, 2012]. Для того чтобы стать одним из них, нужно обладать организаторскими способностями. Неслучайно зайсаны вышли из партийных работников, депутатов, индивидуальных предпринимателей. По устоявшим народным представлениям, в семье зайсана должна звучать родная речь, соблюдаться обычаи и традиции народа. Особое внимание уделяется возрасту и жизненному опыту. Средний возраст современных зайсанов около 60 лет [Тадина, 2009]. В этот период человек достигает мудрости и приобретает новое видение жизненных проблем. Следующим, спорным, критерием является место проживания зайсанов. Большинство их живет в городе, где находится исполнительный комитет *Күрее* общественного движения алтайцев. Сельские же зайсаны говорят о том, что необходимо жить среди народа, как и большая часть алтайцев, в селах.

Ключевым вопросом последних собраний стало избрание зайсана. Среди выдвинутых кандидатов зайсаном становится тот, кто набрал большее количество голосов. Ему вручают старинный знак власти — плетку *чылбыр* (рис. 4). Новый зайсан формирует исполнительный комитет *бүдүречи күрее*, в состав которого входят заместители *темичи* от каждого района. Одну из инициатив зайсаната можно было наблюдать на празднике Эл Ойын в 2012 г. Впервые на месте юрт районов был установлен айыл сёока ирkit, куда приглашались желающие отдохнуть, переночевать и отведать алтайские блюда. Идея такой родовой взаимопомощи на массовых мероприятиях была выдвинута зайсаном по инициативе сёока ирkit и получила одобрение среди алтайцев [Адарова, 2012, с. 6].

На одном из заседаний Совета зайсанов, состоявшемся в августе 2012 г., зайсан сёока чапты предложил к фамилиям алтайцев дописывать название сёока, например, Кыпчак-Ябыштаев. Его идея объяснялась тем, что такая фамилия указывала бы на родовую принадлежность собеседника, так как среди молодежи встречаются случаи нарушения родовой экзогамии. При этом он ставил в пример фамилии известных личностей начала прошлого века, как-то художник и общественный деятель Г.И. Чорос-Гуркин, писатели М.В. Мундус-Эдоков и

П.А. Чагат-Строев. Пути решения родовых проблем поддержаны зайсаном, и в дальнейшем планируется обсудить их на очередном съезде «Курултая алтайского народа» с выходом на законодательное решение Государственного собрания «Эл Курултай» Республики Алтай.

Рис. 4. Вручение атрибута власти новому зайсану сёока чапты. Фото автора. 27.06.2012

Возрождение родовых праздников объясняется жизнеспособностью родовой структуры алтайцев. В них участвуют не только представители сёока-организатора, но и родственники семей из других родов по материнской линии и сватовских сёоков. О значимости родовых проблем в этнокультурном дискурсе Республики Алтай говорит инициатива молодежи в организации их обсуждений посредством Интернета, в социальных сетях (www.vk.com). В одной из таких групп был проведен (октябрь 2012 г.) виртуальный «курултай сёоков кыпчак и тодош».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Адарова Л. Байрам — жан-ы айылда // Алтайдын чолмоны. 2012. № 107. С. 6.
Киндикова Н. Кара маймандардын туштажузы // Алтайдын чолмоны. 1989. № 137. С. 4.
Мамадаков М. Торко сынду Тоотойдо (кыпчактардын күрее туштажузы керегинде) // Алтайдын чолмоны. 1991. № 142. С. 3.
Ойношев В. Тодоштор јулужып байрам өткүрди // Алтайдын чолмоны. 1991. № 123. С. 6.

Литература

- Батьянова Е.П. Национальные праздники у телеутов XX–XXI вв. // ЭО. 2011. № 6. С. 16–23.
Екеев Н.В. Алтайцы. Горно-Алтайск, 2005. 175 с.
Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 195 с.
Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сёоков (послепраздничные размышления о празднике и не только о нем) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 51–57.
Муйтева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.
Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и Ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
Тадина Н.А. Возрожденный зайсанат в Республике Алтай: Взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2009. № 3. С. 77–81.
Тадина Н.А. Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 146–153.
Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Тр. ИЭ. М., 1947. Т. 1. С. 139–158.

Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай

Ябыштаев Т.С. Игра Көк бөрү как социокультурный знак самоидентификации алтайцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 201–209.

Ябыштаев Т.С. Общественная организация «Курултай алтайского народа» в сосредоточии проблем родового движения в Республике Алтай // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://hses-online.ru>.

Ямаева Е.Е. Родовые тамги алтайских тюрок (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск, 2004. 56 с.

Горно-Алтайский государственный университет
teng7891@mail.ru

For the first time, the attention is paid at semantic aspects of place and time in conducting tribal festivals of Altai people. The author undertakes a description of functions of a renewed zaysanat and its social role in arranging tribal events. Basing on the obtained materials, subject to systematization being markers of seoks-tribes (tamga, horse standing, a tribal banner) together with determining a general basis of a tribal structure with Altai people in functioning of traditions of mutual help.

Altai people, tribal festival, seok-tribe, zaysan, tribal customs, tribal territory.

ТЮМЕНСКИЕ ПРОТЕСТАНТСКИЕ ОБЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ «РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» 1990–2000-х гг.

Р.О. Поплавский

На примере тюменских протестантских церквей рассматривается процесс «религиозного возрождения» в России, анализируется количественный рост общин и их численность в 1990–2000-х гг., а также такие факторы, сдерживающие эти процессы, как церковные расколы, узконаправленная социальная деятельность и др.

Религиозное возрождение, протестантизм, религиозность, подсчеты верующих, численность прихожан.

Термин «религиозное возрождение», или «религиозный ренессанс», получил широкое распространение в российской науке и публицистике в 1990-х гг. в связи с изменениями принципов государственно-конфессиональных отношений и активизацией участия религиозных объединений в общественной жизни страны, которую С.Д. Лебедев метко назвал «выходом религий из «социального гетто»» [2007, с. 24]. Одним из ярких проявлений этого процесса стало празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. Однако метафоричность выражения «религиозное возрождение» [Митрохин, 1995] привела к мифологизации и произвольному толкованию этого понятия в научной литературе. Во-первых, оно воспринимается практически исключительно в позитивном ключе [Лебедев, 2007, с. 24–25], став в представлениях многих россиян своего рода инструментом и неотъемлемой характеристикой благополучного будущего [Митрохин, 1995]¹. Во-вторых, оно часто отождествляется с понятием «духовное возрождение», или «духовно-нравственное возрождение» [Лебедев, 2007, с. 25], тогда как религия является лишь частью «духовного», а нравственное возрождение, по нашему мнению, может происходить и вне рамок какой-либо религиозной системы. В-третьих, «религиозное возрождение» наделяется и политическими смыслами, будучи связано прежде всего с успехами так называемых традиционных религий, в то время как рост и развитие, например, протестантских течений воспринимается зачастую негативно².

Все вышеуказанное требует от исследователя гибкого подхода к анализу процесса «религиозного возрождения» и его более подробного и тщательного изучения, что позволит избежать абсолютизации или недооценки происходящего. На наш взгляд, одним из вопросов, требующих более детального анализа, является численный рост религиозных объединений.

С одной стороны, увеличение количества общин, числа верующих и общего уровня религиозности, о которых упоминается во многих работах, анализирующих религиозную ситуацию и государственно-конфессиональные отношения в России [Лопаткин, 2009, с. 224, 229; Гараджа, 1995, с. 202–203], достаточно ярко свидетельствует о произошедших изменениях. С другой стороны, обращение к общим статистическим показателям в подобных работах не позволяет увидеть нюансы «религиозного возрождения» в России, в связи с чем нам представляется необходимым обратиться к данным, собранным другими методами. Одним из них может стать учет верующих, посещающих богослужебные здания во время догматически значимых мероприятий. Этот метод дает возможность более подробно рассмотреть процесс «религиозного возрождения», в частности выявить темпы роста этих показателей в разные периоды с начала 1990-х гг. и факторы, повлиявшие на них.

¹ В то же время отметим негативное восприятие таких проявлений «религиозного возрождения», как введение курса «Основы религиозных культур и светской этики», реституция имущества религиозного назначения, чрезмерное сближение религиозных структур (главным образом Русской православной церкви) с органами государственной власти и т.д.

² Иллюстрацией для Тюменского региона могут служить слова бывшего главы Комитета по делам национальностей А.В. Мальчевского [2005, с. 64].

Тюменские протестантские общины в контексте «религиозного возрождения» 1990–2000-х гг.

С 2004 г. лаборатория антропологии и этнологии³ ИПОС СО РАН и Независимый центр изучения современного общества⁴ (г. Тюмень) осуществляют учет численности верующих, посещающих богослужения протестантских общин областного центра; с 2005 г. — богослужения в православных храмах⁵, с 2007 г. — богослужения в мечетях г. Тюмени⁶.

На настоящий момент в областном центре существует 24 религиозных общины (как зарегистрированных, так и незарегистрированных), относящихся к различным течениям протестантизма⁷. Рассматриваемые в статье протестантские общины формировались и переживали активные фазы развития в разные годы последнего десятилетия. За этот период претерпели изменения и государственно-конфессиональные отношения, и стратегии деятельности самих общин, что отразилось на динамике их численности. В настоящее время общее количество прихожан достигает 1700 чел.⁸ Таким образом, на одну протестантскую общину в Тюмени приходится порядка 70 чел., что более чем в 4 раза ниже общероссийского показателя [Филатов, Лункин, 2005, с. 43].

Руководители общин достаточно трезво оценивают общую численность последователей протестантского вероучения в разных его вариантах. Так, среднее количество прихожан Церкви христиан веры евангельской «Благая Весть» в рассматриваемый период составляет 68 чел. при заявленной численности общины в 100 чел. [Интервью с пастором А.В. Княжевым]. Богослужения Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» посещают 110 чел., в то время как общее количество прихожан оценивается в 120 чел. [Интервью с пастором П.Н. Мочалкиным]. Богослужения «Тюменской Христианской Церкви» собирают до 100 верующих при заявленной численности общины в 110–120 чел. [Интервью с пастором Л.И. Бродовским]. Таким образом, явление «захожанства» в протестантской среде практически не наблюдается, хотя и становится заметнее в более крупных общинах. Во время христианских праздников тюменские протестантские общины посещает до 2000 чел., что незначительно больше количества прихожан на непростых воскресных или субботних богослужениях, тогда как, например, количество участников пасхальных богослужений в православных церквях может превосходить количество прихожан в обычные воскресные дни в 3,5 раза (подробнее см. [Поплавский, 2010; Митрохин, Сибирева, 2007]).

По количеству прихожан среди тюменских протестантских общин можно выделить крупные (численностью более 100 чел., на фоне которых выделяется Тюменская христианская церковь христиан веры евангельской «Свет миру», чьи богослужения посещает более 400 чел.); средние (численностью от 50 до 100 чел.); и небольшие (до 50 чел.). При этом численно в Тюмени преобладают общины из последней группы: их в областном центре насчитывается 14, в то время как крупных и средних общин — по 5.

На начало 1990-х гг. в Тюмени действовало пять протестантских общин: лютеранская, баптистская, адвентистская, классических пятидесятников и баптистов-«инициативников». В первой половине 1990-х гг. образуются еще пять общин: три пятидесятнические, одна община евангельских христиан и Новоапостольская церковь. В это время церкви и посещавшие город миссионерские группы проводили масштабные евангелизационные кампании, что привело к резкому увеличению их численности; в церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» начали проводить два воскресных богослужения, следующих друг за другом [Интервью с М.Г. Агаповым]. В целом такая ситуация была характерна для многих регионов Рос-

³ До марта 2012 г. — лаборатория социально-исторических исследований.

⁴ Независимый центр изучения современного общества — незарегистрированное исследовательское объединение, созданное студентами и преподавателями Тюменского государственного университета и сотрудниками Института проблем освоения Севера в 2004 г.

⁵ Технология подсчетов в православных храмах изложена в [Поплавский, 2010, с. 48–50]. В той же работе проанализирована динамика численности прихожан православных храмов г. Тюмени за период с 2005 по 2010 г.

⁶ О технологии подсчетов в мечетях и количестве верующих, посещающих городские мечети, см. в [Поплавский, Черепанов, 2012].

⁷ Автор считает необходимым уточнить, что не включает в этот список Свидетелей Иеговы и Церковь Иисуса Христа святых последних дней, чьи вероучения, как представляется, вышли за рамки протестантизма. Подробнее о протестантских течениях и общинах в регионе см. в [Протестантизм в Тюменском крае..., 2006].

⁸ Представленная численность выявлена в результате 51 не включенного наблюдения на богослужениях большинства протестантских общин города, проведенных с 2005 по 2011 г. (преимущественно в 2006–2008 гг.). О численности посещающих богослужения в ряде общин, чьи собрания автору посетить не удалось, известно со слов их руководителей.

сии. Так, на первом богослужении нижевартовской церкви «Слово Жизни» 5 января 1992 г. присутствовало 8 чел.⁹; на втором — 15; на третьем — уже 30 [Интервью с пастором В.Я. Витюком]; к марту численность общины насчитывала 40 верующих [Интервью со служителем И.Р. Самчинским], а к июню — около 200 [Интервью со служителем Е. Самчинской]. На первом богослужении Пыть-Яхской христианской церкви в апреле 1992 г. присутствовали три человека [Быстриченко, 1995], в июне их насчитывалось уже 24 [Сорока, 2001, с. 11].

На фоне бурного роста численности большинства общин количество прихожан лютеранской церкви и Новоапостольской церкви не увеличилось в связи с ориентацией этих общин на этническую группу российских немцев и незаинтересованностью верующих в привлечении большого количества новообращенных. Более того, можно говорить об уменьшении численности последователей этих общин в связи с отъездом части верующих на историческую родину в Германию. Не наблюдалось роста прихожан и в незарегистрированных общинах пятидесятников и баптистов ввиду их ориентации на строгие мораль и дресс-код.

Сдерживающим фактором бурного роста некоторых общин оказались церковные расколы. Главным объектом этих процессов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. стала тюменская баптистская община. В советский период это была единственная протестантская община региона, прошедшая государственную регистрацию (в 1946 г.) и официально располагавшая зданием для богослужений [ГУТО ГАТО, ф. 5, оп. 1. д. 1580. л. 33]. В таких условиях в рамках одной общины собирались верующие с разными религиозными взглядами, не желавшие по тем или иным причинам посещать незарегистрированные собрания. С наступлением религиозной свободы часть из них посчитала возможным выйти из состава баптистской общины и присоединиться к другим протестантским группам. Из образовавшейся в результате разделения баптистской общины церкви «Преображение» выделилась группа верующих, образовавших «Христианское собрание» в с. Каскара; из тобольской общины «Свет миру», основанной одноименной тюменской церковью, выделилась церковь «Новое поколение». Расколы в первой половине 1990-х гг. пережили нижевартовская церковь «Слово Жизни» [Интервью с пастором В.Я. Витюком] и Пыть-Яхская христианская церковь [Интервью с пастором В.В. Сорокой].

Таким образом, можно утверждать, что параллельно с бурным ростом количества протестантских общин и численности их прихожан, характерным для «религиозного возрождения» начала 1990-х гг., в ряде общин наблюдался отток верующих, преимущественно вызванный церковными расколами. Общины классических пятидесятников и баптистов-«инициативников» сохраняли стабильное количество прихожан.

Вторая половина 1990-х гг. стала своего рода переходным периодом, в течение которого общины постепенно отказывались от крупных акций в пользу небольших евангелизаций на улице и среди друзей, соседей, коллег и т.д. Это было вызвано как сложностями организации масштабных кампаний в связи с политикой, проводимой региональными властями, так и необходимостью консолидации общин, ранее переживших расколы. Во второй половине 1990-х гг. в областном центре образовалась лишь одна протестантская община — Сибирская церковь евангельских христиан «Великая Благодать». Численность церковей стабилизировалась либо переживала умеренный рост.

В 2000-х гг. количество протестантских общин в Тюмени резко возросло: в областном центре за это время начали свою деятельность 13 церквей. Преимущественно новые общины образовывались в результате деятельности российских миссионеров из других регионов; четыре общины образовались после расколов.

В этот период можно говорить об умеренном росте большинства общин, который сдерживался рядом факторов. В первую очередь речь идет о конфликтах личного и догматического характера, в результате которых от тюменских общин «Свет миру», «Великая Благодать», «Благая Весть» и «Святая Троица», а также от ялуторовской общины классических пятидесятников отделились группы верующих, ныне составляющих малочисленные общины. Эти события повлияли на численность указанных церквей, что особенно ярко видно на примере общин «Великая Благодать» и «Благая Весть» (рис. 1).

⁹ Лишь в одном источнике говорится, что участников было пятеро. См. [5 января 1996 года..., 1996].

Тюменские протестантские общины в контексте «религиозного возрождения» 1990–2000-х гг.

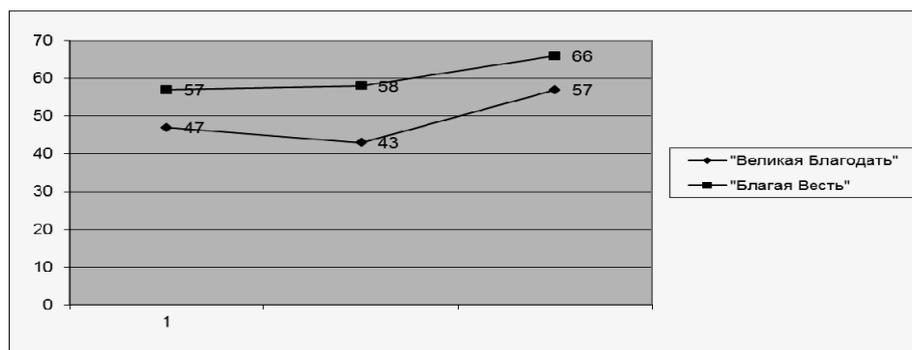

Рис. 1. Динамика численности прихожан в общинах «Великая Благодать» и «Благая Весть» г. Тюмени (2007–2011 гг.)¹⁰

Период с 2007 по 2008 г. — время, когда обе общины переживали последствия расколов, динамика численности верующих, регулярно посещающих богослужения, для церкви «Благая Весть» была незначительной (около 2 %) и для церкви «Великая Благодать» отрицательной (-8,5 %). Положительная динамика, выявленная по результатам последних наблюдений, свидетельствует о том, что указанные общины лишь сейчас начинают преодолевать последствия расколов. В частности, для «Благой Вести» это стало возможным благодаря появлению в этой общине, на две трети состоящей из пожилых женщин, молодых инициативных прихожан [Интервью с пастором А.В. Княжевым].

Более крупные протестантские общины в середине 2000-х гг. переживали заметный рост, в то время как численность небольших общин увеличивалась незначительно либо оставалась стабильной.

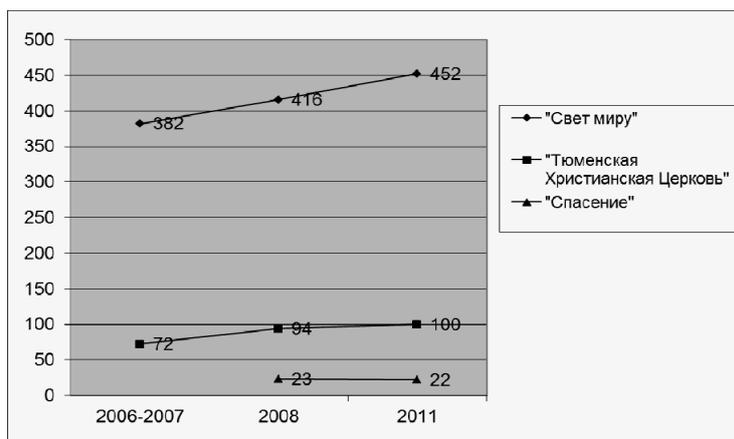

Рис. 2. Динамика численности прихожан в общинах «Свет миру», «Спасение» и «Тюменская Христианская Церковь» г. Тюмени (2006–2011 гг.)¹¹

Динамика численности прихожан протестантских общин г. Тюмени находится на достаточно высоком уровне (рис. 2). Численность «Тюменской Христианской Церкви» выросла в период с 2007 по 2011 г. на 39 %; церкви «Свет миру» с 2006 по 2011 г. — на 18 %. Численность прихо-

¹⁰ Для церкви «Великая Благодать»: 2007 г. — среднее арифметическое результатов подсчетов 14, 21 января и 4 февраля; 2008 г. — результаты подсчета 13 апреля; 2011 г. — среднее арифметическое результатов подсчетов 2 и 5 января; для церкви «Благая Весть»: 2007 г. — среднее арифметическое результатов подсчетов 18 и 25 февраля; 2008 г. — результаты подсчета 13 апреля; 2011 г. — результаты подсчета 9 января.

¹¹ Для церкви «Свет миру»: 2006 г. — среднее арифметическое результатов подсчетов 3, 10 и 17 декабря; 2008 г. — результаты подсчета 13 апреля; 2011 г. — результаты подсчета 13 февраля; для «Тюменской Христианской Церкви»: 2007 г. — среднее арифметическое результатов подсчетов 11, 18 и 25 февраля; 2008 г. — результаты подсчета 13 апреля; 2011 г. — среднее арифметическое результатов подсчетов 2 и 30 января; для церкви «Спасение»: 2008 г. — результаты подсчета 22 марта; 2011 г. — результаты подсчета 1 января.

жан церкви «Спасение» за рассматриваемый период не изменилась. Положительная динамика численности этой общины пришлась на период с 2005 по 2007 г., когда количество прихожан, постоянно посещающих богослужения, выросло с 8¹² до 22–23 чел.

Помимо строгой морали, характерной для классических пятидесятников и баптистов-«инициативников»; ориентации на отдельные этнические группы, характерной для Новоапостольской церкви и лютеранской общины, и расколов, новым фактором, сдерживающим процесс «религиозного возрождения», в 2000-е гг. стала узконаправленная социальная деятельность некоторых протестантских общин, в результате которой состав прихожан пополняется преимущественно верующими, прошедшими курс реабилитации от нарко- и алкозависимости. В таких общинах наблюдается медленный рост количества прихожан. Примерами могут служить тюменские пятидесятнические церкви «Краеугольный камень» (образована в 2003 г.) и «Дерево Жизни» (образована в 2009 г.).

Таким образом, в свете проведенных наблюдений процесс «религиозного возрождения» в России предстает более многообразным и сложным, чем об этом свидетельствуют общероссийские и региональные статистические данные о росте количества религиозных общин и числа верующих. На примере протестантских общин мы можем судить о том, что они пережили два периода бурного роста: в первой половине 1990-х и в 2000-е гг. При этом увеличение количества общин не всегда соответствовало увеличению числа верующих, так как заметная часть общин пережила один или несколько расколов. Основным видимым результатом церковных расколов является снижение темпов роста церквей: как отколовшихся, чьи количественные характеристики после раскола колеблются вокруг одного значения; так и «материнских», переживающих после разделения значительный спад в численности прихожан.

Другими факторами, отрицательно влияющими на темпы роста численности прихожан протестантских общин, являются ориентация на отдельные этнические группы и отсутствие евангелизационной деятельности, а также узконаправленная социальная деятельность. Основным фактор, положительно влияющий на темпы роста численности прихожан,— организованная и регулярная евангелизационная деятельность, а применительно к первой половине 1990-х гг. — участие в масштабных евангелизационных кампаниях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1580. Л. 33.

Интервью с пастором Пыть-Яхской христианской церкви В.В. Сорокой от 23 июля 2011 г., Пыть-Ях // Архив автора.

Интервью с пастором «Тюменской Христианской Церкви» Л.И. Бродовским от 11 августа 2005 г., Тюмень // Архив автора.

Интервью с пастором Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени П.Н. Мочалкиным от 9 августа 2005 г., Тюмень // Архив автора.

Интервью с пастором Церкви христиан веры евангельской «Благая Весть» г. Тюмени А.В. Княжевым от 20 мая 2005 г., Тюмень // Архив автора.

Интервью с пастором Церкви христиан веры евангельской «Благая Весть» г. Тюмени А.В. Княжевым от 17 января 2011 года, Тюмень // Архив автора.

Интервью с пастором Церкви христиан веры евангельской «Слово Жизни» г. Нижневартовска В.Я. Вилюком от 9 февраля 2011 г., Тюмень // Архив автора.

Интервью со служителем Церкви христиан веры евангельской «Слово Жизни» г. Нижневартовска Е. Самчинской от 19 июля 2011 г., Нижневартовск // Архив автора.

Интервью со служителем Церкви христиан веры евангельской «Слово Жизни» г. Нижневартовска И.Р. Самчинским от 19 июля 2011 г., Нижневартовск // Архив автора.

Литература

5 января 1996 года христианской церкви «Слово Жизни» исполняется 4 года // Слово Жизни. 1995. № 12. С. 3.

Быстриченко Г. «Заповеди Иисуса Христа»: Христианская церковь г. Пыть-Яха // Новости Церкви. 1995. № 3. С. 2.

Гараджа В.И. Социология религии. М.: Наука, 1995. 223 с.

¹² Результаты подсчета во время невключенного наблюдения 3 декабря 2005 г.

Тюменские протестантские общины в контексте «религиозного возрождения» 1990–2000-х гг.

Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс как социальная реальность: К демифологизации понятия // Социол. журн. 2007. № 2. С. 24–36.

Лопаткин Р.А. Конфессиональный портрет России: К характеристике современной религиозной ситуации // Вопр. религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. Ч. 4: Кафедра государственно-конфессиональных отношений РАГС. 2009. С. 221–242.

Мальчевский А.В. О религиозной ситуации в Тюменской области // Духовно-нравственный потенциал России: Связь поколений (IV Рождественские образовательные чтения): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (31 января — 1 февраля 2005 г.), Тюмень, 2005. С. 57–64.

Митрохин Л.Н. О времени и о себе // Вопр. философии. 1995. № 6 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/vopros/26.html>.

Митрохин Н.А., Сибирева О.А. «Не бойся, малое стадо!»: Об оценке численности православных верующих на материале полевых исследований в Рязанской области // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/mi24.html>.

Поплавский Р.О. Оценка численности прихожан православных церквей г. Тюмени // Будущее религии в Европе. СПб.: Алетейя, 2010. С. 47–63.

Поплавский Р.О., Черепанов М.С. В поисках «реального» сообщества: оценка численности прихожан мечетей города Тюмени // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 153–158.

Протестантизм в Тюменском крае: История и современность / Под ред. И.В. Боброва. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 222 с.

Сорока В.В. История и судьбы. Пыть-Ях, 2001. 45 с.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: Магия цифр и неоднозначная реальность // Социол. исследования. 2005. № 6. С. 35–45.

Тюмень, ИПОС СО РАН
Roman.Poplavskiy@gmail.com

By an example of Tyumen Protestant churches, subject to consideration being a process of «religious Renaissance» in Russia, analyzing a quantitative increase of communities and their number in 1990s–2000s, as well as determinants restraining these processes, such as church schisms, a narrowly social activity and others.

Religious Renaissance, Protestantism, religious feeling, counting of believers, number of parishioners.

РЕПЕРТУАР ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

О.Ю. Лобанова*, А.В. Семенов**

Показана динамика репертуара протестных действий в Тюмени. С помощью социокультурного анализа проанализирован набор символов и смыслов, характерных для участников протестов. Протестные акции могут иметь как традиционные (митинги, пикеты), так и новые формы (флешмобы, стрит-пати). Участники по-разному формируют набор протестных практик и используют городскую среду. Например, для коммунистических партий характерна определенная повторяемость репертуара, тогда как националисты и православная общественность применяют более широкий набор средств.

Репертуар, протесты и протестные акции, политическая антропология, региональная политика, политические партии.

Широкий репертуар протестных действий¹ используется политическими и гражданскими активистами для выражения своих требований и в попытках повлиять на текущие политические решения. Отстаивание коллективных требований может происходить в рамках конвенциональных действий, соответствующих сложившимся традициям протестных практик, а также неконвенциональных, не получивших широкого распространения или/и не диагностируемых как протестные, либо насильственных. Протестный репертуар, как определяет его Ч. Тилли, представляет собой широкий набор средств, используемый участниками для предъявления требований другой стороне [Tilly, 2006, p. 18]. Активизация репертуара зависит от организационных сетей и рутинных практик населения, которые позволяют протестующим обращаться к общему пониманию смыслов и символов, воздействия режима, а также кумулятивного опыта участников [ibid., p. 18].

Репертуар протеста в российских регионах отличается от такового в центральных городах в силу разницы социально-политического контекста, расположения и количества основных игроков, плотности социальных связей и ресурсных возможностей. В Тюменской области, как и в большинстве регионов, протесты сконцентрированы в крупных городах, поэтому для анализа мы взяли административный центр области — Тюмень. Цель настоящей статьи — описать репертуар протестных акций в Тюмени в динамике за последние пять лет (2008–2012 гг.), а также сделать предварительные замечания о факторах, влияющих на предпочтения одних протестных действий другим. Исследование проводилось с использованием метода включенного наблюдения (154 случая) и мониторинга новостных интернет-порталов 72.ru и Golosa.info, где публикуются анонсы о протестных акциях².

В социальной науке репертуар протестных действий актуализировался в рамках «соревновательной политики». Ч. Тилли в исторической ретроспективе показал, что современные формы протеста сложились благодаря развитию рынка, росту национальных государств и централизации власти. Фокус протеста, направленный на локальную власть и географически ограниченный, смещается на национальную власть, в борьбе с которой начинают применяться демонстрации, марши и т.д. [Tilly, 2004]. Д. МакАдам, С. Тэрроу, М. Диани обращали внимание на трансформацию идей и практик внутри социальных движений. Д. МакАдам использовал теорию диффузии при объяснении трансформации репертуара, когда одни активисты перенимают некоторые протестные элементы от других [MacAdam, 1993]. Инновации протестного репертуара, по замечанию Р. Копманса, могут воздействовать на появление политических возможностей

¹ Под репертуаром протестных действий понимается совокупность разнообразных средств для воздействия на противоположную сторону.

² Golosa.info (<http://golosa.info>) первоначально задумывались как альтернативная площадка для информирования о новостных событиях, на которой любой желающий сможет опубликовать свой материал. В настоящий момент сайт используется преимущественно оппозиционными партиями и движениями для размещения анонсов и отчетов об акциях, публикации статей, критикующих действия органов власти. Городской портал 72.ru (<http://72.ru>) имеет более широкую аудиторию и освещает протестные события, затрагивающие не только деятельность оппозиционных партий. На нем публикуются информации о протестах дольщиков, родительской общественности, экологов и др.

Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа

[Коорманс, 2007]. Если традиционные формы протеста предсказуемы для властных структур, то новые представляют определенные риски. В российской социальной науке только начинают появляться исследования репертуара протеста: семантика и символика протеста рассматривается антропологами и культурологами в рамках проекта «Фольклор снежной революции»; художественный активизм исследуется О. Аксютинной, А. Зайцевой и А. Эпштейном; триадная структура протестных действий разрабатывается В. Костюшевым [Аксютинна, 2009; Зайцева, 2010; Эпштейн, 2012; Костюшев, 2011]. В данной публикации предпринята попытка через призму социальной антропологии изучить жанровые особенности использования репертуара коллективных действий различными игроками политического поля. Под жанровыми особенностями мы подразумеваем символику, формы, интенсивность использования и факторы эволюции репертуара в целом.

Инструментализация публичных действий

На протяжении последних пяти лет группа исследователей ИПОС СО РАН и ТюмГУ вела наблюдение за протестными акциями в Тюмени. Собранные данные, включающие полевые дневники и листы наблюдения, мониторинг масс-медиа, блогов и социальных сетей, фото- и печатные материалы, позволяют детально описать практики взаимодействия некоторых агентов публичного пространства. На основе анализа упоминаний о публичных акциях в масс-медиа (новостной сайт «72.ру» и независимый интернет-портал «Голоса.инфо») была создана база данных, в которой фиксировались форма публичной акции, цели, дата проведения, организатор, количество участников, символика, лозунги и требования. Это дало нам представление о наиболее активных участниках и приоритетных формах протестных акций (табл.). По полученным данным сконструирован «контекст», который позволил лучше описать особенности репертуара отдельных участников. Описание отдельных случаев строилось на выделении тематики публичных действий каждого участника, набора средств, символов и риторики, используемых в ходе публичных акций. Также нас интересовала реакция власти на деятельность организаций как один из факторов консервации или изменения в репертуаре.

Распределение публичных акций по форме (2008–2012 гг.)

Форма	Количество	%
Митинг	94	36,02
Пикет	91	34,87
Русские пробежки	16	6,13
Шествие	13	4,98
Одиночные пикеты	11	4,21
Сход	7	2,68
Флешмоб	6	2,3
Стрит-пати	5	1,92
День памяти	4	1,53
Перекрытие дороги	2	0,77
Раздача листовок	2	0,77
Закрашивание граффити	2	0,77
Автопробег	2	0,77
Призыв к бойкоту	2	0,77
Вывешивание флага	1	0,38
Сеанс живописи	1	0,38
Голодовка	1	0,38
Прогулка	1	0,38
<i>Всего</i>	261	100

В табл. приведены суммированные данные о формах протестных мероприятий, информация о которых была опубликована в масс-медиа либо собрана исследовательской группой. Отражены не только традиционные, имеющие законодательные основания (пикеты, митинги, шествия), но также новые формы протеста, не получившие широкого распространения и/или законодательного оформления, которые подчас не диагностируются зрителями как протестные. К последним можно отнести «Русские пробежки» (националистические пробежки с использованием имперских флагов, лозунгов), стрит-пати (по форме напоминают митинги, но в отличие от них музыкальная часть программы занимает центральное место), дни памяти (на акции памяти приносятся цветы и свечи, и проходят они без лозунгов и символики, но в то же время имеют ярко выраженную политическую окраску), прогулки (собрание и прогулки по городским улицам

недовольных граждан как форма появились весной 2011 г. в рамках движения «За честные выборы»), сеанс живописи (публичное коллективное рисование картин, преследующее политические цели; такая форма использовалась анархистами в поддержку новосибирского художника); вывешивание флага (вывешивание символики движения на крыше дома), раздача листовок (как правило, является частью более широкой протестной формы — митинга или пикета, однако иногда используется самостоятельно) и др. Наиболее популярными формами публичных акций протеста предсказуемо оказываются митинги и пикеты. Шествия и одиночные пикеты используются нечасто, к остальным формам прибегают еще реже. При этом лидером по количеству использованных акций является РКРП (26,6 % от общего количества), далее идут анархисты (14,8 %), КПРФ (9,5 %), гражданские активисты (6,8 %) и националисты (6 %). Наибольшим разнообразием в репертуаре отличаются анархисты (12 из 20 зафиксированных форм), за ними идут гражданские активисты (6), РКРП (5), ЛДПР и КПРФ (4).

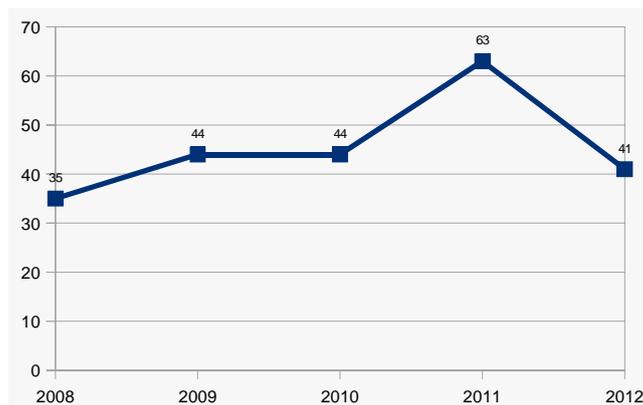

Рис. 1. Динамика количества публичных акций протеста за 2008–2012 гг.

На рис. 1, иллюстрирующем динамику протестных акций за 2008–2012 гг., заметен рост их количества в период нового электорального цикла. Это можно объяснить, во-первых, появлением новых участников в публичном пространстве, во-вторых, широкой кампанией в защиту анархиста А. Кутузова, обвиненного в призывах к экстремистской деятельности [Назначенный экстремистом...].

На основе собранного материала проанализирован репертуар протестных действий наиболее активных организаций и объединений Тюмени, среди которых Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ); Российская Коммунистическая Рабочая партия (РКРП); «Тюменский городской родительский комитет» (ТГРК).

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) остается второй по размеру партий в регионе после «Единой России»: на начало 2012 г. в региональном отделении состояло более 1000 чел., не включая молодежное крыло. В областном центре КПРФ имеется два центра власти — областной и городской комитеты, между которыми ведется аппаратная борьба за власть. Финансовые, организационные, информационные и другие ресурсы позволяют КПРФ использовать широкий репертуар протестных действий: депутатские запросы, выступления в СМИ, распространение листовок и газет, публичные акции. В то же время большой активностью КПРФ не отличается: за 2008–2012 гг. организацией было проведено 16 митингов, 2 пикета, 6 шествий и 1 день памяти. Поднимаемые темы традиционны для коммунистов — социальная сфера (транспортная реформа, реформа социальной сферы, тарифы ЖКХ), а также акции «исторической памяти» совместно с РКРП (день рождения В.И. Ленина, 20-летие референдума о сохранении СССР, День памяти защитников Белого дома).

Публичные акции КПРФ за исследуемый период эволюционировали в сторону большей «видимости»: активисты надевают красные накидки с символикой КПРФ, раздают листовки. КПРФ зачастую поддерживает общероссийские кампании, но примечательно, что некоторые политические акции представителями КПРФ игнорировались [ЛН от 15.09.2012]. (Например, КПРФ не приняла участие в «Марше миллионов» 15 сентября 2012 г.) Сами акции, тем не менее, предельно ритуализированы: список выступающих и основная риторика повторяются из года в год, состав активистов также остается без изменений. Другой протестной тактикой КПРФ

Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа

является распространение информации оффлайн (листовки, газеты) и онлайн («сайт Голоса.инфо»). Листовки вошли в практику в связи с деятельностью секретаря ишимского отделения К. Шевченко, они зачастую носят остроконфликтный характер по отношению к местной или региональной власти. Коммунисты активно используют сеть Интернет, в особенности — сайт «Голоса.инфо», где публикуются не только функционеры партии, но и рядовые члены, а со второй половины 2012 г. — это своеобразный видеоблог. В 2012 г. коммунисты также использовали новый жанр: пикет + социологический опрос, тем самым расширяя репертуар и выстраивая обратную связь. Реакция власти на действия КПРФ скорее нейтральная. Во многом отношения между ними строятся на негласной договоренности: КПРФ не имеет препятствий со стороны власти, в обмен коммунисты не пересекают «красные линии» и сдерживают отдельных активистов, которые слишком интенсивно оспаривают текущий политический курс.

В целом репертуар протеста у КПРФ довольно беден. Он ограничен, с одной стороны, соглашениями с властью, с другой — аудиторией организации, которая по большому счету остается восприимчивой только к традиционным ритуализированным формам в виде демонстраций и митингов. Набор и масштаб протестного потенциала остается стабильным, новые формы возникают спонтанно и не находят широкой поддержки у партийцев.

Следующим традиционным участником протестных действий в регионе является Российская Коммунистическая Рабочая партия (РКРП). РКРП выступает «зонтиком» для ряда других организаций, которые используют ресурсы организации: «Левый фронт», «Областной клуб избирателей», «Комитет советских женщин», «Союз воинствующих безбожников» (СВБ). Идеологическая платформа организации (консервативная версия российского коммунизма), с одной стороны, изначально ограничивала репертуар протеста, с другой — позволяла эффективно мобилизовывать активных сторонников; даже несмотря на неуклонную маргинализацию партии, РКРП лидирует по количеству публичных протестных акций за исследуемый период. Тем не менее фиксация численности колонны РКРП на первомайских демонстрациях свидетельствует о снижении числа активистов: если в 2005 г. на демонстрацию вышло около 400 сторонников, то в 2008–2012 гг. — в пределах 100–150 чел. [ЛН от 01.05.2008 — 2012].

Ядром протестного репертуара РКРП остаются публичные акции. В период с 2008 по 2011 г., по сообщениям в СМИ, организацией было проведено 38 митингов, 22 пикета, 3 одиночных пикета, 6 шествий. Большинство акций связано с событиями и проблемами в социальной (рост тарифов ЖКХ, платы за проезд, социальное обеспечение, реформа образования) и политической («Стратегия-31», антиклерикальные акции, а также совместные с КПРФ акции «исторической памяти» — день рождения В.И. Ленина, 20-летие референдума о сохранении СССР, День памяти защитников Белого дома) сферах. Акции, имеющие отношение к сфере политики, проводятся регулярно и, таким образом, «размечают» календарный год для сторонников и активистов, становясь ритуалом. Ритуализированные формы протеста помогают поддерживать чувство общности, для чего также используются традиционные символы (красный цвет, лозунги «Долой капитализм!», «Правительство в отставку!», портреты Ленина и Сталина), риторика лидеров (А. Черепанов на каждом митинге упоминает о неизбежности социалистической революции, а также о том, что за текущими проблемами скрываются силы капитализма, активист СВБ А. Кораблев постоянно говорит о сращивании РПЦ и власти), совместные действия (шествие, голосование за резолюцию).

Другая составляющая репертуара протеста РКРП — печатные материалы, среди которых наибольшее распространение имеет газета «Трудовая Тюмень». Это подписное издание, а также ее номера обязательно раздаются на всех публичных акциях. Газета содержит сообщения о протестных акциях в мире и других регионах России, статьи активистов и лидера отделения А. Черепанова, в которых организация позиционируется как непримиримый борец с капиталистическим режимом, перепечатки материалов с других сайтов, а также революционные стихи. Распространяется активистами в других городах области, именно вокруг распространения «Трудовой Тюмени» строится организационная сеть. Кроме того, для информирования о проводимых мероприятиях РКРП активно использует другие печатные материалы, которые имеют подчеркнuto «советскую стилистику» (шрифт, плакатный язык, изображения из советских газет, традиционные призывы).

Стратегия власти в ответ на протесты со стороны РКРП направлена на маргинализацию последней. Во-первых, лидер организации А. Черепанов последовательно отстранялся от политического процесса — в 2007 г. он не прошел в областную Думу, в 2008 г. партия лишилась

регистрации, упоминаний в официальных СМИ о деятельности организации фактически нет (по мнению активистов и журналистов, действует негласный запрет на упоминание о РКРП). Во-вторых, активисты говорят о давлении со стороны органов власти: так, их приглашают для «бесед» в Центр по противодействию экстремизму; за организацию несанкционированного шествия 25 февраля 2012 г. на А. Черепанова и М. Савелкова решением суда был наложен штраф.

В целом репертуар РКРП и аффилированных с ним организаций направлен скорее на поддержание мобилизации сторонников, нежели на последовательное оспаривание власти или воздействие на широкую аудиторию. Репертуар носит, по большому счету, ритуализированный характер, что отражается в том числе в выборе мест проведения: у памятника В.И. Ленину, на площади Борцов революции (рис. 2). Интенсивность и однообразие акций, с одной стороны, позволяют поддерживать связи среди сторонников и активистов, а также быть узнаваемыми в масс-медиа, но с другой — ведут и к отторжению со стороны широкой публики.

Рис. 2. Митинг, посвященный памяти защитников Белого дома, Тюмень, 3 октября 2011 г.
Фото В. Ключевой

«Тюменский городской родительский комитет» (ТГРК) за последние два года стал одной из активных и влиятельных организаций, представляющей интересы православной общественности и консолидирующей вокруг себя различные консервативные группы («Суть времени», «Русские пробежки», «Народный собор»). «Родительский комитет» возник в 2010 г. как совместный проект православных объединений для противодействия ювенальной юстиции и защиты детей от нежелательной информации [Ключева, Лобанова, 2011].

Важным репертуаром протестных действий для «Родительского комитета» являются петиционные кампании. Петиции направлены на решение проблем в связи с принятием законопроекта, действиями чиновников, проведением публичных мероприятий. Самой крупной петиционной кампанией стало обращение к руководству страны против введения ювенальной юстиции, подписанное около 10 тыс. чел. [Итоги деятельности ТГРК...]. Обращения к региональной власти преимущественно касаются ценностных противоречий, ТГРК занимает позицию апологетов православной культуры. В 2011 г. «Родительский комитет» отправил письма губернатору области о недопустимости проведения в городе флешмоба «Парад-зомби» как антирелигиозного мероприятия [«Зомби-моб» в Тюмени...]. Организаторы флешмоба под давлением общественности и власти отказались устраивать акцию. Петиции также направлялись по поводу праздника Хэллоуина, выставки «Тайны инквизиции», выступлений А. Кашпировского, из которых два последних были отменены под воздействием православной общественности [Родители просят...; Кашпировский в городе...; За выставку...]. Участники активно используют «гражданский контроль», выявляя нарушения в рекламной информации или продукции для детей и обращаясь в правоохранительные органы.

«Родительским комитетом» за два года было проведено восемь протестных мероприятий, участниками которых были националисты, казаки и православная общественность. Протестные акции обычно проходят возле Центрального рынка, т.е. в месте с традиционно большой прохо-

Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа

димостью людей. На акции приносятся многочисленные плакаты, стенды и столы с информацией о мероприятии (листочки, газеты, значки), участники используют различную атрибутику — имперские ленточки и футболки, казачью форму (рис. 3).

Рис. 3. Пикет ТГРК против принятия закона «Об охране здоровья», Тюмень, 30 августа 2011 г.
Фото В. Клюевой

В репертуаре протестных действий используются контракции по отношению к идеологическим противникам — «Союзу воинствующих безбожников» и «Радужному дому». Члены «Родительского комитета» пикетируют офисы организаций и приносят собственные плакаты на митинги противоположной стороны.

Протестный репертуар «Родительского комитета» ориентирован на актуализацию проблем как на городском, так и на национальном уровне. Причем затрагиваются темы не абстрактные, манифестирующие существенные социальные изменения, а связанные с решением конкретных задач. Воздействие и давление на местные органы власти оказываются с помощью петиций и обращений в прокуратуру. В случае если адресатом выступает федеральная власть, используются митинги и широкие петиционные кампании.

С 2010–2011 гг. в общественной жизни города стали заметны русские националисты, до этого проявляющие невысокую протестную активность (преимущественно граффити) и представляющие собой множество небольших организаций³. Одно из первых объединений националистов произошло на фоне событий на Манежной площади в декабре 2010 г.: ими была создана группа в социальной сети «ВКонтакте» по проведению акции солидарности с Москвой⁴.

Вскоре после этого тюменские националисты присоединились к общероссийской акции «Русские пробежки». Постоянная численность участников акции в 2011 г. составляла 30–40 чел., в 2012 г. увеличилась в два раза. «Русские пробежки» являются националистической агитацией в пользу здорового образа жизни, в основе которой лежит идея сохранения русской нации [Клюева, Лобанова, 2012]. Мобилизация носит защитный характер: участников объединяет угроза исчезновения нации в этническом понимании [Черепанов, 2012].

Первые «Русские пробежки» проводились по маршруту, включающему центральные улицы города, и заканчивались коллективной зарядкой возле здания городской администрации или Поклонного креста Ермаку [ЛН от 23.01.2011] (рис. 4). Участники бежали колонной по двое, соблюдая основные правила дорожного движения: не выбегали на проезжую часть, останавливались на запрещающий сигнал светофора. Во время бега запевающий выкрикивал лозунги, которые подхватывала колонна: «Русский — значит трезвый!», «Кто не курит и не пьет — ровно дышит, сильно бьет», «Что выбирают русские? Русские выбирают спорт!», «Слава Руси».

На пробежки приносились преимущественно имперские флаги, реже — российский триколор. С 2012 г. произошли изменения в маршруте пробежек и их численности, которая возросла

³ На 2011 г. тюменские отделения «Сопротивления», WhitePride, «Русское национальное единство» не превышали 5–6 чел.

⁴ К настоящему моменту страница группы «ВКонтакте» удалена.

в два раза. Увеличилась используемая атрибутика: имперские флаги, новые флаги с надписями «Русские пробежки. Тюмень», футболки «Бог с нами», «Слава России! За веру! Царя! Отечество!», «Славянин», «Тренируй тело — береги душу».

Рис. 4. Первая «русская пробежка» в Тюмени, январь 2011. Фото В. Клюевой

Реакция властей на «Русские пробежки» отразилась в трансформации репертуара (участники несколько месяцев не бегали, а занимались на турниках), а в дальнейшем привела к изменению осваиваемого пространства — вытеснению националистов к периферийным парковым зонам.

Прошедшие без уведомлений первые «Русские пробежки» привлекли внимание сотрудников правоохранительных органов, которые пытались предотвратить новые акции. Сотрудники Центра по противодействию экстремизму и полицейские задерживали организаторов и переписывали в патрульной машине фамилии остальных участников [ЛН от 08.03.2011]. В ответ на попытки согласовать с администрацией пробежки организаторы получили отказ. Поводом для отказа послужили грамматические ошибки в уведомлениях. После этого националисты продолжили проводить несанкционированные акции, предварительно оповещая участников о рисках и инструктируя о поведении при задержании. Из-за противодействия органов власти националисты приняли решение на несколько месяцев отказаться от пробежек и заниматься на турниках. В дальнейшем уведомления согласовывались при условии изменения пути пробежек — с центральных улиц на городской парк.

Информация о предстоящих пробежках широко распространялась националистами с помощью граффити и стикеров. Тематически граффити разделялись на три направления: против алкоголя («Русский — значит трезвый!», «Будь русским. Не бухай»), курения («Кому ты нужна курящая?!», «Курение для недочеловеков») и за здоровый образ жизни («Выбери спорт»). При оформлении объявления о пробежках использовались «имперские» цвета с лозунгами «Начни с себя — примером ближнему поможешь». Кроме того, националисты провели несколько акций по закрашиванию граффити с рекламой наркотиков. Также участники пробежек используют контракции как попытку срыва оппозиционного мероприятия.

Репертуар протестных действий выражает не только социальные требования националистов, но также их личный стиль жизни. «Русские пробежки» актуализируют вопросы здоровья с помощью демонстрации здорового образа жизни самих участников. Протестный репертуар преимущественно заимствован у других групп, что позволяет тюменским активистам реализовывать необходимость в подтверждении и укреплении своей националистической идентичности. Присоединение к всероссийским националистическим акциям выстраивает символическую связь с националистическим движением в целом.

Публичные акции (митинги, пикеты, флешмобы, пробежки) имеют большое значение для формирования идентичности группы: общие ритуалы (подготовка к акции, формирование сцены и аудитории, участие в общих действиях, непосредственно связанных с идеей акции) и символы создают «чувство приверженности». При этом выбор той или иной формы акции зависит не только от «прихотей» организаторов/участников, но зачастую обусловлен знанием о наличном

Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа

репертуаре и его использованием другими группами. Так, политические партии фактически не используют флешмобы и перформансы, предпочитая более «серьезные формы» протестных акций — митинги и пикеты, тогда как анархисты применяют эти формы, в том числе для того чтобы отмежеваться от традиционных левых. ТГРК активно использует контракции, приходя на мероприятия, темы которых их не устраивают. То есть, некоторые акторы пытаются присвоить определенный репертуар (коммунисты), тогда как другие (анархисты, движение «Русские пробежки») пытаются выделиться на их фоне: показательно проведение анархистами на одном из Первомайских праздников собрания «Левее левого» на лужайке Центральной площади, а также альтернативного шествия. Лидеры организаций и движений, практикуя репертуар публичных действий, видимо, осознают, какая из форм оказывается наиболее эффективной в мобилизации сторонников, и в дальнейшем активно их используют. Стандартные акции устоявшихся организаций размечают временные интервалы, придают им ритмичность.

Визуализация протестов в городской среде определяется пространством и используемым набором видимых средств (флаги, плакаты, листовки). Карта протестных мест совпадает с административным делением города, выделением центральных и периферийных зон. Центральные зоны имеют преимущество в области символической и практической видимости протеста, отсылая зрителей к значимости и легитимности действий. Очагами протестов являются площади Ленина, 400-летия Тюмени, у Центрального рынка, памятник Борцам революции, Цветной бульвар, Технопарк. Логика предпочтения места может быть обусловлена адресатом протестного обращения. В случае если в этой роли выступают органы власти, то активисты предпочитают использовать площадь Ленина, расположенную напротив зданий правительства и областной Думы. Ее выбирают как традиционные участники (РКРП, КПРФ), так и новые (гражданские активисты, дольщики), рассматривающие протест как крайний способ повлиять на ситуацию. Реже применяется «точечный» метод, когда акции проводятся в непосредственной близости от адресата (возле мест нахождения администрации, департаментов). С актуализацией проходимость улиц и опосредованно власти, выступают в местах с наибольшей проходимостью людей — на Центральной рынке и Цветном бульваре. Спорадически для привлечения общественного внимания некоторыми политическими активистами используются пикетирование на остановочных комплексах и митинги в «спальных» районах. Выбирая место, имеющее символическое значение, могут ориентироваться на сторонников партии или движения: для коммунистов это памятник В.И. Ленину, для анархистов — площадь Борцов революции, у казаков — Поклонный крест Ермаку. К периферийным зонам можно отнести сквер Депутатов и Гагаринскую рощу, расположенные в «спальных» частях города. В этих районах актуальность протеста обычно нивелируется ввиду небольшого количества участников и отсутствия медийного освещения.

В протестном репертуаре задействован разнообразный набор визуальных и звуковых средств. Присутствие партии или движения фиксируется благодаря флагам, растяжкам, внешнему виду участников (например, футболки с символикой, значки). Еще одним визуальным атрибутом являются плакаты: используются новые, специально созданные для акции, или прежние, от прошлых мероприятий. Например, плакаты «Родительского комитета» отличаются разнообразием и новизной, тогда как большинство плакатов РКРП не обновлялись несколько лет. Митинги и шествия часто устраиваются с музыкальным сопровождением, в зависимости от организаторов варьируется репертуар песен. Коммунистические партии прибегают к песням с «советской» риторикой (революционные, военные), анархисты применяют современный рок и панк с преобладанием социальной тематики. «Кричалки» широко используются в коммунистических и националистических шествиях, между тем на митингах и пикетах они не поддерживаются аудиторией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

За выставку «Тайны инквизиции» директору музея грозит штраф [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://72.ru/text/newsline/502302.html>.

«Зомби-моб» в Тюмени все-таки отменили [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://72.ru/text/newsline/430271.html>.

Итоги деятельности ТГРК за период с 01.06.2010 по 01.06.2011 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.tgrcom.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=733:-01062010-01062011.

Кашировский в городе: Тюмень против «шарлатана»? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://72.ru/text/news/566428.html>.

Лист наблюдения: от 1 мая 2008 г.; 6 сентября 2009 г.; 23 января 2011 г.; 8 марта 2011 г. 23 марта 2011 г.; 1 апреля 2011 г.; 1 мая 2012 г.; 17 августа 2012 г.; 15 сентября 2012 г.; 31 октября 2012 г.

Назначенный экстремистом: Дело Андрея Кутузова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.golosa.info/kutuzov>.

Родители просят у Владимира Якушева запретить Хеллоуин [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://72.ru/text/news/447666.html>.

Литература

Аксютина О. «Если я не могу танцевать, это не моя революция!»: DIY панк/хардкор сцена в России. М.: Нота-Р, 2009. 336 с.

Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной те­рапией // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/za4-pr.html>.

Клюева В.П., Лобанова О.Ю. Протестная активность православной общественности Тюменской области: «Кружит, кружит хищной птицею ювенальная юстиция» // Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России: (Преодоление нетерпимости и экстремистских тенденций): Материалы всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 7 июня 2011 г.). М., 2011. С. 45–51.

Клюева В.П., Лобанова О.Ю. Активизация русского националистического движения в Тюменской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году: Ежегод. докл. Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЗА РАН, 2012. С. 64–69.

Костюшев В. Социальный протест в поле политик: Потенциал, репертуар, дискурс: (Опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. 2011. № 4 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/4/12.pdf>.

Эпштейн А. Тотальная «Война»: Арт-активизм эпохи тандемодократии. М.: Умляут, 2012. 256 с.

Черепанов М.С. Русский национализм в Тюменском регионе // VI Всерос. конгр. политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия»: Материалы. Москва, 22–24 ноября 2012 г. М., 2012. С. 494.

Koopmans R. Protest in Time and Space: The Evolution of Waves of Contention [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.vu.nl/nl/images/koopmans-protest-in-time-and-space_tcm9-36216.pdf.

MacAdam D., Rucht D. The Cross-National Diffusion of Movement Ideas // Annals of the Amer. Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 528. P. 56–74.

Tilly C. Social Movements 1768–2004. Paradigm Publishers, 2004. 194 p.

Tilly C. Regimes and Repertoires. The Univ. of Chicago Press, 2006. 226 p.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
femaletmn@gmail.com

**Тюменский государственный университет
andre.semenoff@gmail.com

The article shows a dynamic regarding a repertoire of protest actions in Tyumen. Using a sociocultural analysis, subject to analysis being a set of symbols and implications typical of protests' participants. Protest actions might have both traditional forms (meetings, pickets) and new forms (flash mobs, street parties). Their participants tend to shape their individual set of protest practices and use urban environment in a different way. For instance, communist parties are distinctive of certain repeatability of their repertoire, while nationalists and the Orthodox community use a broader set of tools.

Repertoire, protests and protest actions, political anthropology, regional policy, political parties.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЛИКА ЛАНДШАФТОВ ПРИТОБОЛЬЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по результатам спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы могильника Устюг-1)¹

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов

Материалы исследования погребенной почвы могильника Устюг-1 позволили впервые детализировать особенности растительного покрова и облика ландшафтов в Притоболье вплоть до раннесредневекового времени. В работе проанализированы спорово-пыльцевые данные почвы, перекрытой насыпью кургана 2, дана их оценка в сравнении с результатами изучения фоновых разрезов региона.

Погребенная почва, спорово-пыльцевой анализ, реконструкция ландшафтов, Притоболье, раннее средневековье.

Введение

Несмотря на относительно хорошую палинологическую изученность Ингальской долины [Матвеева и др., 2003], информация о природных условиях средневекового времени и непосредственно предшествующего ему периода до сих пор не была конкретизирована. Начало средневековья Западной Сибири приходится на середину субатлантического времени голоцена (SA-2), которое продлилось от 1900 до 1100 л.н. (I–IX вв. н.э.). Основой палеогеографических построений для этого хронологического интервала была экстраполяция результатов исследования торфяников, часто расположенных на значительном удалении от территории Ингальской долины. В целом в Тоболо-Ишимском регионе облик ландшафтов в это время определялся умеренно прохладными и влажными условиями [Зах и др., 2008]. Увеличение увлажнения шло по нарастающей. Так, около 1900–1700 л.н. было еще достаточно сухо, особенно в восточных районах Приишимья, однако уже в интервале 1700–1400 л.н. сократилась доля остепненных лугов, активно развивались леса, преимущественно березовые, и началось продвижение сосновых ленточных боров на юг вдоль Тобола, Исети и Ишима. К этому же времени относится распространение сосновых боров в Северном Казахстане [Кременецкий и др., 1994]. Начало сокращения увлажнения, отмечаемое около 1400–1100 л.н., завершилось кратковременным потеплением 1100–1000 л.н., однако кардинальных изменений в растительном покрове (деградации лесов, резкого остепнения) уже не происходило.

Оценка местных особенностей ландшафтов, в частности долины Тобола, для археологических интерпретаций часто важнее, чем выявление общеклиматического тренда для региона. Вплоть до настоящего времени не было данных о палинологическом составе ни одного культурного слоя финала раннего железного века и средневековья, поэтому не выясненными остаются местные особенности среды обитания населения этого времени.

Фактический материал

Основной задачей исследования являлась детализация ландшафтного окружения около могильника Устюг-1 в период его активного функционирования. Памятник расположен на первой левобережной террасе р. Тобол близ г. Заводоуковска Тюменской обл. Курганы могильника Устюг-1 локализируются группами и цепочками вдоль края леса на лугу, частично разбросаны в смешанном лесу. Исследование могильника проводилось в последние годы (2009–2012 гг.) под руководством Н.П. Матвеевой (ТюмГУ). Для раскопок были выбраны насыпи в разных частях некрополя с тем, чтобы установить, не является ли могильник разнокультурным и разновре-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 12-01-00329 «Миграции в лесостепном и подтаежном Зауралье в эпоху Великого переселения народов и формирование раннесредневековых общностей Урала и Западной Сибири».

менным. Захоронения исследованных курганов датируются в интервале IV–VII вв., ближе ко второй половине IV — концу V в. [Матвеева, 2012]. Полученные при раскопках материалы демонстрируют формирование бакальской культуры из разнородных компонентов, некоторые курганы перекрывают поселенческий слой баитовской культуры [Матвеева и др., 2011; Матвеева, 2012].

Несмотря на то что основной задачей исследования являлась реконструкция ландшафтно-климатических условий в раннем средневековье, для повышения надежности и наглядности выявленных природных трендов проанализированы данные в более широком хронологическом диапазоне и проведено сравнение с условиями, предшествующими сооружению памятника, и с современными условиями. Для восстановления природной обстановки непосредственно перед сооружением могильника пробы были отобраны сплошной вертикальной колонкой из погребенной почвы под курганом № 2. Только в стратиграфии этого объекта верхняя часть погребенной почвы была отчетливо маркирована сверху мешаным пестроцветом могильного выброса из погребения 2. Проба из палеодерна (верхние 0,5–1 см погребенной почвы), обнаруженного под выбросом, содержит пыльцу и споры, накопившиеся незадолго до сооружения погребения, и условно соотносится с датировкой могильника. Вскрытые при зачистке материка ямы и нижняя часть погребенной почвы не содержали материала более ранних периодов обитания [Матвеева, 2012]. Однако курган расположен между большими неолитическими/энеолитическими землянками и в насыпи встречались немногочисленные фрагменты нео-энеолитической керамики, обломки биконических грузил, ножевидные пластины и отщепы. Не исключено, что нижняя часть погребенной почвы (горизонт [АС]) представляет собой межжилищное пространство раннего периода обитания.

Дополнительно в нескольких метрах от места раскопок отобрана субрецентная проба современного дерна, ее палинологический состав характеризует современную растительность и является основой для сравнения реконструированных условий с современными.

Курганная насыпь перекрывает почву, схожую с темно-серой лесной, супесчаной, без признаков оподзоливания. Современная почва, сформировавшаяся на курганной насыпи, относится к лугово-черноземным типу почв (рис. 1).

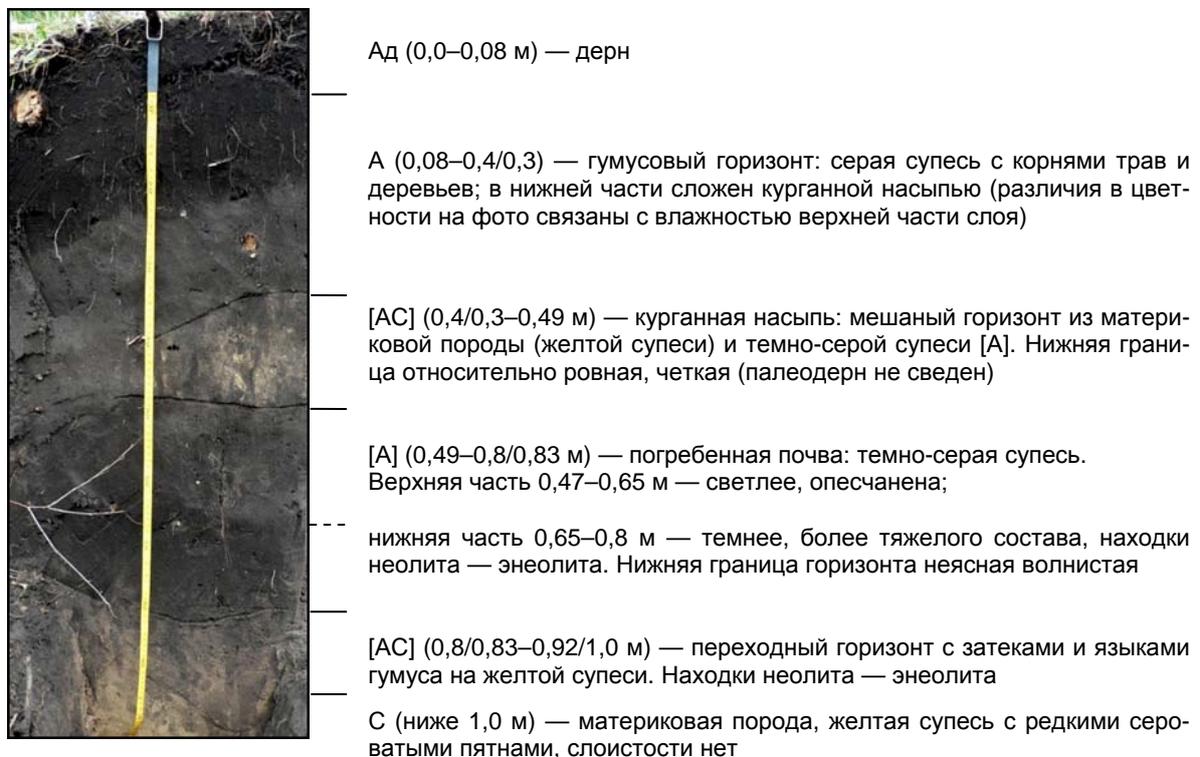

Рис. 1. Строение почвенного профиля

Реконструкция облика ландшафтов Притоболя в раннем средневековье...

В настоящее время растительность, окружающая памятник, представлена сообществами древесных ив и участками осоковых ассоциаций вдоль берега Тобола, а расположенная рядом старица зарастает водной и околородной растительностью. Высокая пойма занята злаково-разнотравными луговыми сообществами (подорожник, мятлик, клубника, зонтичные, тысячелистник, щавель конский, пастушья сумка, крапива и др.) с единичными березами и боярышником, состояние травянистого покрова имеет явные признаки перевыпаса. Вглубь террасы (в 50 м от кургана) начинается смешанный березово-сосновый лес с густым травяно-папоротниковым покровом, переходящий в сосновый лес с типичным разреженным напочвенным покровом. Курган, вероятно, сравнительно недавно также был покрыт лесом.

Состав поверхностной пробы (№ 15 на диаграмме, рис. 2) вполне адекватно характеризует современную растительность. Доминирующая группа древесной пыльцы (79 %) представлена сосной (49,2 %) и березой (25,1 %) с небольшой примесью ели, кедра, ольхи, пихты и ивы. В группе пыльцы трав (18,1 %) наглядно представлены все основные группы таксонов, отмеченных при геоботаническом описании: цикориевые — 7,2 %, бобовые — 3 % (*Vicia* sp., *Trifolium repens* L.), злаки — 2,1 % (в том числе культурные), лютиковые — 1,2 %, полынь — 1 %, щавель — 0,7 %, костяника — 0,7 %, в меньшем количестве отмечены астровые, гвоздичные, маревые, осоковые, молочайные, иван-чай. Группа споровых составила всего 3,1 %, но в ней отражены все типичные для участка таксоны — папоротники, зеленые и сфагновые мхи, плауны.

Анализ результатов палинологического исследования

На спорово-пыльцевой анализ взяты 14 образцов погребенной почвы, все пробы содержали достаточно для репрезентативного заключения количество пыльцы и спор, их концентрация резко увеличивается в верхней части на глубине 0,62–0,49 м (рис. 2).

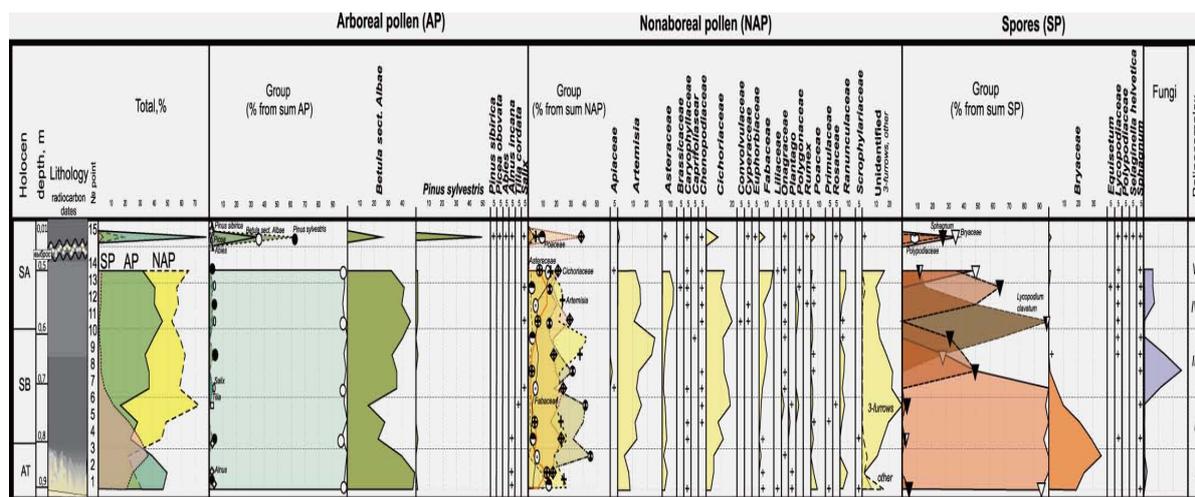

Рис. 2. Спорово-пыльцевой состав отложений почвы, погребенной под насыпью кургана № 2 могильника Устюг-1

I палинокомплекс — выделен из отложений предматерикового горизонта [AC] на глубине 0,9–0,8 м, именно здесь были сделаны находки нео-энеолитического периода. В целом спектры № 1–3 характеризуются наибольшим количеством пыльцы древесных пород в разрезе — 40–50 %, они представлены почти исключительно березой при единичном участии ольхи и сосны. Пыльцы сосны во всех пробах из погребенной почвы настолько незначительно, что это не позволяет указывать данную породу в составе реконструированного древостоя в ближайшем окружении могильника. Обращает на себя внимание большая доля спор зеленых мхов (до 36 %), разнообразный состав пыльцы трав (23–31 %), представленный как ксерофитной, так и мезофитной группой. Интересно, что в отложениях этого интервала очень часто встречались остатки древесины лиственных пород, а также губки и диатомовые водоросли. Вероятно, во время накопления этих отложений участок был покрыт разреженным березовым лесом, затопляемым в половодье. Луговая растительность не имела признаков ксерофилизации или засоления. Аналогичные спорово-пыльцевые материалы, характеризующие северный вариант лесостепи с массивными

вами березовых лесов, были выделены из отложений атлантического времени в опорном почвенном разрезе Л 1/95 [Ларин и др., 1999].

II палинокомплекс — выделен из отложений нижней части погребенной почвы на глубине 0,8–0,71 м. Он существенно отличается по составу от нижележащего палинокомплекса за счет резкого сокращения доли пыльцы древесных пород (до минимального уровня в разрезе — 15 %) и постепенного понижения кривой споровых. Доминирующей группой здесь выступает пыльца трав (46–73 %), представленная в основном мезофитным разнотравьем — до 31 %, полынью и цикориевыми — до 15 %, астровыми, злаковыми, бобовыми, лютиковыми. Вероятно, во время накопления отложений участок уже не был занят лесом, а находился на его опушке, в его окрестностях происходило расширение площадей с луговой растительностью, но без признаков остепнения. Присутствие в пробах спикул губок и водорослей рода *Cosmarium* свидетельствует о продолжающихся периодических затоплениях участка. Резкое сокращение доли древесной пыльцы, возможно, приходится на кровлю поселенческого слоя, поэтому может быть связано не только с климатической динамикой, но и с активным сведением леса. В этом же слое нередко отмечается пыльца сорных и пионерных растений — подорожника и иван-чая.

III палинокомплекс — характеризует отложения средней части погребенной почвы на глубине 0,7–0,59 м. Его отличительной особенностью является постепенное восстановление участка древесной пыльцы (33–40 %), на фоне доминирования пыльцы трав (59–63 %) при заметном увеличении в их составе доли полыней, цикориевых и бобовых. Участие споровых растений сокращается до минимума (0,8 %), однако в большом количестве встречены телиоспоры головневого гриба *Entorrhiza casparyana* (Magn.) Lagh.², паразитирующего на корнях ситниковых. Безусловно, появление последних могло произойти только в результате расселения этих влаголюбивых растений в данном месте. Однако исчезновение из проб губок, водорослей и замена спорами грибов свидетельствует о прекращении затопления участка и относительном улучшении условий дренирования почвы. Таким образом, развитие остепненных лугов с полынью наблюдалось на удалении от реки, возможно на более повышенных местах. Вдоль реки сохранялись луга с участием ситниковых, осоковых, злаков и березовые леса.

IV палинокомплекс — выделен из верхней части гумусового горизонта погребенной почвы на глубине 0,59–0,5 м. Общий состав спектров изменился незначительно и связан с небольшим, но устойчивым увеличением доли древесной пыльцы (до 46 %). Она по-прежнему представлена в основном березой при участии сосны и ивы. В составе группы трав (56–65 %) лидирующие позиции занимает сочетание пыльцы цикориевых, астровых, бобовых, лютиковых и гречишных, а доля полыней компенсационно сокращается. Среди споровых чаще появляется плаун булавовидный, по-прежнему много спор грибов. В целом состав спектров характерен для северной лесостепи с березовыми лесами и лугами разного типа. Вероятно, отложения с палинокомплексом сформировались на фоне некоторого улучшения условий увлажнения, увеличения доли лесов и сокращения в ландшафтах роли остепненных лугов.

V палинокомплекс — выделен из кровли погребенной почвы на глубине 0,5–0,49 м, он ассоциируется с палеодерном, перекрытым выбросом из могилы. Это наиболее важный из исследованных образцов, потому что его состав является своеобразным оттиском растительности раннесредневекового времени. При сохранившемся доминировании пыльцы трав (78,8 %) спектр характеризуется большим разнообразием представителей цикориевых, полыни, астровых, бобовых, лютиковых, зонтичных, гвоздичных, маревых, лилейных, гречишных, злаковых и пр. В пробе встречено множество спор грибов, корешки осоковых и злаков. Таким образом, непосредственно перед сооружением кургана участок был занят разнотравным лугом. Небольшое увеличение общего количества пыльцы трав произошло за счет бобовых и мезофитного разнотравья, поэтому не связано с тенденцией к иссушению.

Заключение

В результате спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы могильника Устюг-1 получены новые данные о характере изменения растительности и природных условий в Ингальском Притоболье с атлантического до среднесубатлантического времени. Из слоев погребенной почвы атлантического времени выделен палинокомплекс I (хронология установлена корреляцией с опорным разрезом Л 1/95) [Ларин и др., 1999], с крупными массивами березовых лесов, сфор-

² Определение спор грибов проведено д.б.н. И.В. Каратыгиным (БИН РАН).

Реконструкция облика ландшафтов Притоболья в раннем средневековье...

мировавшийся на фоне теплых, но достаточно влажных условий северной лесостепи. Доля березовых лесов в ландшафте сопоставима с современной. Для этого времени реконструированы широкие разливы Тобола и регулярные подтопления участка.

В отложениях начала суббореального периода (палинокомплекс II) выделены спектры, характерные для разнотравно-злаковых лугов. Середина и финал суббореального периода голоцена (палинокомплекс III) представлены в слоях с наибольшим участием полыни. Для этого времени характерно появление остепненных лугов — показателей сухости, условия для развития лесов были менее благоприятными. В это время затопление участка стало явлением более редким или даже прекратилось. Аналогом реконструированных условий являются палиноспектры второй погребенной почвы разреза Л1/95, датированной 3240±45 л.н.

Ранний железный век и раннее средневековье (вплоть до перекрытия почвы курганной насыпью) связаны с отложениями субатлантического периода (палинокомплекс IV–V). Это время традиционно связывают с наступлением прохладных и влажных условий. Данные по Среднему Притоболью не противоречат этому, но показывают, что изменение климатических условий происходило медленно, плавно меняя облик растительности. Так, в ландшафтах Ингальского Притоболья в это время сначала сократилась роль остепненных лугов, затем постепенно увеличивалась доля березовых лесов. Перед появлением на этой территории бакальского населения здесь преобладали полуоткрытые ландшафты с обширными разнотравными лугами и крупными массивами березовых лесов. Интересно, что южнее, в Курганском Притоболье, при исследовании погребенной почвы, перекрытой валом бакальского этапа обитания [Кайдалов и др., 2011], смягчение климатических условий проявилось только как сокращение роли ксерофитов в структуре травяных сообществ, однако практически не отразилось на площади лесов. В бакальское время здесь по-прежнему доминировали остепненные луга с редкими березовыми колками. Все имеющиеся данные подтверждают, что появление интразональных ленточных сосновых боров, распространенных сегодня в Среднем Притоболье, произошло позднее VII в. н.э. В целом реконструированный ландшафтный облик для раннего средневековья свидетельствует о том, что природные зоны располагались севернее, чем современные. Несмотря на появление массивов березовых лесов на территории Среднего Притоболья, их доля несопоставима с современными площадями березовых и сосновых лесов (рис. 3).

Рис. 3. Ландшафтные условия Притоболья: сравнение современного и реконструированного облика (IV–VII вв. н.э.)

Кроме спорово-пыльцевых материалов дополнительные сведения о природных условиях раннего средневековья дает сравнение морфологического строения погребенных и современных почв в Курганском Притоболье [Кайдалов и др., 2011]. Индикаторным стал уровень залега-

ния первичных минералов (карбонатов), отмеченный в выщелоченном черноземе погребенной почвы. Установлено, что раннесредневековая почва отвечает более влажным природным условиям, чем предшествующие, и в настоящее время характерным для северной лесостепи. В настоящее время в районе исследования преобладают ландшафты южной лесостепи с характерными зональными почвами. По всей вероятности, улучшение увлажненности было кратковременным (несколько десятилетий), но, тем не менее, привело к отклику в строении погребенной почвы незадолго до ее перекрытия валом (IV–VI вв.н.э.) на городище Усть-Утяк 1.

Таким образом, растительный покров в междуречье Исети и Тобола в IV–VII вв. н.э. отличался от современного большей долей лугово-степных фитоценозов и отсутствием сосновых лесов (рис. 3). Спорово-пыльцевые материалы из погребенной почвы могильника Устюг-1 показывают, что во время обитания носителей бакальской культуры в Ингальской долине преобладали лесостепные ландшафты с обширными разнотравными лугами и массивами березовых лесов; южнее, в Курганском Притоболье, доминировали остепненные луга с редкими березовыми колками. Появление интразональных ленточных сосновых боров, распространенных сегодня в Среднем Притоболье, произошло позднее VII в. н.э., в древности и средневековье их роль в ландшафтах была минимальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е. и др. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Рябогина Н.Е. и др. Природные условия лесостепного Притоболья в переходное время и средневековье (по материалам изучения городища Усть-Утяк 1) // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 43–46.

Кременецкий К.В., Тарасов П.Е., Черкинский А.Е. История островных боров Казахстана в голоцене // Ботан. журн. 1994. Т. 79, № 3. С. 13–30.

Ларин С.И., Семочкина Т.Г., Рябогина Н.Е., Орлова Л.А. Ландшафтно-климатические условия лесостепного и подтаежного Притоболья в голоцене // Актуальные проблемы палинологии на рубеже третьего тысячелетия. М.: ИГиРГИ, 1999. С. 158.

Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 годов // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 38–76

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Древности Ингальской долины. Новосибирск: Наука, 2003. 176 с.

Матвеева Н.П., Сомова М.А., Цембалюк С.И. Баитовский комплекс поселения Устюг-2 (из раскопок могильника Устюг-1) // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 51–72.

Тюмень, ИПОС СО РАН
ryabogina@rambler.ru
ivasenik@rambler.ru

Investigation materials regarding buried soil from Ustyug-1 burial ground for the first time made it possible detailing features of vegetation and look of landscapes in the Low Tobol basin up to medieval time. Subject to analysis being spore-and-pollen data regarding soil from burial mound 2 and a comparative evaluation there of by means of investigation results on background sections of the region.

Buried soil, spore-and-pollen analysis, reconstruction of landscapes, Low Tobol basin, early Middle Ages.

ПРОМЫСЕЛ КУНИЦ (РОД *MARTES*) НАСЕЛЕНИЕМ ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА В ГОЛОЦЕНЕ¹

В.В. Гасилин*, Д.О. Гимранов**, П.А. Косинцев***

*Проведен анализ количества остатков куниц (род *Martes*) из голоценовых археологических памятников (поселения, специализированные охотничьи стоянки, могильники, святилища) лесостепной и степной зон Урало-Поволжья и горно-лесной зоны Южного Урала. Промысел куниц был относительно постоянным в каменном веке, увеличился в позднем бронзовом веке и далее нарастал в раннем железном веке и средневековье. В позднем бронзовом веке начинается специализированная охота на куниц, с раннего железного века в составе населения существуют группы профессиональных охотников, а в горно-лесной зоне формируется система специализированных охотничьих стоянок. Причиной увеличения добычи куниц был рост спроса на их мех.*

*Куницы, *Martes*, промысел, голоцен, археология, Поволжье, Южный Урал.*

Введение

В работе рассмотрена роль охоты на куниц (представители рода *Martes Pinel*, 1792) у древнего населения Поволжья и Южного Урала в последние 10 тыс. лет. В основу исследования положен анализ литературных и оригинальных данных по находкам костных остатков куниц из археологических памятников.

Представители рода куниц — оседлые, одиночно живущие звери, населяющие равнинные и горные леса, иногда безлесные скалистые горы [Гептнер, 1967, с. 506]. В Северной Евразии виды рода обитают в лесной и лесостепной зонах, в горах Кавказа и Средней Азии. В лесной и горно-лесной зонах куницы имеют наибольшую численность, в лесостепи она значительно ниже, в степной зоне куницы распространены локально и их численность минимальна [Гептнер и др., 1967, с. 506]. Все куницы — ценные пушные звери. Представители этого рода обитают на территории Южного Урала с позднего неоплейстоцена, на территории Поволжья — как минимум с раннего голоцена [Косинцев, Гасилин, 2008, с. 91].

Ранее было установлено совместное обитание лесной и каменной куниц в Среднем Поволжье и обитание лесной, каменной куниц и соболя на Южном Урале в голоцене [Гасилин, 2009; Гасилин, Гимранов, 2010, с. 67; Косинцев, Гасилин, 2011]. В работе мы рассматриваем род куниц в целом, не разделяя на виды, ввиду того что большая часть ископаемых находок представлена фрагментами черепа и костями посткраниального скелета, которые до вида не определимы. Считаем, что в голоцене каменная куница и соболь имели небольшую численность и ограниченное распространение в районе исследования, и полагаем, что основная часть находок костных остатков принадлежит лесной кунице — *Martes martes*. Косвенно это подтверждается современным распространением этих видов. В регионе сейчас обитает только лесная куница. Ее численность максимальна в горно-лесной зоне, на севере лесостепной зоны численность значительно ниже, на юге лесостепной зоны — минимальна, а на севере степной зоны куница встречается эпизодически [Асписов, 1973, с. 164–167].

Материал и методика

Костные остатки куниц найдены в 64 из 179 археологических памятников, костные комплексы из которых содержали остатки хищных млекопитающих (табл. 1). Эти памятники находятся в лесостепной и степной зонах Урало-Поволжья и Южного Зауралья и в горно-лесной зоне Южного Урала (рис.).

Все местонахождения с остатками куниц относятся к трем тафономическим типам в соответствии с основными механизмами накопления в них костных остатков.

Первый тип образуют местонахождения, в которых накопление костей куниц шло в результате естественной гибели животных. Все местонахождения этого типа расположены в пещерах

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-04-90747-моб_ст и интеграционного проекта УрО РАН № 12-М-456-2024.

и гротах. В них обнаруживают, как правило, полные скелеты куниц или их крупные части, целые черепа. Кости скелета обычно целые. Археологические материалы отсутствуют. Характерным примером является местонахождение в пещере Сумган-Кутук [Смирнов, 1975, с. 99]. Местонахождения этого типа в работе не рассматриваются.

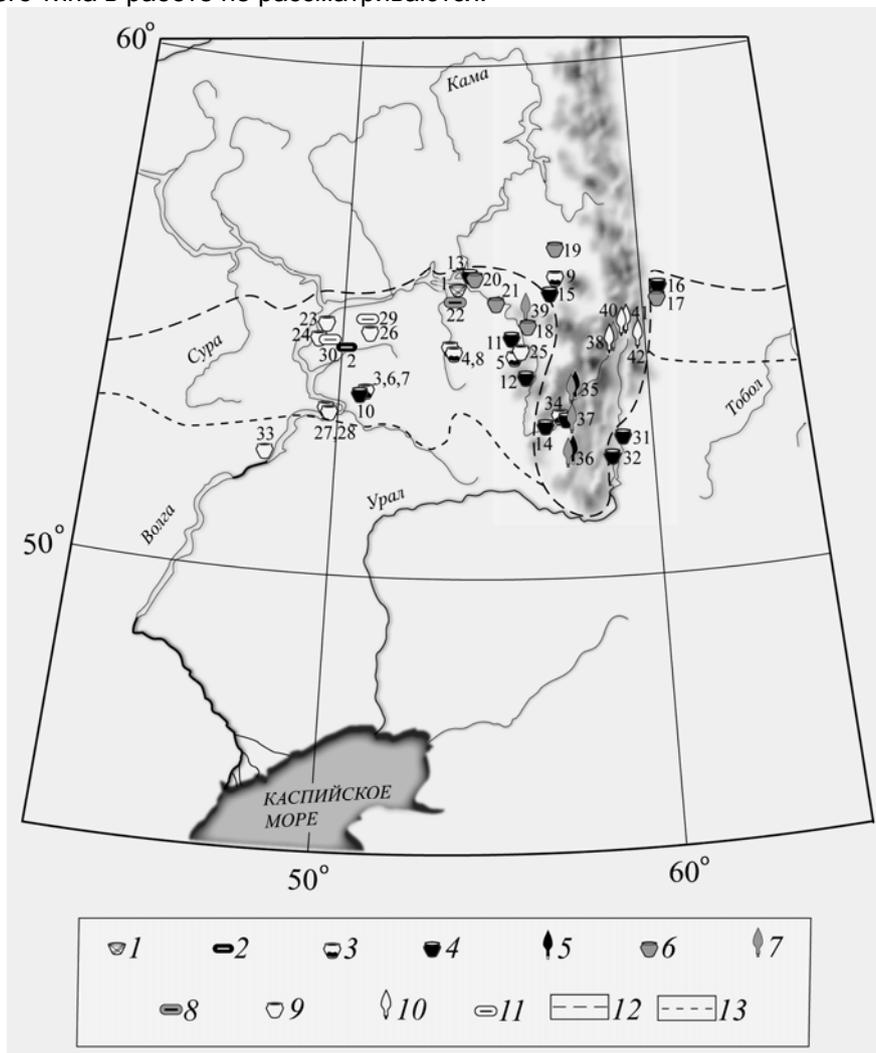

Рис. Карта-схема расположения археологических памятников Поволжья и Южного Урала с находками костных остатков куниц (*Martes*):

1–42 — номера памятников (названия см. в тексте).

Условные обозначения: 1 — мезолитическая охотничья стоянка; 2 — мезолитическое погребение; 3 — неолитическое поселение; 4 — поселение позднего бронзового века; 5 — охотничья стоянка позднего бронзового века; 6 — поселение раннего железного века; 7 — охотничья стоянка раннего железного века; 8 — погребение раннего железного века; 9 — средневековое поселение; 10 — средневековая охотничья стоянка; 11 — средневековое погребение; 12 — южная граница лесной зоны; 13 — северная граница степной зоны

Второй тип местонахождений — археологические памятники: поселения, могильники, святилища и специализированные охотничьи стоянки. На поселениях и в могильниках накопление костей происходило только в результате деятельности человека, поэтому данные местонахождения имеют ясную тафономию. Все охотничьи стоянки и святилища находятся в горно-лесной зоне Южного Урала. Они, за одним исключением, расположены в гротах или пещерах, что осложняет тафономию этой группы памятников. Гроты и пещеры постоянно посещают хищники, включая куниц, и соответственно костные комплексы в них накапливались в результате действия человека и естественных причин, как в местонахождениях первого тафономического типа. Решить эту проблему в значительной мере помогает археозоологический анализ костных ком-

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

плексов, позволяющий выделить костный комплекс, сформировавшийся благодаря человеку [Косинцев, Юрин, 2003, с. 70–71].

Третий тип местонахождений условно назван «смешанным». Это местонахождения в пещерах и гротах с артефактами и костными комплексами, в которых накопление костей куниц не удалось однозначно связать с деятельностью человека. Этот тип местонахождений подробно не анализируется.

Данные по археологическим памятникам разных типов характеризуют разные аспекты промысла куниц древним населением.

Материалы поселений и стоянок отражают роль охоты на куниц у населения разных археологических культур и промысловую нагрузку на популяции куниц. Для количественной оценки промысла куниц и его изменений в пространстве и времени нами использованы три показателя: 1) доля памятников (поселений и стоянок) с костями куниц среди местонахождений с костями хищных млекопитающих, которая интерпретируется как распространенность случаев добычи, промысловая востребованность куницы у населения, занимавшегося пушным и мясо-пушным промыслом; 2) доля костей куницы среди костей хищных, которая интерпретируется как удельный «вес» куницы в добыче; 3) среднее число костей куниц, приходящееся на один памятник с остатками хищных, которое интерпретируется как интенсивность промысла. Подчеркнем, что эти показатели независимы и отражают разные аспекты промысла. Объем анализируемого материала характеризуют два показателя: 4) число костей куниц; 5) число памятников с костями хищных млекопитающих.

Материалы из святилищ и могильников позволяют говорить о роли куниц в обрядах и культурах, однако костные комплексы из святилищ, как было отмечено выше, не всегда можно идентифицировать.

Рассмотрено соотношение костей трех отделов скелета на памятниках разных природных зон и эпох: головы (череп и нижняя челюсть); туловища (позвонки и ребра) и конечностей (лопатка, таз и собственно кости конечностей). Его анализ позволяет установить, приносили на поселение тушки добытых животных целиком или только часть тушек. Это может косвенно отражать степень сформированности промысловых навыков и традиций у населения и его отдельных групп.

Результаты и обсуждение

История промысла в природных зонах

Лесостепная зона. Остатки куниц найдены в археологических памятниках от мезолита (ранний голоцен) до позднего средневековья (конец позднего голоцена). Наиболее ранние свидетельства охоты на куниц в районе исследования представляет материал из мезолитической стоянки Сюнь II (1)² в Предуралье и из мезолитического погребения на горе Маяк (2) в Поволжье [Кузнецова и др., 2004, с. 132] (рис.).

О промысле куниц в неолитическое время свидетельствуют их остатки на поселении Чекалино IV (3) в Поволжье, на поселениях Муллино II (4) и Давлеканово III (5) [Петренко, 2007, с. 34, 36] в Предуралье. В энеолите куниц добывали жители поволжских поселений Гундоровка (6) и Лебяжинка III (7), предуральских поселений Муллино III (8) [Там же, с. 36] и Большая Ока (9).

В позднем бронзовом веке на куниц в Поволжье охотились в районе поселения Лебяжинка V (10) [Косинцев, Рослякова, 2002], в Предуралье — в окрестностях поселений Ахметово I (11), Мурадымовское (12), Старо-Кабановское (13), Тюбьяк (14) и Юкаликулево (15), в Южном Зауралье — у поселения Черкаскуль II (16) [Сальников, 1967, с. 370].

В материалах раннего железного века Поволжья остатки куниц не обнаружены из-за малого количества исследованных здесь поселений [История Самарского Поволжья..., 2000, с. 10–93]. В раннем железном веке добыча куниц велась в Зауралье обитателями поселения Березки Vв (17), в Предуралье — населением городищ Охлебининское I (18) [Петренко, 1984, с. 163], Серный Ключ (19) [Петров, 2003], Тра-Тау (20), Биктимировское (21) и населением, оставившим могильник Кипчакский I (22).

Средневековые поселения Поволжья и Предуралья, на которых найдены остатки куниц, — городища Болгарское (23) [Петренко, 1988, с. 254–255], Старомайновское (24) [Гасилин, 2005], Уфа II (25) [Сатаев и др., 2009], Билярское (26), селища Выползовское (27) [Петренко, 1979] и Ош-

² Здесь и далее номера памятников соответствуют номерам на рис.

Пандо-Нерь II (28) [Гасилин, 2002]. Остатки куниц обнаружены в погребальных комплексах Больше-Тиганского (29) и Танкеевского [Петренко, 2000, с. 142, 147] могильников (30).

Степная зона. Самые ранние находки костей куниц сделаны в отложениях неолитического возраста пещеры Смеловская II (31) в Южном Зауралье [Кузьмина, 2000, с. 140]. Найдены они и на поселении позднего бронзового века Таналык V (32) в том же районе. Третье из известных местонахождений с куницей в степной зоне Урало-Поволжья — средневековое поселение Широкий Буерак (33) на Нижней Волге [Недашковский, 2006, с. 80].

Горно-лесная зона Южного Урала. Остатки куниц найдены в нескольких слоях грота Археологов (34) в верховьях р. Белой, которые датируются от неолита до поздней бронзы [Данукалова и др., 2002], что говорит о промысле куниц здесь по крайней мере с неолита. Но следует отметить, что, например, население горных районов Среднего Урала вело промысел куниц в мезолите [Косинцев, 2007, с. 108], и это позволяет полагать, что на Южном Урале куниц промыслили с мезолита.

Об охоте на куниц в позднем бронзовом веке свидетельствуют их остатки в слоях этого времени грота Ташмурун (35) [Косинцев, 2003, с. 148] и пещеры Подпорная (36) [Гимранов, 2009, с. 88]. Это первые специализированные охотничьи стоянки Южного Урала.

Многочисленны остатки куниц в слоях раннего железного века охотничьих стоянок в пещерах и гротах Южного Урала: Байслан-Таш (37) [Yakovlev et al., 2006] и Ташмурун на р. Белой, Подпорная на р. Нугуш, Атыш I (38) на р. Лемезе, Калиновская (39) на р. Сим.

В средневековых слоях охотничьих стоянок Южного Урала остатки куниц также многочисленны: Атыш I, Ашинский пещерный комплекс №21 (40), Пегова пещера (41), Старое Логово (Улуир-10) (42) и Ташмурун.

Промысел куниц в регионе продолжался и в историческое время. Согласно письменным источникам, в XVII в. лесная куница являлась многочисленным видом в предуральской лесостепи, где ее активно добывало местное население [Кириков, 1966, с. 297]. Интенсивный промысел куницы также велся населением Южного Урала в XIX в. [Граков, 1978].

Динамика структуры промысла

Поселения. В лесостепной зоне из 99 поселений с остатками хищных млекопитающих кости куницы найдены в 26 поселениях (26 %); в степной зоне из 21 поселения кости куниц найдены на 3 (12 %) (табл. 1). Количество костей куниц на всех поселениях невелико, но показательно, что на поселениях всех периодов в лесостепной зоне этот показатель составляет около 1, в степной — около 0,1 (табл. 2). Абсолютная интенсивность промысла в лесостепи была примерно на порядок выше, чем в степи. Как видно, промысел куниц в степной зоне был распространен значительно меньше, чем в лесостепной, что связано с различиями в численности животных в природе [Асписов, 1973, с. 164–167].

В каменном веке в лесостепной зоне человеческие коллективы добывали куниц относительно чаще, чем в эпоху металла (табл. 2, показатель 1). Удельный вес куницы в общей добыче пушных зверей при этом менялся от эпохи к эпохе — он возрос при переходе от каменного к позднему бронзовому веку, резко сократился в раннем железном веке и снова увеличился в средневековье (табл. 2, показатель 2). Средняя интенсивность промысла куниц (табл. 2, показатель 3) изменялась обратно удельному весу в общей добыче пушных зверей — в 3 раза уменьшилась в поздней бронзе, в 2 раза возросла в раннем железном веке и вновь уменьшилась в средневековье. Иными словами, где добывалось относительно много пушных зверей, там и куниц добывали больше, с большей интенсивностью.

Соотношение отделов скелета неодинаково на поселениях разного времени (табл. 3). Количество костных остатков куниц в материалах поселений очень небольшое (табл. 3), что не позволяет сделать однозначных выводов. Вместе с тем следует отметить, что в материалах поселений неолита-энеолита и позднего бронзового века присутствуют все отделы скелета, а на поселениях раннего железного века и средневековья нет костей туловища (табл. 3). Это позволяет предполагать, что при переходе от поздней бронзы к раннему железному веку произошли изменения в промысловой деятельности населения и на поселения стали реже приносить целые тушки куниц, а чаще приносили шкурки с головами.

Специализированные охотничьи стоянки. Этот тип памятников характерен для периода с поздней бронзы до средневековья, когда практически все население региона имело производящий тип хозяйства. Этот тип выделен в результате археозоологического анализа костных комплексов из гротов в горно-лесной зоне. В составе комплексов доминируют кости диких ви-

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

дов, среди которых многочисленны кости пушных зверей, кости домашних животных единичны [Косинцев, 2003, с. 148]. Кости куниц найдены во всех памятниках этого типа (табл. 2, показатель 1). Удельный вес куниц в добыче пушных зверей в горно-лесной зоне в позднем бронзовом и раннем железном веке был стабильным — порядка 40 %, а в средневековье увеличился до 60 % (табл. 2, показатель 2). Интенсивность промысла (табл. 2, показатель 3) с ним не сопряжена и нарастала от эпохи к эпохе в два с лишним раза. Закономерность изменения этих показателей, обнаруженная для лесостепи, не наблюдается в горно-лесной зоне. Судя по большим значениям показателей 1–3, в век металла промысловая нагрузка на куницу в горно-лесной зоне была очень высока.

Таблица 1

Пространственно-временное и тафономическое распределение археологических памятников Поволжья и Южного Урала с остатками хищных млекопитающих

Тип памятника	Ранний голоцен	Средний голоцен		Поздний голоцен	
	Мезолит	Неолит-энеолит	Поздний бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
Лесостепная зона					
Поселения	1/2*	7/12	7/40	5/20	6/26
Могильники	1/2	0/1	0	1/2	3/6
Степная зона					
Поселения	0	1/8	1/9	0/1	1/3
Могильники	0	0	0/1	0/2	0
Горно-лесная зона					
Стоянки	0	0	2/2	4/4	5/5
Святыни	0	0	0	6/8	0
«Смешанные» комплексы	14/28				

* В числителе — количество памятников с остатками куниц, в знаменателе — общее количество памятников с остатками хищных млекопитающих.

Таблица 2

Характеристики структуры промысла куниц Поволжья и Южного Урала в голоцене

Показатель	Ранний голоцен	Средний голоцен		Поздний голоцен	
	Мезолит	Неолит-энеолит	Поздний бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
Поселения в лесостепной зоне					
1. Доля памятников с костями куниц среди памятников с хищными, %	50	58	18	25	23
2. Доля костей куниц среди костей хищных, %	5	24	31	10	31
3. Среднее число костей куниц в памятниках с хищными, абс.	1,0	1,3	0,4	0,9	0,6
4. Число костей куниц, абс.	1	15	17	17	16
5. Всего памятников с хищными, абс.	2	12	40	20	26
Поселения в степной зоне					
1. Доля памятников с костями куниц среди памятников с хищными, %	0	13	11	0	33
2. Доля костей куниц среди костей хищных, %	0	13	100	0	10
3. Среднее число костей куниц в памятниках с хищными, абс.	0	0,3	0,1	0	0,3
4. Число костей куниц, абс.	0	2	1	0	1
5. Всего памятников с хищными, абс.	0	8	9	0	3
Охотничьи стоянки в гротах в горно-лесной зоне					
1. Доля памятников с костями куниц среди памятников с хищными, %	0	0	100	100	100
2. Доля костей куниц среди костей хищных, %	0	0	39	37	62
3. Среднее число костей куниц в памятниках с хищными, абс.	0	0	78	169	370
4. Число костей куниц, абс.	0	0	156	677	1850
5. Всего памятников с хищными, абс.	0	0	2	4	5

Среднее количество костей на стоянках в сотни раз выше, чем на синхронных поселениях (табл. 2). Это не может быть объяснено различием в численности куниц в разных зонах, так как

в горно-лесной зоне она выше, чем в лесостепной, всего в 2–5 [Асписов, 1973, с. 164], а не в сотни раз. Причина различий в количестве костей, несомненно, в том, что на стоянках производился целенаправленный специализированный промысел куниц. Судя по археологическим материалам из стоянок [Гимранов, 2009, с. 88; Котов, Савельев, 2003, с. 126–127], начало этого промысла относится ко второй половине позднего бронзового века и, вероятно, связано с населением срубной, межовской и курмантаусской культур. Таким образом, специализированный промысел куниц начался в эпоху поздней бронзы и возрастал в раннем железном веке и средневековье.

В материале стоянок представлены все отделы скелета, и во все периоды преобладали кости конечностей (табл. 3). Очевидно, что на стоянки в основном приносили целые тушки. В позднем бронзовом веке соотношение отделов практически одинаково на поселениях и стоянках (табл. 3), что указывает на сходство некоторых аспектов промысловой деятельности населения поселений и охотничьих стоянок. При переходе от позднего бронзового к раннему железному веку соотношение отделов скелета на поселениях и стоянках становится существенно различным — в материалах поселений перестают встречаться кости туловища (табл. 3). Это отражает изменения в промысловой деятельности жителей поселений и стоянок, которые сохранились и в средневековье. Первые чаще приносили на поселения шкурки с головами, а вторые — целые тушки. С чем конкретно связаны эти изменения, сейчас сказать невозможно. Можно предполагать, что в раннем железном веке в составе населения выделяется группа, которая специализируется на охоте, и в ее промысловой деятельности появляются аспекты, не свойственные непрофессионалам.

Таблица 3

Соотношение отделов скелета куниц из разных типов археологических памятников Поволжья и Южного Урала, %

Тип памятника	Хронология	Отдел скелета		
		Череп	Туловище	Конечности
Лесостепная зона				
Поселения	Мезолит	0	0	100 (n = 1)
	Неолит-энеолит	63 (n = 7)*	10 (n = 1)	27 (n = 3)
	Поздний бронзовый век	29 (n = 4)	14 (n = 2)	57 (n = 8)
	Ранний железный век	80 (n = 8)	0	20 (n = 2)
	Средние века	100 (n = 8)	0	0
Могильники	Мезолит	100 (n = 3)	0	0
	Ранний железный век	100 (n = 19)	0	0
	Средние века	75 (n = 6)	0	25 (n = 2)
Степная зона				
Поселения	Поздний бронзовый век	0	0	100 (n = 1)
Горно-лесная зона				
Стоянки	Поздний бронзовый век	27 (n = 42)	17 (n = 26)	56 (n = 88)
	Ранний железный век	19 (n = 127)	23 (n = 157)	58 (n = 393)
	Средние века	28 (n = 509)	21 (n = 381)	51 (n = 960)
Святынища	Ранний железный век	24 (n = 12)	24 (n = 12)	52 (n = 26)

* n — абсолютное число костей куниц (экз.).

Орудия и способы промысла. Имеются материалы, которые позволяют охарактеризовать некоторые орудия и способы промысла куниц. На поселении поздней бронзы Юкаликулево [Обыденнов и др., 1994, с. 53–54], в слоях бронзового века охотничьих стоянок в гроте Ташмурун [Косинцев, 2003, с. 148] и в пещере Подпорная [Гимранов, 2009, с. 89] найдены черепа куниц с раздавленными в древности черепными коробками. Это позволяет реконструировать пассивный способ охоты на куниц с помощью самоловных орудий давящего типа. Многочисленность находок свидетельствуют о широком распространении давящих орудий в это время на всей территории рассматриваемого региона. Аналогичные повреждения имеются и на черепах куниц из слоя раннего железного века стоянки в пещере Подпорная [Там же]. Несомненно, добывали куниц и другими пассивными и активными способами.

Реконструкция динамики промысла куниц. Анализ данных, приведенных в табл. 1–3, позволяет провести реконструкцию особенностей промысла куниц на Южном Урале и в лесостепной зоне Урало-Поволжья в разные эпохи.

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

На протяжении каменного века куниц добывали на большей части поселений этой территории, но фактов их специализированной добычи не установлено.

Значительные изменения в организации промысла произошли во второй половине позднего бронзового века. Куниц стали добывать на небольшом количестве поселений (18 % поселений этого времени с находками костей куниц против 58 % объектов каменного века), но удельный вес куниц в структуре добычи возрос (доля костей куниц 31 % против 24 % в каменном веке). Связано это, на наш взгляд, со следующим. Основой экономики населения региона в это время было животноводство, а охота имела очень небольшое значение. Поэтому промысел куниц вело население только тех районов, где их численность в природе была относительно высокой, т.е. эффективность охоты была наибольшей. О начале целенаправленного промысла куниц на поселениях в это время свидетельствует и увеличение их удельного веса в добыче. Однако интенсивность промысла была низкой (среднее число костей куниц на поселениях этого времени 0,4 против 1,3 в неолите-энеолите), что может быть связано с недостаточным развитием промысловых навыков у скотоводческого населения. На последнее косвенно указывает тот факт, что на поселения приносили целые тушки добытых зверей (табл. 3). Появление в это время специализированных охотничьих стоянок в горно-лесной зоне отражает формирование специализированного промысла куниц. Вероятно, уже в составе населения срубной культуры появляются отдельные группы людей, которые специализируются на промысловой деятельности. Часть из них уходит для ее ведения в горно-лесную зону. С конца эпохи бронзы можно говорить о выделении в составе населения лесостепных районов Предуралья и Зауралья профессиональных групп охотников.

В раннем железном веке промысел куниц интенсифицируется. Их стали добывать на большем числе поселений (25 % против 18 % в позднем бронзовом веке), и увеличилась интенсивность промысла (среднее число костей куниц на поселениях 0,9 против 0,4 в позднем бронзовом веке). Это указывает на то, что в раннем железном веке, по сравнению с эпохой бронзы, большая доля жителей поселений стала добывать куниц. Но удельный вес в структуре добычи значительно снизился (в это время доля костей куниц составляет 10 % против 31 % в позднем бронзовом веке). Это связано с общим увеличением в это время охоты на хищников [Косинцев, Гасилин, 2006, с. 487–488]. Основное же свидетельство усиления промысла в это время — расширение географии и увеличение количества (рис.) специализированных охотничьих стоянок в горно-лесной зоне (табл. 2). Вероятно, в это время в составе населения окончательно формируются профессиональные группы охотников.

В средневековье по сравнению с ранним железным веком значительно увеличивается удельный «вес» куниц в структуре добычи на поселениях (31 % против 10 %), т.е. их начинают более активно добывать жители поселений. Одновременно почти в 2 раза увеличивается доля костей куниц на промысловых стоянках в горно-лесной зоне (табл. 2). Таким образом, в средневековье промысел куниц усиливается на всей рассматриваемой территории.

Реконструированная выше динамика промысла куниц отражает изменение потребности населения в их мехе и позволяет сделать ряд выводов о роли пушнины куниц в жизни и экономике древнего населения Урало-Поволжья. Отсутствие признаков специализированной охоты на куниц в каменном веке указывает на то, что их мех использовался для внутренних потребностей отдельных домохозяйств. Начало специализированного промысла куниц в эпоху поздней бронзы мы связываем с появлением у меха куниц социально значимого статуса. В чем он заключался в то время, сейчас сказать затруднительно. Резкое увеличение промысла куниц в раннем железном веке, на наш взгляд, несомненно, связано с его большой востребованностью у населения, в том числе у кочевников степной зоны. Меха экспортировались и далее на юг и запад. Еще большее значение в экспортно-импортных отношениях меха приобрели в средневековье [Белавин, 2000, с. 6–7], что нашло отражение в дальнейшем усилении промысла куниц.

Куницы в обрядах и культах

Куниц добывали не только в утилитарных целях. Их остатки найдены в могильниках и святилищах.

Могильники. Кости куниц найдены в единичных могильниках (табл. 1). В мезолитическом погребении на горе Маяк обнаружено 3 нижних правых клыка куниц [Кузнецова и др., 2004, с. 132]. В Кипчакском I могильнике пьяноборской культуры раннего железного века найдены 3 верхних клыка и 19 верхних хищных зубов куниц. Из погребения Больше-Тиганского могильника ранних венгров Поволжья происходят 4 нижние челюсти и 2 плечевые кости куниц [Петренко, 2000,

с. 142]. В одном из погребений Танкеевского могильника культуры Волжской Булгарии встречены 2 нижние челюсти куниц от 2 особей [Там же, с. 146]. Таким образом, кости куниц найдены в 4 могильниках из 14 с костями хищников, т.е. в 29 %. Среди этих остатков преобладают зубы и нижние челюсти (табл. 3), что указывает на избирательность использования костей куниц в погребальном обряде. С учетом того, что на территории Урало-Поволжья исследовано огромное количество разновременных могильников, очевидно, что роль куниц, как и хищников, в погребальном обряде древнего населения региона была очень невелика. В Южном Зауралье ни в одном из исследованных 67 могильников от энеолита до средневековья кости куниц не найдены.

Святылища. Все святылища находятся в горно-лесной зоне (рис.) и предварительно датируются ранним железным веком. Из них 7 расположены в гротах и 1 на вершине скалы. Святылища выделены на основании археозоологического анализа костного комплекса, который характеризуется избыточной раздробленностью костей [Косинцев, Юрин, 2003, с. 70–71], что не наблюдается на поселениях и охотничьих стоянках. В материалах 5 из 8 святылищ найдены кости куниц. Они целые или слабо фрагментированные, соотношение отделов скелета идентично таковому в материалах охотничьих стоянок раннего железного века и средневековья (табл. 3). Выше уже говорилось о том, что костный комплекс из святылищ включает примесь костей животных, погибших по естественным причинам и, возможно, в результате деятельности человека, не связанной с жертвоприношениями. В обоих этих случаях в составе комплекса оказываются остатки полных скелетов, т.е. то соотношение костей, которое и имеется в комплексе святылищ (табл. 3). Этот факт указывает на высокую вероятность того, что кости куниц не связаны с комплексом святылища, а попали туда в силу других факторов. Подтверждение того, что куницы не входили в состав собственно костного комплекса святылищ, видится нам в следующем. Имеются два комплекса костей из святылищ, в которых не найдены остатки куниц. Оба комплекса весьма богаты костями: один включает 3139, второй — 5237 костей. Последний происходит из полностью исследованного святылища. По археозоологическим характеристикам они не отличаются от комплексов из остальных 6 святылищ. Если бы куницы использовались в обрядах, то их остатки с очень высокой вероятностью должны были входить в состав этих комплексов и были бы обнаружены. Таким образом, имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что куницы не использовались в обрядах, в результате которых сформировался изученный тип святылищ. Кости куниц попали в эти комплексы в результате действия других факторов.

Подвески. Находки подвесок из нижних челюстей куниц известны в регионе начиная с раннего железного века. Они, вероятно, также связаны с какими-то культурами или обрядами.

Заключение

Анализ находок остатков куниц из голоценовых археологических памятников лесостепной и степной зон Урало-Поволжья и горно-лесной зоны Южного Урала показал, что большая их часть происходит из поселений лесостепной зоны и охотничьих стоянок в горно-лесной зоне. В погребальном обряде куницы эпизодически использовались в мезолите, раннем железном веке и средневековье. Попадание их костей в святылища не связано с деятельностью человека.

Промысловая нагрузка на популяции куниц, вероятно, была относительно постоянной в каменном веке, увеличилась в позднем бронзовом веке и далее нарастала в раннем железном веке и средневековье. В позднем бронзовом веке начинается целенаправленная охота на куниц и появляются первые специализированные охотничьи стоянки. В это же время, видимо, выделяются в составе населения Приуралья первые группы профессиональных охотников. В раннем железном веке в составе населения, вероятнее всего, существуют группы профессиональных охотников, эти группы уже полностью сформировались, а в горно-лесной зоне складывается система охотничьих стоянок. В средневековье эти процессы усиливаются. Целенаправленный промысел начинают вести не только профессиональные охотники, но и часть жителей поселений.

Причиной появления целенаправленного промысла куниц в эпоху поздней бронзы, вероятно, было придание их меху социально значимого статуса. Позднее меха куниц становятся одним из основных предметов обмена и торговли [Белавин, 2000, с. 6–7].

Динамика численности и ареалов отдельных видов куниц определялась природными, а с позднего голоцена — и антропогенными факторами. В историческое время соболь и каменная куница уже не встречались в рассматриваемом регионе [Кириков, 1966, с. 296], однако основной промысловый вид — лесная куница, несмотря на многовековой промысловый пресс, до

Промысел куниц (род *Martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене

современности сохранила ареал и сравнительно высокую численность в лесостепной и горно-лесной зонах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асписов Д.И.* Волжско-Камский край // Соболев, куницы, харза. М.: Наука, 1973. С. 161–172.
- Белавин А.М.* Камский торговый путь. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
- Гасилин В.В.* Новое археозоологическое местонахождение — именьковский памятник селище Ош-Пандо-Нерь // Самарская Лука. Самара, 2002. № 12. С. 125–135.
- Гасилин В.В.* Фауна крупных млекопитающих Урало-Поволжья в голоцене: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Екатеринбург, 2009. 16 с.
- Гасилин В.В.* Фауна Старомайнского городища именьковской культуры // Краевед. зап. Самара, 2005. Вып. 12. С. 59–66.
- Гасилин В.В., Гимранов Д.О.* Видовой состав рода *Martes* на Южном Урале в голоцене // Динамика экосистем в голоцене: Материалы Второй рос. науч. конф., 12–14 окт. 2010 г. Екатеринбург; Челябинск, 2010. С. 65–67.
- Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б. и др.* Млекопитающие Советского Союза: Морские коровы и хищные. Т. 2. Ч. 1. М.: Высш. шк., 1967. 1003 с.
- Гимранов Д.О.* Стратиграфия и тафономия охотничьей стоянки эпох палеометалла и РЖВ в пещере Подпорная (р. Нугуш, Южный Урал) // XLI Междунар. Урало-Поволж. археол. конф. студентов и молодых ученых: Материалы конф. Уфа, 2009. С. 87–90.
- Граков Н.Н.* Изменение численности лесной куницы и некоторые закономерности этого процесса // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1978. Т. 83, вып. 3. С. 46–54.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И. и др.* Биостратиграфия четвертичных отложений пещер и речных террас широтного течения р. Белой // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. Уфа: Гилем, 2002. С. 32–57.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье.* М.: Наука, 2000. 423 с.
- Кириков С.В.* Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966. 348 с.
- Косинцев П.А.* Археологические материалы раскопок Ташмуруновского грота в верховьях реки Белой // Уфим. археол. вестн. Уфа: Гилем, 2003. Вып. 4. С. 148–162.
- Косинцев П.А.* Промысловые животные Восточной Европы и Западной Сибири в финальном палеолите-мезолите // Свообразии и особенности адаптации культур лесной зоны в финальном плейстоцене-раннем голоцене. М.: ИА РАН, 2007. С. 86–109.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.* Охота в хозяйстве древнего населения Волго-Уральской лесостепи // Вопр. археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 484–490.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.* Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2008. № 12. С. 89–94.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В.* Исторические изменения северо-восточной границы ареала каменной куницы (*Martes foina* Erxleben, 1777) // ДАН. 2011. Т. 436, вып. 1. С. 139–141.
- Косинцев П.А., Рослякова Н.В.* Материалы по истории животноводства у населения Самарского Поволжья в бронзовом веке // Вопр. археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2. С. 145–150.
- Косинцев П.А., Юрин В.И.* Жертвенный комплекс из пещеры Сикияз-Тамак 1 // Человек и пространство древних культур: Материалы всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 69–72.
- Котов В.Г., Савельев Н.С.* Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // Уфим. археол. вестн. 2003. Вып. 4. С. 124–147.
- Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А.* Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // РА. 2004. № 1. С. 126–139.
- Кузьмина С.А.* Фаунистические данные по позднепалеолитической стоянке Смеловская II на Южном Урале // Плейстоценовые и голоценовые фауны Южного Урала. Челябинск: Челябинск, 2000. Вып. 1. С. 137–153.
- Недашковский Л.Ф.* Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. 2006. № 4. С. 74–86.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А.* Хозяйство населения черкаскульской и мезовской культур Урала эпохи поздней бронзы: Препр. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1994. 112 с.
- Петренко А.Г.* Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // Новое в археологии Поволжья: (Археологическое изучение Билярского городища). Казань, 1979. С. 124–138.
- Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Петренко А.Г.* Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 254–271.
- Петренко А.Г.* Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань: Школа, 2000. 156 с.

В.В. Гасилин, Д.О. Гимранов, П.А. Косинцев

Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3: Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 10–47.

Петров А.Н. Остатки крупных млекопитающих из местонахождения Серный Ключ // Проблемы глобальной и региональной экологии. Екатеринбург: Академкнига, 2003. С. 183–184.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.

Сатаев Р.М., Гимранов Д.О., Кульмухаметова Э.Д. Роль охоты в хозяйстве населения средневекового городища Уфа II // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 176–178.

Смирнов Н.Г. О направлении изменчивости краниологических признаков южноуральских лесных куниц в голоцене // Популяционная изменчивость животных. Свердловск, 1975. С. 98–105.

Yakovlev A., Danukalova G., Kosintsev P. et al. Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of «Bajslan-Tash cave» (the Southern Urals) // Quaternary Intern. 2006. Vol. 149. Iss. 1. P. 115–121.

Екатеринбург, ИЭРиЖ УрО РАН

*GasilinV@yandex.ru

**djulfa250@rambler.ru

***kra@ipae.uran.ru

Subject to analysis being a quantity of weasel (gen. Martes) remains in Holocene archaeological sites (settlements, specialized hunting camps, burial grounds, sanctuaries) from forest-and-steppe and steppe zones of the Ural and Low Volga basin, as well as from mountain-and-forest zone of the South Urals. Weasel hunting was relatively constant in Stone Age, increasing in the late Bronze Age and further increasing in the early Iron Age and medieval time. In late Bronze Age they started a specialized weasel hunting. Starting from early Iron Age among the population there were groups of professional hunters, while in the mountain-and-forest zone subject to development being a system of specialized hunting camps. The increase of weasel hunting was caused by growth of demand for its fur.

Weasel, Martes, hunting, Holocene, archaeology, Low Volga basin, South Urals.

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Бауло

ЗЕРКАЛО В РУКАХ МАСТЕРА

Рецензия. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев (Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2003. 536 с.; Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. 548 с.; Вып. 3. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. 354 с.; Вып. 4. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во «Баско», 2007. 308 с.; Вып. 5. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. 204 с.; Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008. 246 с.; Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. 396 с.; Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. 350 с.; Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. 530 с.; Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2012. 440 с.)

В 2012 г. вышел в свет 10-й выпуск сборника статей «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого». Первый юбилей — достойный повод не только для празднования, но и для подведения некоторых (будем надеяться) промежуточных итогов. Начатый в 2003 г. Службой главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа и в значительной мере личными усилиями ставшего его бессменным редактором Я.А. Яковлева, сборник вошел в редкий круг изданий, тираж (к сожалению, всего 300–400 экз.) которых мгновенно расхватывается читателями. Среди них не только специалисты — историки, археологи, этнографы, но и краеведы и, увы (косвенное признание успеха), достаточно большой контингент «черных» копателей.

Причины подобного успеха очевидны: добротное (если не сказать — шикарное) издание, высококвалифицированные специалисты-авторы, самые свежие новости «с полей», серьезная аналитика, архивные материалы, подробные графики, чертежи, схемы, оперативность издания и мн. др.

Округ не случайно стал предметом пристального внимания: в настоящее время это один из самых динамично развивающихся субъектов Российской Федерации. Масштабное хозяйственное освоение богатейших месторождений нефти и газа наполнило актуальностью проблему сохранения уникального историко-культурного наследия коренных малочисленных народов Севера.

Выпуски сборника обладают единой структурой, включающей такие основные разделы, как «Проблемы...» и «Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского округа», «Последний полевой сезон» (речь идет, конечно же, о только что закончившемся сезоне), «Архивные изыскания», «Библиографическое наследие», «Рецензии и библиографии», «Некрологи/Юбилеи». Кроме этого, в первом выпуске содержатся материалы международного полевого научно-методического семинара «Эмдер» (публикация докладов ведущих специалистов: археологов А.В. Соколкова, А.П. Зыкова и С.Ф. Кокшарова, В.А. Борзунова, В.И. Стефанова, А.И. Бобровой, этнографа Е.Г. Федоровой).

Раздел «Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского округа» в значительной мере посвящен вопросам государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия на территории автономного округа, их правовой регламентации, способам защиты. Авторами раздела часто выступают административные работники разного ранга, высказывающие конкретные практические рекомендации. Актуальны материалы о создании музейных комплексов на территории округа (включая музеи под открытым небом), анализируется зарубежный опыт популяризации археологического наследия, предлагаются для обсуждения проекты охранных зон в районах газовой и нефтяной добычи.

Безусловно востребован и нуждается в широком обсуждении специалистами проект Инструкции «Отчет об археологических исследованиях. Структура и правила оформления», который представил К.Г. Карачаров (вып. 10, с. 4–39).

В выпусках 4–7 публиковались списки вновь выявленных памятников историко-культурного наследия на территории ХМАО — Югры с подробным указанием их местонахождения. Подобная публикация весьма полезна специалистам при картографировании археологических культур, выявлению магистральных и локальных этнических культур, но, к сожалению, она была вынужденно остановлена, поскольку невольно оказалась «наводкой» для «черных» копателей. Активная деятельность последних и массовая продажа археологических артефактов через ряд ресурсов Интернета заставила Ю.В. Ширина, Я.А. Яковлева, О.И. Приступу начать своеобразный мартиролог югорской археологии — публикацию находок из несанкционированных раскопок на территории ХМАО — Югры (вып. 8, с. 21–62; вып. 9, с. 10–81; вып. 10, с. 68–99). В качестве анекдота можно отметить восторженную реакцию в Интернете, в том числе «черных» копателей, на указанную серию статей: «Предметы — предметами, но какой же сочный текст!».

Раздел *«Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского округа»* в значительной степени носит «этнографический» характер и посвящен выявлению общего и особенного в материальной и духовной культуре хантов и манси. Вызывают интерес полевые экспедиционные дневники поездок на стойбища хантов Сургутского района А.А. Рудя (вып. 1, с. 92–102), Я.А. Яковлева (вып. 2, с. 175–208), А.П. Сопочиной (вып. 2, с. 208–218), О.В. Стародубовой (вып. 6, с. 110–119). Читатель буквально попадает «в гости» к той или иной семье, проживает вместе с ними трудный и напряженный день оленевода, рыбака, охотника.

В раздел включены статьи по материалам поздних археологических памятников, которые находят близкие аналогии в тех или иных этнографических комплексах. Известное внимание памятникам архитектуры, расположенным на территории округа, и их реставрации уделяется в статьях И.В. Самкович (Храм Успения Пресвятой Богородицы в Селиярово; вып. 2, с. 260–264), А.Ю. Майничевой (Сибирские церкви во имя Николая Чудотворца; вып. 3, с. 84–105), В.В. Фарносовой (Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Березово; вып. 4, с. 141–151), М.Н. Пальяновой (исторические здания Ханты-Мансийска; вып. 6, с. 211–219; деревянные постройки в Малом Атлыме; вып. 8, с. 419–431), М.Ю. Баранова и И.С. Чарусовой (Свято-Троицкая церковь в Октябрьском; вып. 8, с. 412–418; и др.).

Ряд статей имеет археологическую направленность и выносит актуальные вопросы на дискуссионные площадки. Так, Ю.В. Ширин размышляет об основаниях абсолютной датировки некоторых типов художественной металлопластики из памятников Нижней Оби: за основу он берет памятники южно-сибирской фоминской культуры, сравнивая их с синхронными материалами Усть-Полуя и известного Холмогорского «клада»; ряд научных положений Н.В. Федоровой и А.П. Зыкова ставится автором под сомнение (вып. 2, с. 58–69). Ф.И. Мец демонстрирует возможные балканские параллели известному в Западной Сибири сюжету «медведь в жертвенной позе» (вып. 2, с. 125–136). О семантике бронзовых изображений Холмогорского «клада» пишут Л.В. Ивасько и О.В. Кардаш, которые в предлагаемых реконструкциях во многом основываются на более поздних этнографических материалах (вып. 2, с. 70–90). К сожалению, отнесение ими изделий «клада» к шаманским «принадлежностям» на том основании, что «проведение религиозных мистерий было привилегией шаманов», принять невозможно по двум причинам. Если они относят эти мистерии к III–IV вв., то доказать наличие шаманов в ту эпоху они априори не могут; если же проводят параллели с обрядами, зафиксированными в XVIII–XX вв., то это не совсем корректно: в указанный период известна специфическая для коренных народов севера Западной Сибири категория хранителей священных мест, которые и руководили религиозными действиями (отсылаю к работам К.Ф. Карьялайнена, А. Каннисто, З.П. Соколовой, И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, Е.Г. Федоровой и др.). О белоярской археологической культуре и, с учетом появления серии калиброванных дат, возможности ее удревнения пишут О.Н. Корочкова и Т.М. Пономарева (вып. 3, с. 35–61). Любопытные подходы к характеристике карымских памятников Таежного Приобья демонстрируют В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин; ими же предпринят уникальный опыт реконструкции социальных процессов карымского общества, а также взаимодействия его населения с соседями (вып. 10, с. 155–261). Анализируя проблему неолитических укреплений Западной Сибири, в масштабной статье В.А. Борзунов выходит на более широкую тему — истоков оборонного зодчества Севера Евразии (вып. 9, с. 170–239).

В данном же разделе активно публикуются вновь вводимые в научный оборот источники — своеобразные мини-каталоги (см., напр.: Я.А. Яковлев «В копилку урало-сибирской художественной металлопластики железного века», вып. 2, с. 91–124; и др.). Упомяну также весьма важ-

ные, но не часто публикуемые материалы о методике и технологиях консервации и реставрации археологических находок (см. статью О.Л. Швеца, вып. 9, с. 311–324).

Наиболее крупный раздел рецензируемого сборника — «*Последний полевой сезон*» — редкая возможность для специалиста узнать самые свежие новости о прошедшем полевом сезоне. География работ покрывает всю обширную территорию округа; они имеют как чисто научно-исследовательский характер, так и специфику договорных (экспертных, охранных, аварийных) работ в зонах промышленного освоения; публикуются данные археологических разведок. Хронологически охвачены археологические памятники от каменного до XIX в. Ряд статей носят междисциплинарный характер, где археологические методы подкрепляются геологическими, геодезическими, топографическими, дендрохронологическими, георадарными методами.

Раздел «*Архивные изыскания*» широк по исследуемой тематике. С.В. Кондратьев, С.В. Туров, В.Я. Темплинг публикуют материалы о Кондинском Свято-Троицком монастыре в первой половине XVIII в. (вып. 2, с. 488–525; вып. 3, с. 252–301; вып. 4, с. 210–256), Л.А. Тимофеева — новые архивные документы о генеалогии Алачевых (вып. 2, с. 526–532). Печатаются письмо В.Н. Пигнатти к А.М. Тальгрену (вып. 4, с. 257–267), материалы об исследовании рыбопромыслового значения озер Александрово-Ваховского района за 1930 г. (вып. 4, с. 268–299), различного рода докладные записки первых лет советской власти о политэкономическом состоянии народов Севера, рыбо- и пушнозаготовках (вып. 5, с. 182–199), документы о расселении спецпереселенцев на территории округа в годы Великой Отечественной войны (вып. 5, с. 76–83). Полагаю, что этнографам будет интересно заглянуть в полевую лабораторию известного исследователя мансийской культуры И.Н. Гемуева: к его 70-летию публикуется экспедиционный дневник первой поездки к манси в 1983 г. (вып. 10, с. 381–407); эти материалы дополняет подготовленная О.Б. Беликовой статья об архиве А.М. Сагалаева, которая включает и фотографии совместной с И.Н. Гемуевым экспедиции 1984 г. (вып. 10, с. 408–431).

Раздел «*Библиографическое наследие*» позволяет читателю ознакомиться с редкими и малодоступными изданиями (Н.С. Трубецкой «К вопросу о Золотой Бабе», вып. 3, с. 242–251; К.Р. Доннер «К Оби через пустынную тундру», вып. 5, с. 138–153; С.А. Кушлин «Охотничьи заказники Уральской области в начале 1927 г.», вып. 6, с. 220–225; и др.).

Раздел «*Рецензии и библиографии*» включает анализ изданий, в которых публикуются материалы исследований памятников, расположенных в округе или на соседних территориях. Рецензентами выступают ведущие исследователи из университетских и научно-исследовательских центров Сибири — Л.А. Чиндина, Н.В. Лукина, Л.М. Плетнева, Н.В. Федорова, Л.Н. Корякова, Е.М. Главацкая, и др.

Раздел «*Некрологи/Юбилеи*» носит в значительной мере личный характер: это теплые воспоминания друзей об ушедших коллегах («У потухшего костра...» о В.М. Морозове, «Только старых растеряли друзей...» об И.Г. Глушкове), эмоциональные поздравления юбилярам (В.Т. Ковалевой, В.И. Стефанову, С.Ф. Кокшарову, О.Н. Корочковой, Л.Л. Косинской, Н.В. Федоровой, Ю.П. Чемякину, В.А. Борзунову) и их творческие портреты. Это так важно — помнить об ушедших, но еще успеть поблагодарить тех, кто сегодня с тобой рядом.

Подводя итоги, можно смело утверждать, что перед нами — высококвалифицированное научное издание, имеющее высокий рейтинг среди специалистов, занимающихся изучением историко-культурного наследия народов Западной Сибири. Оно тем более ценно, что является единственным в России долговременным — 10-летним! — опытом публикации многотомного полноценного научного издания *органом исполнительной власти*.

Видна безусловная специфика издания — «производственный» характер сборника; фактически перед нами высококлассные результаты работы «хоздоговорной» археологии и этнографии. Необходимо отметить важную прикладную составляющую публикаций: рекомендации, методики, утвержденные списки и обсуждаемые концепции, резолюции и пр.

С чисто научной стороны привлекательна тематическая широта, возможность публикации объемных текстов, цветные иллюстрации. Сборник стал хорошей научной школой, в которой вырастают серьезные специалисты (для меня как этнографа, например, очевиден прогресс, превращение в профессионального полевика и аналитика А.А. Рудя).

Особое — восхищенное — впечатление вызывает оформление сборников. При общей модели дизайна каждый том отличается обложкой (фото югорского ландшафта сверху и рисунок бронзового зеркала), форзацами, орнаментом в колонтитуле и заставке, концовкой статей (прорисовка какого-либо средневекового бронзового антропо- или зооморфного изображения).

А.В. Бауло

Твердый переплет, высокое качество иллюстраций, масштабирование артефактов, хорошо читаемые топографические схемы, графики, таблицы, мелованная бумага, достаточно крупный шрифт — все это делает комфортным знакомство с каждым вышедшим томом.

Понимая, что сборник является продуктом деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, хочу отметить определяющую роль инициатора и постоянного редактора — Я.А. Яковлева. Те, кто хоть однажды оказался в роли ответственного редактора научного сборника, второй раз стараются в эту реку не входить: безумного количества собственных сил и нервов стоит общение с необязательными и вечно опаздывающими по срокам коллегами. Вот уже десять лет Якову Александровичу как-то удается это терпеть и преодолевать; этим терпением, мужеством, высокой организованностью и профессионализмом нельзя не восхищаться.

Обращает на себя внимание и дополнительно подчеркивает высокий научный уровень сборника тот факт, что его выпуски прошли через издательство Томского государственного университета, имеющего более чем полувековой опыт научного книгоиздания.

Настоящий сборник — действительно Зеркало: оно не только отражает современное состояние археологических и этнографических памятников на территории Югры, но умелыми руками Мастера, Якова Александровича Яковлева, отраженным от Зеркала лучиком света высвечивает всю красоту уникальной культуры народов Сибирского Севера.

*Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
bau194@ngs.ru*

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнография и этническая история», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. Рубрика «Итоги экспедиционных исследований» рассчитана на оперативную публикацию основных, наиболее значительных результатов экспедиций последних лет. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношении редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах.

И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);

б) библиографический список;

в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);

г) список сокращений;

д) аннотацию;

е) список ключевых слов;

ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Итоги экспедиционных исследований», «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.). На обороте каждой иллюстра-

ции следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих буквенных литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: ipos@tmn.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
БИН РАН — Ботанический институт РАН
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГУТО ГА в г. Тобольске — Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив
в г. Тобольске
ГУТО ГАТО — Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской
области
ДАН — Доклады АН
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИС — Из истории Сибири
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭРИЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных УрО РАН
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛА — лаборатория археологии
ЛН — лист наблюдений
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП — Московское общество испытателей природы
МФТИ — Московский физико-технический институт
ПНИАЛ — Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РПЦ — Русская православная церковь
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦАИ — Центр археологических исследований
ЦДНПО — Центр документации новейшей истории Омской области
ЭО — Этнографическое обозрение

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (20)

2013

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 14.03.2013. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 18,5. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.